

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Х.М. БЕРБЕКОВА»

На правах рукописи

ЧИЛОВА ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВНА

**ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «ВКУС»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

**(на материале кабардино-черкесского,
русского и английского языков)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Аликаев Р.С.

Нальчик 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЦЕПЦИИ ВКУСА ЯЗЫКЕ	13
1.1. Когнитивная природа восприятия	13
1.2. Концептуализация и категоризация: инструменты систематизации чувственного опыта	19
1.3. Языковая картина мира: статический и динамический аспекты	30
1.4. Традиционный подход к исследованию полисемии	38
1.5. Когнитивный подход к исследованию полисемии	43
1.6. Метафора и метонимия: механизмы семантической деривации	48
1.7. Полисемия адъективной лексики	53
Выводы	61
Глава 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВКУСА	63
2.1. Естественнаучная основа перцепции вкуса	63
2.2. Концептуальная категория «вкус» в кабардино-черкесском, русском и английском языках.....	67
2.3. Когнитивные основания и языковое воплощение перцепции вкуса	74
2.4. Культурологические аспекты вкусовой перцепции	83
2.5. Пищевые традиции кабардинского этноса	89
2.6. Базисный признак <i>ІэфІ</i> – <i>сладкий</i>	96
2.7. Базисный признак <i>гуащІэ</i> – <i>кислый</i>	112
2.8. Базисный признак <i>дыдж</i> – <i>горький</i>	124
2.9. Базисный признак <i>щыгъуэ</i> – <i>солёный</i>	133
Выводы	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
БИБЛИОГРАФИЯ	145

ВВЕДЕНИЕ

Представленное в языке устройство мира не является его копией, в противном случае результаты концептуализации и категоризации были бы схожи во всех языках. Они же демонстрируют расхождения, обусловленные действием человеческого фактора. При прочих равных условиях (одинаковое географическое положение, ландшафт, история, жизненный уклад и т.д.), человеческий фактор «несет ответственность» за «искаженную» репрезентацию по сути единого мира в языке. Сходные модусы перцепции (зрение, слух, осязание, вкус, обоняние) и их реализация посредством одинаковой телесной организации всех людей отнюдь не гарантируют одинаковый результат. Воспринятое подвергается сложной когнитивной обработке – концептуализации и категоризации с опорой на когнитивную базу человека [Дж. Лакофф; Н.Н. Болдырев] с использованием инструментария метафоры и метонимии и доступного языкового ресурса. Результирующим эффектом этого сложного пути является словесный знак.

Восприятие начинается с осознания целостного образа объекта, в котором далее выделяются отдельные признаки и свойства. Процесс, трудно расчленимый на отдельные этапы, но от этого не меняющий своей сути, поскольку сущность вещи формируется совокупностью признаков его образующих [Ungerer, Schmid 2006: 55]. Первостепенное значение признака в познании природы объекта предполагает его последовательное вычленение и дифференциацию, что составляет содержание концептуализации и категоризации. Перцептивные признаки не равнозначны по выполняемой ими роли в жизнедеятельности человека и, как следствие, по степени и разнообразию представленности в языке. Бесспорно, возможности зрительного модуса, который предоставляет самую разнообразную информацию об объектах, заполняющих пространство, не сопоставимы с вкусовым модусом. Сфера действия вкусовой перцепции весьма ограничена, что, соответственно, отражается в ее количественной репрезентации в

языке. К тому же содержательно вкус являет собой сложный, диффузный, трудно объективируемый модус перцепции.

Сочетание названных факторов несколько сдерживало исследование категории вкуса. Ситуация усугублялась еще и тем, что долгое время вкус считался низшим, приземленным ощущением, не достойным внимания науки [Hoffmann 2016]. И только на рубеже XX–XXI вв., на фоне изменившихся отношений человека к чувственным удовольствиям, ученые по-другому посмотрели на вкус [Нагорная 2023: 80]. Рост интереса языковедов к вкусовой перцепции также обусловлен современной когнитивно-дискурсивной парадигмой. Ее первоочередные задачи заключаются в объективации сложного пути, который проходит перцептивная информация до приобретения ею статуса языковой единицы, исследовании реальных условий ее функционирования.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена тем, что изучение принципов семантического расширения прилагательных, обозначающих восприятие, и их интерпретация с когнитивной точки зрения является одним из путей постижения языкового сознания человека и понимания сложных процессов концептуализации и категоризации окружающей действительности. Их исследование формирует магистральное направление современной лингвистики. Значимость категории вкуса в жизни человека, а также ее включение в систему основных каналов восприятия, исследование которых является приоритетным направлением когнитивной лингвистики, свидетельствует об актуальности настоящей работы. Обращение к данным смежных наук для получения полной картины исследуемого явления говорит о междисциплинарном характере работы – требовании современного времени.

Объект исследования – перцепция вкуса в кабардино-черкесском, русском и английском языках.

Предмет исследования – концептуализация и категоризация базисных прилагательных вкуса с особым акцентом на кабардино-черкесский язык, приоритетный для нашего исследования, для которого материал русского и английского языков служит фоновой поддержкой.

Цель исследования – обозначить естественнонаучную, культурологическую и когнитивную основы перцепции вкуса; реконструировать фрагменты языковой картины мира, воплощенные в базисных вкусовых прилагательных: *IэфI/сладкий/sweet*, *гуацIэ/кислый/sour*, *дыдж/горький/bitter*, *цыгъуэ/соленый/salty* на основе изучения механизмов их концептуализации и категоризации.

Поставленная цель предполагает решение ряда исследовательских **задач**:

- представить краткий обзор актуальных вопросов современной когнитивистики: восприятие и категоризация действительности; языковая картина мира; полисемия; адъективная семантика в призме метафорических и метонимических переносов;

- определить естественнонаучные, культурологические и когнитивные аспекты изучения перцепции вкуса;

- выявить особенности категориального понятия «вкус» в кабардино-черкесском языке, русском и английском языках;

- провести анализ лексикографической репрезентации прилагательных вкуса в терминах их метафорического и метонимического развития;

- установить векторы семантического расширения вкусовых адъективов на основе анализа текстовых фрагментов их использования;

- рассмотреть инвариантные значения прилагательных вкуса.

Эмпирическим материалом послужили базисные прилагательные вкуса, их дериваты и фразеологические сочетания с вкусовым компонентом, извлеченные методом сплошной выборки из доступных лексикографических источников кабардино-черкесского языка; текстовые реализации вкусовых адъективов (779 фрагментов), выбранные из 18 художественных произведений кабардинских авторов, общим объемом 6275 страниц. Полученные данные уточнялись и верифицировались с помощью переводных и фразеологических словарей, словарей синонимов, этимологического словаря кабардино-черкесского языка. В целях рельефного высвечивания специфики адъективов кабар-

дино-черкесского языка, их этнокультурных особенностей в работе использовался материал русского и английского языков.

Степень разработанности темы. Многоаспектный и многомерный модус вкусовой перцепции является объектом исследования разных направлений языковедческой науки. В области семантики исследуется номенклатура вкусовых обозначений, инструменты их разграничения, эпидигматика номинаций вкуса, их словообразовательный потенциал и функциональные аспекты. Прагматический ракурс нацелен на выявление культурных и индивидуальных предпочтений в использовании вкусовых адъективов в разных видах дискурса. В исследованиях кросскультурного направления рассматривается спектр вкусовых ощущений, отражаемый в языке, их сходства и различия в плане формируемых значений и коннотаций. Когнитивный аспект предполагает обращение к человеческому фактору как концептуализатору и категоризатору вкусовых ощущений, выявление мотивов и причин, приводящих к формированию языкового обозначения субъективного, недискретного, диффузного вкусового признака (М.А. Гедина, Н.В. Гутова, Б.Н. Жантурина, Р.П. Иванова, В.В. Катермина, И.А. Кобякова, М.Г. Колбенева, Л.В. Лаенко, Ж.В. Лечицкая, Лю Цзюянь, О.В. Макарова, Т.М. Матвеева, Е.Е. Меньшикова, А.Х. Мерзлякова, А.В. Нагорная, А.М. Никифорова, А.В. Олянич, И.Г. Рузин, Л.Р. Сакаева Е.Ю. Смирнова, Н.Ф. Спиридонова, С.С. Степина, З.К. Темиргазина, В.К. Харченко, И.В. Чеханова, Н.Ю. Шнякина, Е.А. Юрина, Е.Ю. Яровая и др.)

Когнитивный подход к исследованию вкусовой перцепции позволяет глубже понять связь языка и восприятия, влияние последнего на формирование языковой картины мира.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что исследование вносит определённый вклад в разработку магистральных направлений современной лингвистики: языковую категоризацию и концептуализацию, на основании того, что в работе:

– предпринята попытка теоретического осмысления всей цепочки познания: восприятие, категоризация ощущений; метафора, как инструмент категоризации; формирование ЯКМ и ее динамика; имя прилагательное как фрагмент ЯКМ;

– уточняются существующие положения о специфике признаковой семантики и ее смыслового развития;

– обосновывается возможность выделения инвариантного значения на основе анализа словарных значений и текстовых употреблений адъективов;

– исследуются семантические и когнитивные аспекты признаковой лексики кабардино-черкесского языка;

– находит подтверждение культурологическая детерминированность векторов семантического расширения.

Практическая ценность диссертационного исследования определяется возможностью использования теоретических и практических материалов в лекционных курсах по теории языка, когнитивной семантике, теории и практике перевода, межкультурной коммуникации, национальной культурологии. Эмпирический материал представляет ценность для лексикографической практики. Он будет полезным в работе по формированию столь актуального на сегодняшний день Национального корпуса кабардино-черкесского языка.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые:

– прилагательные *вкуса* кабардино-черкесского языка стали объектом диссертационного исследования;

– применен комплексный подход к предмету исследования: этимологический, языковой, когнитивный, культурологический, что обеспечивает полноту картины изучаемого явления;

– обозначены новые оттенки смыслового содержания понятия «*вкус*», связанные с тенденциями развития современного общества;

- уточнены причины отсутствия категориального понятия «вкус» в кабардино-черкесском языке;
- определены векторы семантического расширения вкусовых адъективов, зависимость их репрезентативности и вариабельности от вида вкуса, его физиологической и психологической основы;
- установлены этноспецифичные черты содержания и смыслового развития вкусовых адъективов.

Методологической основой данного исследования стали ключевые идеи современного языкознания, рассматривающие язык как отражение когнитивных структур; постулирующие взаимосвязь языка и мышления, культурологическую детерминированность языковых единиц; приоритетность семантических исследований в разработке основных положений когнитивной лингвистики, значимость метафоры в процессах концептуализации и категоризации мира, неоднозначность признаковой метафоризации.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых в области:

- *теории языка* (Ю.И. Александров, Л. Витгенштейн, Л.С. Выготский, В.фон Гумбольдт, И.Ю. Колесов, Н.И. Логинов, М. Мерло-Понти Д. Мецлер, Р.И. Павилёнис, В.И. Постовалова, И.Г. Рузин, Н.К. Рябцева, Б. Уорф, А.А. Уфимцева, М. Хайдеггер, Н.И. Чуприкова, W. Croft, S.Gallagher, P. Norvig, F.J. Varela и др.);
- *общей семантики* (Р.С. Аликаев, О.А. Алимуратов, Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, Э.Г. Бендикс, Э. Бенвенист, М. Блэк, А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, Б.Н. Жантурина, Ю.Н. Караулов, В.В. Катермина, М.А Кронгауз, Е.С. Кубрякова, Г.И. Кустова, У. Лабов, Дж. Лайонз, В.Н. Манакин, В.В. Морковкин, Ю.А. Найда, М.В. Никитин, Е.В. Падучева, Г. Пауль, Н.Е. Сулименко, Д.Н. Шмелев, А.Н. Шрамм, R. Driven, Y. Peirsman и др.);
- *когнитивной семантики* Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, Т.В. Борисенко, Е.Л. Боярская, О.А. Булгакова, Е.В. Дзюба, Дж. Лакофф, Л.М. Ле-

щева, М. Минский, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.В. Рахилина, Т.Г. Скребцова, D.A. Cruse, P. Dean, G. Fauconnier, G. Lakoff, R. Jackendoff, V. von Hoffmann, E. Rosch, Ungerer F., Schmid H.-J. И др.);

– *лингвосенсорики* (Б.Н. Жантурина, А.В. Нагорная, А.Х. Мерзлякова, Д. Мецлер, В.К.Харченко, F.F. Geldard, B. Holmes, A.B. Johnson, C. Korsmeyer, R. Lickliter, G. M. Shepherd, L.Vercelloni, K.Wistoft и др.);

– *национальной культурологии* Б.Х. Бгажноков, Б.А. Кубатиев, Г.Х. Мамбетов, Ю.М. Новоженев, В.В. Похлебкин, О.Х. Таов, А.Д. Цикуниб и др.).

Методы, использованные в диссертации, обусловлены поставленными целью и задачами. Методом сплошной выборки был сформирован эмпирический материал исследования. С целью выявления смыслового содержания значений вкусовых адъективов, применялись дефиниционный и компонентный методы анализа словарных толкований. Контекстуальный метод использовался при исследовании текстовых примеров. Экспликация варьирования основных значений вкусовых прилагательных обусловила применение семантического и интроспективного методов анализа. Для систематизации практического материала и полученных результатов на всех этапах исследования был задействован описательно-аналитический метод.

Положения, выносимые на защиту:

1. Универсальный модус перцепции – вкус представлен в кабардино-черкесском языке основными видовыми адъективами: *ІэфІ* – сладкий, *гуащІэ* – кислый, *дыдж*- горький и *шыугъэ* – соленый. Контактность, субъективность, эталонность, высокая культурологическая детерминированность являются важными особенностями данного модуса перцепции, что нашло отражение в кабардино-черкесском языке: специфика эталонизации, ограниченная репрезентация синонимичных и производных единиц, особая фразеологическая парадигма. В кабардино-черкесском языке слабо представлен дифференцированно осложнённый вкус (ср. *приторный*); интенсивность вкуса (*солонватый, saltish*); атрибуты с включенным эталоном (*яблочный вкус, orange taste*). Скром-

ная репрезентация категории вкуса в кабардино-черкесском языке является следствием традиционно сдержанного отношения к еде, которую отличала простота, естественность и рациональность.

2. Видовое именование категории *вкус* (ср. русск. *вкус*; англ. *taste, flavor*), которое является результатом умозрительных построений и требованием таксономической инвентаризации, отсутствует в кабардино-черкесском языке. Названная особенность не влияет на функционирование родовых признаков в языке. Необходимость обозначения обобщенного понятия *вкус* реализуется с помощью различного рода перефразирования или использования русского *вкус*, что в условиях естественного билингвизма вполне закономерно.

3. В основе концептуального расширения прилагательных вкуса лежат физиологические ощущения, испытываемые человеком под влиянием того или иного вкуса, а также их культурологическая специфика. Помимо объективных ощущений вкуса, на количественную и качественную метафорическую категоризацию влияют социальные факторы, связанные с укладом и бытом этноса, его пищевыми традициями и культурными практиками. В этом смысле каждый из исследуемых вкусовых признаков отмечен этнокультурной спецификой разной степени выраженности.

4. Оценочный потенциал прилагательных вкуса является неотъемлемой частью их семантики как отражение объективных свойств обозначаемых вкусовых ощущений, преломленных через культурную составляющую. Выявлена интересная закономерность: порог чувствительности вкусового ощущения и вектор генерируемой им оценочности находятся в прямой зависимости. Так, для распознавания ощущения *сладкого* вкуса требуется относительно высокая степень концентрации раствора глюкозы (1–2 %). Данный адъектив отмечен в кабардино-черкесском языке выраженным положительным вектором развития коннотативных признаков. В лексеме не выявлена отрицательная коннотация (чрезмерная любезность, угодничество, лицемерие), свойственная русскому *сладкий*. Это содержание передается такими единицами, как: *убзэ, щытхъу*;

фэкIэ зызыщI, бзитIщхьитI и др. Также не выявлены случаи употребления *IэфI/сладкий* для квалификации приятной внешности, образа, общего вида, как в английском языке: *sweet look, appearance, dress, house*. Семантическое расширение признака *дыдж/горький*, который обладает самым низким порогом чувствительности (0,001–0,002 % раствора солянокислого хинина), отмечено резко выраженной отрицательной коннотацией.

5. Исследование особенностей семантического варьирования прилагательных вкуса допускает выведение инвариантного значения, что согласуется с признаковой природой адъективной семантики: *IэфI/сладкий* – приятный, доставляющий наслаждение; *гуащIэ/кислый* – интенсивный, энергичный; *дыдж/горький* – в высшей степени неприятный; *шыугъэ/солёный* – неприятный.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что базисные прилагательные вкуса, несмотря на их периферийность в сенсорике человека, активно используются для категоризации мира, преимущественно абстрактных или плохо структурированных его фрагментов; процесс который детерминирован физиологическими, психологическими и культурными факторами.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации докладывались на следующих всероссийских и международных научных конференциях: международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива–2022», Нальчик, КБГУ, 2022; «Перспектива–2023», Нальчик, КБГУ, 2023; «Перспектива–2024», Нальчик, КБГУ, 2024; Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы теории языка и современные технологии лингводидактики», Махачкала, 2023; I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, «Актуальные проблемы и перспективы развития гуманитарных наук и образования в эпоху цифровизации», Нальчик, КБГУ, 2023; II Всероссийская научно-практической конференция с международным участием «Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы», Нальчик, КБГУ, 2024; а также отражены в 11 опубликованных статьях, в том

числе 4 статьях в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ. Ход исследования и его результаты регулярно докладывались на заседаниях кафедры немецкой и романской филологии КБГУ им. Х.М. Бербекова.

Структура диссертации определяется поставленной целью и сформулированными задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

Во введении определяется общее направление исследования, обосновывается ее актуальность, излагаются цель и задачи, выявляются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, дается описание методологической базы, материала и методов исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, формулируется рабочая гипотеза исследования, сведения об апробации работы.

Первая глава посвящена осмыслению важных понятий и теорий, выходящих на проблематику исследования: восприятие, категоризация мира, языковая картина мира, механизмы метафоры и метонимии, проблема полисемии и ее проявление в адъективной лексике.

Во второй главе рассматриваются физиологические и психологические основы вкусового восприятия, устанавливается специфика родового признака «вкус», его языковая объективация, последовательно анализируются лексикографические данные и текстовые фрагменты базисных прилагательных вкуса в терминах их метонимического и метафорического расширения.

Заключение содержит основные результаты проведенного исследования и перспективы дальнейшей работы.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЦЕПЦИИ ВКУСА ВЯЗЫКЕ

1.1. Когнитивная природа восприятия

Восприятие – сложный феномен, являющийся предметом исследования целого ряда наук: философии, психологии, физиологии и с середины XX века – когнитивной лингвистики – магистрального направления современного языкознания. Человек, контактируя с окружающей средой, подвергается ее постоянному воздействию. Способность реагировать на свет, температуру, разного рода звуки, различать предметы по размеру, цвету, по запаху и т.д. является врожденной фундаментальной способностью человека. Она помогает ему ориентироваться в поистине безграничном потоке движения материи в самых разнообразных формах, структурировать воспринимаемую информацию и выстраивать стратегии своего поведения в определенной экологической среде. Процессы восприятия, представленные в ощущениях, сопровождают человека всегда и всюду.

В психологии восприятие определяется как субъективный образ предмета или явления в совокупности их свойств и частей при их непосредственном воздействии на органы чувств [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://psyera.ru>]. Восприятие отличается от ощущения тем, что последнее является непосредственным чувственным отражением лишь отдельных свойств предметов и явлений, воздействующих на анализаторы [Там же]. В словаре философских терминов [СФТ 2005: 89] толкование этого понятия дополняется важным определением – одна из *познавательных* (курсив наш) способностей человека, сущность которой состоит в воссоздании целостного образа предмета, непосредственно воздействующего на органы чувств. Философское понимание включает в себя такие важные состав-

ляющие, как предметность, целостность, константность, пространственные и временные характеристики [Кондаков 2007: 107].

В классических теориях познания восприятие трактуется как пассивный процесс, который сводится к простой физиологической реакции на внешние раздражители. Некоторые исследователи прошлого – эмпирики [Аристотель, Беркли, Бэкон, Гоббс и др.] отводили восприятию ведущую роль в получении знаний человеком, отодвигая на второй план мышление. Другие философы, сторонники рационализма [Декарт, Платон, Лейбниц, Кант и др.], считали рациональное мышление основой познания. Их теория основывается на том, что истинную информацию о действительности дает разум. Именно он является ведущей формой и источником познания. Сегодня такое диаметрально противоположное роли чувственного опыта и рационального мышления в познании отошло в прошлое. Признается сложнейшая природа взаимодействия и взаимовлияния чувственной природы и рационального в реализации актов восприятия.

Важным положением современного понимания сущности восприятия является его трактовка как активного творческого процесса, когда человек оказывается включённым в то, что с ним происходит, в то, как определенные анализаторы его тела реагируют на внешние раздражители. Восприятие наделяется осознанностью, что проявляется в первую очередь в упорядочивании чувственной информации [А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко, А.А Запорожец, Л.С. Выготский и др.] Восприятие в контексте когнитивной лингвистики рассматривается как звено, занимающее промежуточное положение между ощущением и когницией [Miller, Johnson-Laird 1976: 9; цит. по КСКТ 1997: 19]. Эти же авторы утверждают сложность их разграничения. Учитывая, что восприятие предмета происходит на основе ощущений, инициируемых внешними раздражителями, которые осознаются, т.е. систематизируются индивидом, трудно установить, где заканчивается одно и начинается другое и, соответственно, формулировать теоретические обобщения. В настоящее время, постулируется, что восприятие

неразрывно связано с такими когнитивными способностями, как память, воображение, внимание, с навыками делать умозаключения и т.д. Поэтому вполне закономерно, что восприятие рассматривается как звено конструктивной когнитивной деятельности человека [КСКТ 1996: 18].

Роль восприятия в познании мира в полной мере была представлена в работах сторонников «воплощённого познания» («*embodied knowledge*») – одного из основных направлений современной когнитивной науки [Lakoff 1999; Лакофф 2004; Varela, Thompson, Rosch 1991; Gallagher 2005; Wilson, Golonka 2013 и др.]. Исследователи Ф. Варела и коллеги показали, что в восприятии цвета существенную роль играют условия восприятия: освещение, окружение и ситуация, особенности зрительных анализаторов. Последние влияют на процессы переработки информации в мозге. Непосредственно физические свойства цвета – длина волны, отражающейся от поверхности, не всегда может объяснить восприятие цвета. Например, *синее* небо. Предметность неба (в физическом смысле) исключается, но его *синий* цвет никто не будет ставить под сомнение. *Синий* цвет неба возникает в результате рассеивания синего спектра волн света огромным количеством мельчайших пылинок, находящихся в атмосфере.

Ученые, работающие в этом направлении, обозначили роль телесной организации и опыта взаимодействия человека с окружающей средой в функционировании различных познавательных процессов. Было показано, что именно сенсомоторная активность человека определяет его когнитивные структуры, с которыми коррелируют языковые структуры. В результате обобщения сенсомоторного опыта в концептуальной системе человека формируются базовые образные схемы (*image schemas*) – *контейнер, сила, движение, симметрия и баланс* [Лакофф 2004; Lakoff 1999]. Знание, что тело человека имеет определённую форму и взаимодействует с окружающим миром по заданной программе, позволяет транспонировать вытекающие из этого *образные схемы* на новые познаваемые фрагменты мира.

Активность субъекта, переживаемый им опыт, во многом объясняет стратегию формирования познавательных процессов. Чувственный опыт становится объектом феноменологической интерпретации благодаря перцептивной системе человека. В самом широком смысле это рецепторы, нервные пути, реагирующие на определённый вид раздражителей. Каждая сенсорная система отвечает лишь на определенные физические характеристики внешнего мира. Такая специфичность реакции обусловила появление понятия модальности как способа понимания объекта или явления и реагирования на него.

Основные модусы перцепции, известные еще со времен Аристотеля, сводятся к следующим: *зрение, слух, обоняние, осязание и вкус*. Психологи к ним добавляют еще кинестетический модус – ощущение положения тела. Для лингвистики он не актуален, поскольку не имеет языкового выражения как отдельный модус перцепции. По факту он включен как моторный компонент перцептивного процесса.

В иерархии сенсорных модальностей, составленной на основании их значимости для человека, зрительное восприятие занимает ведущее положение [Апресян 1995; Арутюнова 1999]. Бесчисленное количество предметов, населяющих пространство, а также само пространство, обладающее разнообразными свойствами и характеристиками, осваиваются человеком через зрительное восприятие. Зрение позволяет выделять предметы и квалифицировать их размеры, форму, цветовую палитру, текстуру и многое другое. Значимость зрения в перцептивной системе человека носит абсолютный характер. Это дает основание называть естественный язык, естественный интеллект ««ориентированными на наглядность», “visually oriented”, “перцептивно мотивированными”» [Рябцева 2005]. С помощью зрения человек получает два вида информации: объекты, заполняющие пространство (цвет, размер форма) и положение объекта в пространстве. Данная информация чрезвычайно объемна и многомерна, находит самое разнообразное отражение в языке.

Признается, что самое ясное визуальное качество, с которым человек имеет дело, – цвет, хотя до сих пор, на протяжении десятилетий остаётся дискуссионным вопрос, воспринимают ли люди цвета одинаково, или по-разному [Goldstein 1984: 133]. Цветовое восприятие переводится в языковую плоскость посредством эталонов, так как практически невозможно определить цвет без отсылки к прототипическому референту (ср.: *вишневый – цвет вишни, лимонный – цвет лимона, песочный цвет песка* и т.д.).

Другой результирующий эффект зрительного восприятия – форма конкретных предметов. Лингвистическая категория формы намного более расплывчата и не так четко определена, как категория цвета [Рузин 1994]. В случае соотнесения с геометрическими фигурами и негеометрическими объектами форма ясно представляется: *квадратный, круглый, шаровидный, серповидный, яйцеобразный* и т.д. Однако вызывает сомнения отнесение некоторых слов к параметру формы: *скрюченный, витой, вьющийся* и т.д. Анализируя подобного рода примеры, И.Г. Рузин приходит к заключению, что континуум формы не так детально структурирован, как континуум цвета [Рузин 1994: 83]. Зрительное восприятие трактуется как сложный процесс, интегрирующий многочисленные признаки предмета: размер, форма, цвет, фактура и т.д. Причиной этого является целостное восприятие предмета в совокупности его свойств и признаков [Вежбицкая 1996: 231].

Важность зрения как основного способа познания отражается в концептуализации ценных объектов и сильных чувств на основании свойств и характеристик человеческого глаза. Например, в кабардино-черкесском языке *нэм хуэдэ (подобный глазам; как глаза)* – желанный, любимый, дорогой. Проникнуться к кому-либо добрым чувством, симпатией – передает сочетание *и нэфI щыхуэн* – букв. хорошим, глазом потереться, погладить. Сохранность человека определяется также наличием неповрежденных глаз: *и нэр итц* и *псэ пытц* – букв. глаза есть, душа в теле есть. Аналогичные примеры находим и в русском языке: *дороже глаза (о человеке); беречь как глаз; бе-*

речь как зеницу ока. Причинить вред глазу равносильно гибели человека. Поэтому в клятвенных заверениях встречаем: кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет – оба; хоть глаз выколи; лопни (мои) глаза.

В целом объем языковой репрезентации того или иного канала перцептивной системы человека прямо пропорционален его значимости в жизнедеятельности человека. Соответственно, явный приоритет зрительного модуса в перцептивной системе человека проявляется в количестве и разнообразии языковых единиц, обслуживающих данный канал восприятия.

По степени важности за зрительным восприятием следует слуховой модус, который сопровождает основные виды деятельности человека: бытовую, производственную, коммуникативную, творческую, деструктивную [Хакимова 2005: 10]. Объектом слухового восприятия является звук. Природа воспринимаемых человеком звуков имеет сложную структуру и зависит от физических свойств звуковой волны: частоты и амплитуды. В качестве звука человек воспринимает колебательные движения любого тела (произвольные или произвольные) в любой среде, доступные его слуховому аппарату.

Развитие слухового образа связано в первую очередь с непрерывной дифференциацией «звуковых» и «незвуковых» предметов. Звук наименее материален и в меньшей степени связан с объектом в сравнении с основным объектом зрительного восприятия – зрительным образом. И потому его номинативный ресурс не так активно задействован в процессах концептуализации и категоризации мира. Следует отметить, что только в совокупности зрительного и слухового восприятия человек получает основную долю знаний о мире.

Другие модусы перцепции – *осязание, обоняние и вкус* значительно уступают *зрению и слуху* по значимости в жизнедеятельности человека, что отражается в численности их репрезентации в языковой картине мира. Они играют значительно меньшую роль в развитии понятийной сферы языка и ее семантики. Причина этого – диффузность и внутренняя недискретность обонятельного, осязательного и вкусового модусов перцепции.

Восприятие осязательных ощущений происходит благодаря кожным покровам человека: *мягкая ткань, жесткая подкладка, шероховатая поверхность*. Диапазон действия осязательных рецепторов не ограничивается контактом кожи с какой-либо поверхностью. Он шире – благодаря осязанию человек чувствует жару холод, боль.

Обонятельные рецепторы располагаются на слизистой носа. С их помощью анализируются химические раздражители (пахучие вещества) из внешней среды, которые вступают во взаимодействие с секретом обонятельных желез. Человеческий нос способен различать до 4 тысяч различных запахов [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://medaboutme.ru>]. Обонятельное и вкусовое восприятия тесно взаимосвязаны. Часто, по запаху еды можно судить о ее вкусе: *аппетитный запах, пряный запах, горький запах полыни* и т.д. В паре модусов *запах – вкус* доминирующее положение занимает *вкус*. Это объясняется материальным характером носителя вкуса, в то время как запах представляет специфическое ощущение присутствия в воздухе летучих пахучих веществ, обнаруживаемых рецепторами обоняния.

Перцептивный опыт человека систематизируется и упорядочивается с помощью мыслительных процессов концептуализации категоризации. Первая предполагает придание знаковой формы некоторому содержанию. Вторая - отнесение нового элемента опыта к той или иной группе подобных явлений на основании наличия общих признаков и характеристик.

1.2. Концептуализация и категоризация: инструменты систематизации чувственного опыта

Результаты перцептивного опыта в обязательном порядке подвергаются процедуре категоризации, своеобразной сортировке, разложению по полочкам увиденного, услышанного и т.д. Категоризация связана со многими когнитивными способностями человека, со всеми совершаемыми в процессах

мышления операциями – сравнение, отождествление, установление сходства и т. д. [КСКТ 1997: 42]. Эта основополагающая способность сознания лежит в основе речемыслительной деятельности человека. Лишение способности упорядочивать окружающий мир приведет человека к физической, социальной и интеллектуальной дисфункции [Lakoff 1987: 5–6].

Категоризация толкуется двояко. С одной стороны, это подведение явления, объекта и т.п. под определённую рубрику опыта. С другой стороны – это процесс образования самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его бытия [Жеребило 2005: 123]. Взгляд со стороны создает впечатление о заданности категорий во внешнем мире. Например, категорию водоемов образуют различные водные пространства: *пруд, озеро, река, ручей, канал, море* и т. п., что бесспорно. Обитатели водоемов: *треска, карп, сом, щука, форель, скумбрия* и т.п. легко подводятся под категорию «рыбы». Объединяющим признаком является среда обитания – вода. Категории являются результатом структурирования человеком, по сути, не дискретного мира. Объективно существуют моря, озера, пруды и другие водоемы. В них обитает разная живность, включая рыб. Человек, контактируя с миром, замечает это, и сообразно своему опыту, категоризирует действительность. Категоризация – мысленное отнесение объекта к определённой категории, которая внешне проявляется с помощью языковых знаков в звуковой или графической форме [Болдырев 2014: 114; Скребцова 2018: 102; Дзюба 2018: 175]. Категоризация протекает неосознанно, только не знакомые вещи могут вызывать затруднения при определении их категориальной принадлежности. Все, о чем человек может подумать, подвергается классификации: биологические виды, физические сущности, артефакты, эмоции, цвет, вкус, социальная активность, мораль, политика и т.д. Нет явления, предмета или ощущения вне его категориальной принадлежности. Конкретные, чувственно воспринимаемые вещи формируют естественные категории. Абстрактные категории являются результатом субъективной умозрительной интерпретации абстракт-

ных сущностей. Категоризация является результатом осмысления мира человеком, поэтому исследование вопросов, связанных с этим ментальным процессом, является важнейшей проблемой для когнитивной науки в целом.

В настоящее время принято выделять две альтернативные теории категорий. Первая восходит к учению Аристотеля и известна как «классическая» теория. Вторая – «прототипическая» связана с исследованиями когнитивного психолога Э. Рош [Болдырев 2014: 121–131; Скребцова 2018: 106–117; Дзюба 2018: 179–184].

«Классическая» теория безраздельно господствовала в науке на протяжении двух тысячелетий. Этому способствовало ее ясность и прозрачность, четкость критериев, определяющих принадлежность вещи к какой-либо категории. По мнению Дж. Лакоффа, подобный подход к категоризации является скорее философской позицией, которая воспринималась как незыблемая истина во многих науках [Лакофф 2004: 21]. «Классическая» теория это продукт умозрительных построений, а не результат эмпирических исследований. В классическом (традиционном) понимании категория трактуется как некоторое абстрактноеместилище, которое включает определенное множество сущностей. Они (сущности) должны отвечать неизменному перечню существенных критериев, которые являются критерием включения сущности в категорию. Знание категории предполагает обязательное знание всех ее существенных признаков. Например, для категории «человек» существенными признаками являются «рациональность» и «способность к прямохождению». Несущественные признаки квалифицируются как субъективные и не влияют на принадлежность объекта к категории. Рост человека, цвет волос, профессия и т.д. не влияют на сущностные характеристики категории. Хотя в некоторых случаях субъективность этих признаков сомнительна. В таком подходе проявляется важнейший постулат Аристотеля о том, что чувственное восприятие не дает нам знание. Оно создает лишь иллюзию реальности, а истинное знание доступно только через умозаключение.

Аристотель утверждает, что члены категории имеют одинаковое статусное положение и наделены одинаковым набором сущностных признаков. Категории имеют жесткие границы, пересечения с другими категориями недопустимы. Значимость классического подхода к категоризации для естественных наук, математики, логики и юриспруденции признается когнитивистами [Ungerer, Schmid 1996: 40]. Однако применительно к категоризации наивной картины мира традиционный подход проявляет некоторую несостоятельность. Первым об этом заговорил выдающийся австрийский философ Л. Витгенштейн [1985]. Он обратил внимание на то, что элементы, включенные в одну категорию, отмечены сложной сетью переплетающихся и пересекающихся больших и малых сходств. Прибегнув к анализу различных видов игр (карточные, шахматы, настольные игры, игры в мяч, в слова, в крестики – нолики, командные игры и т. п.), ученый приходит к выводу о большой подвижности и разной степени выраженности критериев, объединяющих разные виды активности в категорию «игра» [Витгенштейн 1985: 108–109]. Соответственно, формулируется вывод об отсутствии жестких границ у этой категории и невозможности подбора критериев, которым бы отвечали все возможные виды игр. Сравним ситуации: (1) пинающий мяч ребенок, (2) раскладывающий пасьянс женщина, (3) играющие в нарды отец и сын. Первая ситуация предполагает некоторую ловкость при обращении с мячом. Она полностью отсутствует во (2) и (3). Состязательность (3) не проявляется во (2) и (1). Можно долго сравнивать игры и пытаться выделить то, что отличает их от не – игр, но прийти к однозначному результату, действенному для всех видов игр, затруднительно. На основании своих рассуждений Л. Витгенштейн приходит к выводу, что оптимальным определением подобной похожести является «фамильное сходство». Подобно членам семьи, которые проявляют неуловимое сходство между собой (походка, цвет волос, форма носа, мимика, манера говорить и т.п.), так и разные игры отмечены чертами сходства, явными и неявными, что позволяет объединить их в одну «семью».

Известный американский лингвист У. Лабов в своих экспериментах также показал, что членение человеком объективной действительности не соответствует принципам классической категоризации [Лабов 1983]. При классификации изображений с различными видами сосудов (чашка, кружка, миска, ваза) мнения участников эксперимента разошлись. Стремление выяснить причину расхождения мнений выявило следующее. Существенным в категоризации оказались такие признаки, как площадь основания и высота. По мере увеличения площади основания при неизменной высоте, испытуемые были склонны называть такой сосуд миской. И, наоборот, по мере роста высоты сосуда при сохранении площади основания, его называли вазой. На идентификацию сосуда влияли сообщения о материале изготовления (стекло, дерево, алюминий и т.д.), информация о его содержимом (кофе, каша, цветы и т.д.). В итоге получилось, что объективная категоризация предметов невозможна, в силу вмешательства ряда дополнительных признаков, носящих субъективный характер. Налицо конфликт классической теории с результатами опытных данных применения процедуры категоризации. У. Лабов видит выход в описании типичного представителя группы предметов, где содержались бы признаки, отличающие их от другой группы. Размышления Л. Витгенштейна, экспериментальные данные У. Лабова показали неудовлетворённость представителей гуманитарных наук классической теорией категоризации. Комплексное осмысление наработок, отражающих особенности осмысления мира человеком, и формирование альтернативной теории категоризации принадлежит когнитивному психологу Э. Рош [Rosch 1973, 1978, 1983; 1999]. Исследователь рассматривает категоризацию в двух проекциях: горизонтальной и вертикальной. Первая – теория прототипов – предполагает изучение внутреннего устройства категорий. Вторая – теория категорий базового уровня – посвящена установлению иерархии категорий с точки зрения их роли в понятийной системе человека. Кратко рассмотрим обе проекции.

В результате многочисленных экспериментов с предметными категориями Э. Рош и ее коллеги установили, что члены одной категории имеют различный статус в сознании человека. Для описания такого положения были введены понятия центра и периферии категории, «лучшие» и «худшие» примеры, а также прототип категории. Наиболее типичный представитель категории является ее лучшим примером. Он располагается в центре категории и представляет ее прототип. Например, в англосаксонской культуре для категории фруктов лучшим примером является *orange* (апельсин). Он находится в центре категории и образует ее прототип [Ungerer, Schmid 2006: 17]. Прототипом категории мебель является *chair* стул, он же и лучший пример, и, соответственно, и центр категории [там же]. В категории «еда» лучший пример и центр категории – *chicken* (цыпленок). За ним следует *fish* (рыба). Внутренняя конфигурация категорий различается от культуры к культуре. В этой же категории «еда» для жителей Нигерии, например, лучшим примером является – *bean(s)* фасоль, горох, за которым следует *rice* (рис) [Ungerer, Schmid 2006: 55]. Приведённые выше примеры являются результатом психологических экспериментов, в ходе которых участникам предлагалось выбрать лучшие образцы из предложенного набора однородных предметов. Выделение прототипа опирается на целостное восприятие предмета – его гештальт, с последующим его разложением на отдельные признаки и свойства. Из этого вытекает вопрос, каким образом гештальтное восприятие одного объекта определяется как прототипическое. Исследователи F. Ungerer и H.-J. Schmid предположили, что выделение функциональных характеристик отдельных частей предмета, оказывает существенное влияние на формирование целостного образа. По их мнению, прототип – это не объект мира, а некий ментальный образ, когнитивная точка референции, которая организует структуру категории [Ungerer, Schmid 2006: 37–38]. Прототип – гештальт следует понимать как некий редуцированный образ значимых визуально воспринимаемых признаков объекта.

Мы придерживаемся взглядов F. Ungerer и H.-J. Schmid и считаем, что прототип следует толковать в терминах ментальной репрезентации, которая воплощает существенные признаки объекта.

Перейдем к краткому рассмотрению второй концепции учения Э. Рош – теории категорий базового уровня. Она посвящена установлению иерархии категорий с точки зрения их роли в понятийной системе человека. В классической категоризации не проводилось разграничение для категорий разной степени обобщенности, поскольку с точки зрения логики не имеет значения, говорим ли мы о широких категориях (животные, млекопитающие) или более узких (собака, дельфин). Важно, что каждая из них имеет четко определенный набор критериев, отграничивающих ее от других категорий. Категории, обладающие разной степенью обобщенности, в разной степени востребованы в повседневной жизни человека. На основании ряда психологических экспериментов Э. Рош подтвердила идеи антропологов об особом привилегированном статусе категорий, относящихся к уровню биологического рода (*дуб, береза, собака, кошка* и т.д.), распространив эти идеи на мир вещей – *стул, нож, река, дом, воробей* и т.д. В результате такой экстраполяции получила развитие идея психологической базовости категорий, занимающих срединное положение между уровнем высшего порядка – суперординатным и уровнем низшего порядка – субординатным [Болдырев 2014: 132]. Обыденное сознание оперирует категориями базового уровня, так как они не требуют специальных теоретических знаний и подготовки. Базовые категории отмечены следующими характеристиками: легко узнаваемы, короткие и высокочастотные, усваиваются в раннем детстве, требуют минимум когнитивных усилий для извлечения максимума информации [Скребцова 2018: 121; Болдырев 2014: 134–135]. Категории базового уровня утилитарно структурируют действительность. Они одновременно репрезентируют максимум признаков,

общих для всех членов категории, и в то же время количество признаков, разделяемых с другими категориями, минимально [Rosch 1978].

Категории других уровней играют второстепенную роль и развиты лишь в той степени, в какой они востребованы человеком [Ungerer, Schmid 1996: 64–66]. Проблематично назвать общие для категории *мебель* (суперординатный уровень) признаки. В предмете базового уровня *стул* без всяких усилий выделяются признаки: наличие ножек, сиденья и спинки. Определение *ортопедического стула* или *лофт стула* (субординатный уровень) уже требует специальных знаний для выделения их существенных признаков. Как видно из приведенных примеров, элементы низшего уровня отмечены сложным строением, как правило, это словосочетания, состоящие из родового понятия (стул) и определения к нему. Вместе с тем, когнитологи отмечают, что выделение трех уровней категоризации является достаточно условным. Каждый уровень допускает выделение различных подуровней и пересекающихся зон, что обусловлено многомерностью мышления человека и системы концептуализации и категоризации [Болдырев 2014: 138]. Кроме того, существенным является культурный фон как отдельного носителя языка, так и целого языкового сообщества. В связи с этим уместно вспомнить название известной работы Дж. Лакоффа: *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind* [Lakoff 1987]. По словам автора, заголовок был обусловлен необычной категоризацией предметного мира в австралийском языке дьирбал. В этом языке в одной из четырех групп существительных были объединены женщины, все, что было связано с огнем, и такие опасные вещи как скорпионы и змеи [Lakoff 1987: 92–104].

Теория прототипов и категорий базового уровня послужила мощным толчком для исследования самых разнообразных категорий предметного мира. Идеи прототипической категоризации стали активно распространяться и на абстрактные сущности: действия, события, признаки. Так, Дж. Лакофф пред-

ложил рассматривать в качестве базовых признаков ряд перцептивных свойств предметов: *высокий, низкий, горячий, холодный, твердый, мягкий*, а также основные цвета [Lakoff 1987: 271]. Следует отметить, что признак привязан к своему носителю (ср.: *высокое дерево, мягкое масло, холодный дождь* и т.д.). Поэтому такие критерии, как гештальтное восприятие, одинаковая функциональная программа действий реализуются только вкупе с носителем признака. Приведенные качества отвечают только критериям частотности, стилистической нейтральности и морфологической непроемкости. Они и превращают указанные признаки в базовые элементы соответствующих категорий. Следует отметить, что перцептивные признаки носят градуированный характер, их воспитание отмечено высокой степенью субъективизма. Однако это не мешает признать прилагательное *высокий* более прототипичным по сравнению с *гигантским, рослым, высокорослым, долговязым, длинным и здоровым* (когда речь идет о росте человека). Как отмечают некоторые исследователи, такие особенности признаковой категоризации носят искусственный характер, и потому их нельзя считать отражением сознания носителя в данном случае русского языка [Скребцова 2018: 124].

Большое внимание лингвистов к вопросам категоризации способствовало ее выделению в самостоятельный раздел когнитивистики и все большему расширению сферы ее приложения. Исследователей привлекали психологические основы отнесения единичного предмета к некоторому классу объектов, а не многоступенчатое деление категории широкого объема [Чебанов, Мартыненко 2007: 370].

Для когнитивной лингвистики теория прототипов играет важную роль, поскольку она инструмент проверки связи языка с общими когнитивными механизмами. В работах Дж. Лакоффа [Lakoff 1987: 58–67], Э. Тейлор [Taylor 1995] были показаны прототипические эффекты на материале различных языковых категорий: фонологии, морфологии, синтаксиса,

лексики. В фонологии, например, один и тот же звук в потоке речи варьируется, но только один из аллофонов является прототипом. В частеречной классификации слов прототипический подход дает объяснение многим вещам [Кубрякова 1997; Вежбицкая 1999: 134–170]. В лексической семантике прототипические эффекты многочисленны и проявляются в таких разделах, как полисемия, синонимия антонимия и др., делая спорные моменты вполне понятными и прозрачными [Tuggy 1993; Cruse 1995].

Теория прототипов и категорий базового уровня Э. Рош получила дальнейшее развитие в теории идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа [Lakoff 1987]. По мнению исследователя, организация знаний в памяти человека по принципу идеализированных когнитивных моделей (ИКМ) обуславливает прототипические эффекты в структуре категорий. ИКМ представляет сложное структурированное целое, включающее четыре типа структурирующих принципов: 1) пропозициональные структуры; 2) образные схемы; 3) метафорические отображения; 4) метонимические отображения [Лакофф 2004: 99]. Приведем простейший пример ИКМ – понятие *недели*. Это идеализированная модель, поскольку в природе объективно не существуют семидневной недели. *Неделю* придумал человек с целью структурирования временного континуума. При этом не все культуры используют семидневный календарь. Встречаются более сложные системы счета времени. Так, Дж. Лакофф приводит удивительные факты о балийской календарной системе, включающей десять различных циклов дней – имен, которые следуют один за другим, затем первый день появляется снова и цикл начинается опять. Существуют девяти-, трех- и даже однодневные циклы [Лакофф 2004: 100]. ИКМ представляют то, как человек понимает свой опыт, как он осмысляет мир, используя свои знания. Следовательно, их когнитивный статус не вызывает никаких сомнений. Дж. Лакофф представляет практическое применение своих теоретических выводов, анализируя понятие *гнев*, морфему *over* и синтаксическую структуру *there is* [Лакофф 2004: 491–595].

Процессы категоризации, осуществляемые человеком, неразрывно связаны с другой ментальной операцией – концептуализацией. Концептуализация заключается в осмыслении информации, поступающей к человеку. Его результатом является формирование концептуальных структур в памяти человека. В зависимости от особенностей объекта осмысления (конкретные, чувственно воспринимаемые предметы; результаты предметно – практической деятельности; мыслительная деятельность; вербальное и невербальное общение и т.д.) формируются разнообразные структуры знания – концепты [Болдырев 2014: 40]. Большая часть этих знаний приобретает знаковую форму и закрепляется в языке, обеспечивая их сохранность и межпоколенную трансляцию. Процесс концептуализации направлен на выделение содержательных единиц опыта, который непременно сопровождается объединением нового элемента со сходными единицами, т.е. осуществляется процесс категоризации [Болдырев 2014: 37]. Знание о мире существуют в голове у человека не в хаотичном виде. Они распределены по определенным рубрикам, т.е. категоризированы: подобное объединяется с подобным. Каждый освоенный элемент опыта должен быть в группе со своими «родственниками». Это абсолютная логика процесса познания: не может быть в природе единичного объекта, он всегда включен в какую-либо категорию.

Категоризация и концептуализацию важнейшие процессы когнитивной деятельности, обеспечивающие познание мира человеком. Их исследование формирует магистральное направление когнитивной лингвистики. Доступ к ним предоставляет естественный язык. С одной стороны, опираясь на языковые данные можно изучать статические аспекты этих процессов, с другой стороны – проследить их в динамике – процессы осмысления объектов мира и распределения знаний о них по категориям [Болдырев 2006:5; 2014: 38]. Результаты концептуализации и категоризации складываются в языковую картину мира – фундаментальное понятие современной лингвистики. Оно является предметом обсуждения в следующем параграфе диссертации.

1.3. Языковая картина мира: статический и динамический аспекты

Языковая картина мира находится в постоянном движении, что обусловлено беспрестанно меняющимся миром. Язык призван отражать новые открытия и изобретения, фиксировать изменения материального, духовного и социального характера. Помимо этого, коммуникативная функция языка для ее полной реализации предполагает передачу прагматических характеристик, формируемых участниками общения.

Результаты когнитивной деятельности сознания (концептуализация и категоризация) складываются в уникальную, специфичную для каждого этноса языковую картину мира (ЯКМ). Она представляет собой некоторый связный образ реальности, формируемый представителями отдельной лингвокультуры. Структурирование окружающего мира на основе практической и теоретической деятельности является целью познания окружающего мира.

По мнению исследователей [Рузин 1994: 79], окружающий мир может быть интерпретирован в нескольких измерениях. В первую очередь, это физическая картина мира, представляющая устройство мира с позиций физики и математики. Предмет ее исследования – мир неодушевленных вещей. Физическая картина мира стремится к истине, которая может меняться под воздействием научных открытий. За ней следует мир живых существ, репрезентирующий экологическое измерение. Здесь получает описание мир, опосредованный жизнедеятельностью человека, в результате чего складывается определенная иерархизированная картина значений и ценностей. И третье измерение – языковой уровень, когда язык, и, соответственно, языковое сознание моделирует действительность. Существенным здесь является человеческий фактор, формирование которого определяет культура – емкое понятие, охватывающее все стороны бытия человека.

Единственный способ освоения и экспликации физической и экологической картин мира – это естественный язык. Какие бы сложные категории не исследовались, какой бы степенью абстракции они не были отмечены, только язык сделает их доступными человеку, его сознанию. Поэтому приоритетность ЯКМ бесспорна. Она принадлежит самым глубинным слоям в системе различных картин мира.

Картина мира понимается как глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека. Она репрезентирует сущностные свойства мира так, как понимает их человек. Картина мира является результатом всей духовной активности человека [Постовалова 1988: 21, 29]. Картина мира, как неоднократно отмечалось исследователями, это не точная копия материального мира, а всего лишь бледное, искаженное зеркальное отражение, преломленное сознанием представление о мире [Манакин 2004: 43; Попова, Стернин 2015: 51]. Картина мира является субъективным образом объективной реальности, поскольку ее авторство принадлежит человеку. Язык создан по мерке человека, что воплощено в самой организации языка. В свое время Э. Бенвенист назвал эту особенность «человек в языке». Благодаря языку человек конституируется как *субъект*, поскольку только язык придает реальность понятию «Ego» – «мое Я» [Бенвенист 1974: 293]. Субъективность настолько пронизывает язык, что ученый подвергает сомнению возможность существования языка, реализацию всех его функций без основополагающего начала – субъекта [Бенвенист 1974: 295].

Следует отметить, что субъективность относится как к отдельному индивиду, поскольку каждый человек оперирует своей картиной мира, так и к целому языковому коллективу, в основе существования которого лежит сформированная на протяжении веков картина мира. ЯКМ сложное, многомерное понятие, специфика которого отражается в концептуальной системе и на всех языковых уровнях. Важно отметить, что отражение действительности протекает в актах «переживания» [Постовалова 1988: 20], что предполагает

вовлечение эмоциональной составляющей в процессы означивания и перевода фрагментов реального мира в плоскость языка.

ЯКМ играет важнейшую роль в жизни человека, поскольку на ее фоне разворачивается вся панорама жизни отдельного индивида и нации. Человек воспринимает мир, познает и осмысляет его, интерпретирует, выражает свои мысли и чувства с опорой на то, что отражено в языке, которым он пользуется. ЯКМ аккумулирует в себе весь опыт, накопленный языковым сообществом в виде языковых знаков. Важность языка в жизни человека отмечена философом М. Хайдеггером, который констатировал, что сущность человека покоится в его языке, поэтому познание человека невозможно без изучения языка [Хайдеггер 1993: 74].

Формирование ЯКМ достаточно сложный процесс. Она объединяет неразрывно связанные и тонко переплетенные чувственную и рациональную системы человека, что определяет его творческий, преобразующий и интерпретирующий характер [Алефиренко 2005: 25–26]. ЯКМ складывается в определенных экологических условиях в определенном культурном контексте на фоне исторического развития языкового сообщества, его религии и идеологии. Объекты реальной действительности, переводимые в языковую плоскость, чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Часть из них формируется естественными категориями, а часть конструируется человеком с целью структурирования своей жизнедеятельности. Исходя из специфики сознания человека, в его поле зрения в первую очередь попадают стационарные предметы. Они конкретны, имеют форму, цвет, размеры пространственные границы, т.е. воспринимаются органами чувств. Хронологически они первыми начинают «заполнять» ЯКМ. Отвлеченные понятия – продукт более поздней абстрагирующей функции сознания человека. Предметным именам в языке соответствуют имена существительные. Далее ЯКМ заполняется признаковыми именами: человек вычленяет свойства и характеристики предметных

имен, процессы и состояния, в которых пребывают объекты, или действия, которые можно с ними совершать. В языковой плоскости – это прилагательные и глаголы. Они покрывают ключевые мыслительные категории *вещь* и *его признак*, поэтому приобретают статус ведущих категорий в частеречной системе языка [Левицкий 2010: 112]. Последовательность выделения объектов и их признаков универсальна для всех языков. Она свидетельствует о векторе освоения объективной действительности с точки зрения онтогенеза [Караулов 1997: 49]. Способы языкового оформления и значимость *вещных* и *признаковых* имен разнятся от языка к языку. В этом и многом другом проявляется этнокультурная специфика ЯКМ. Так, в кабардино-черкесском языке ведущую роль в структуре номинативных единиц занимает глагольная лексика. Кавказоведы отмечают, что она отличается наибольшей репрезентативностью, сложнейшей системой грамматических форм и категорий. Глагольная структура включает всех актантов развертывания действия или процесса. Их число может достигать тринадцати аффиксальных морфем, которые вычлняются в полном соответствии с правилами членения индоевропейского слова [Кумахов 1984: 21]. Одну из ярких особенностей русской ЯКМ формируют служебные слова – клитики: – ли, – ведь, – на (на тебе); – ка (поду-ка); – же (знать же) и др. По мнению исследователей, они отмечены комплексом аксиологических и эпистемических коннотаций [Апресян 1995; Урысон 2003].

Национальная специфика ЯКМ в большей степени проявляется в семантике языковых единиц в силу ее очевидности. Во-первых, она отражает разного рода реалии, свойственные данной культуре, во-вторых, слова сохраняют следы переосмысления при их использовании в целях вторичной номинации. Однако это отнюдь не значит, что грамматическая специфика ЯКМ менее выражена и не существенна. Наоборот, исследователи подчеркивают, что грамматические категории (число, род, время, залог, классификация по частям речи и др.) оказывают большее влияние на поведение

людей, чем форма представления некоторого содержания [Уорф 1999: 62]. Например, представители одного из экзотических племен Австралии ориентируются в пространстве с опорой на стороны света (ср.: эгоцентричная система – центр – говорящий). Поэтому, просьба *‘не могли бы вы подвинуться вправо’* будет озвучена представителем племени *‘не могли бы вы подвинуться немного на запад’*. Нет сомнений, что представители этого племени обладают внутренней ориентацией, похожей на компас. Она была усвоена еще в младенчестве. Наряду с другими необычными навыками она сказывается на мышлении и поведении людей этого племени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://monocler.ru>].

Далее перейдём к свойствам ЯКМ, которые связаны с динамическими процессами в ее структуре. ЯКМ – это «живая» картина, призванная отражать все изменения, происходящие в природе, науке, обществе, культуре. В то же самое время ЯКМ представляет «застывшую» картину, в которой в некотором статичном состоянии находится языковые формы и обозначаемые ими сущности. В относительно стабильном формате пребывают и прагматические свойства языковых единиц, дискурсивные формулы, правила организации текстов разной жанровой отнесенности и т.д. Статичность непременное условие существования ЯКМ. Она обеспечивает функционирование системных характеристик языка. Без них язык не мог бы выполнять свои важнейшие функции познания и коммуникации. Подходы и аспекты изучения динамических процессов в языке многочисленны. Мы попытаемся обобщить основные стратегии динамики ЯКМ.

ЯКМ как система знаний о мире представляет собой совокупность трех основных типов элементов структуры, представляющие действительность в базовых сущностях [Болдырев 2021: 27]. Первый тип, в терминологии Н.Н. Болдырева, – это *первичные репрезентирующие структуры*. Они представляют самый древний слой лексики любого языка и объединяют базовые

понятия, репрезентирующие результаты взаимодействия человека с окружающим миром (*дом, дерево, собака, рука, камень вода, мама, брат* и т.д.). В терминологии Дж. Лакоффа [2004] они известны как структуры до концептуального уровня категоризации.

Приоритетность формирования этого пласта лексики отражает особенности процесса познания окружающего мира. Из непрерывного потока универсума в результате его структурирования человек вначале выделяет конкретные предметы. Восприятие конкретных объектов мира происходит в совокупности всех их свойств и качеств, т.е. гештальтно. Важным на этом этапе познания является отграничение одних предметов от других, например, дерева и цветка, собаки и кошки, камня и земли и т.д. Позже по мере развития процесса познания происходит выделение признаков, свойств и динамических характеристик предметов. Так, человек замечает, что *деревья* различаются по высоте, у них выделяются ствол, кора, ветки, листья. Они могут меняться под воздействием временного фактора. Постепенное погружение в сущность предмета затрагивает все объекты, населяющие окружающее человека пространство. Детализация предмета, позволяющая получить представление о его строении, структуре, свойствах и характеристиках, его онтологических связях – естественный путь, диктуемый логикой познания – проникнуть в суть вещей, обнаружить существенные, повторяющиеся связи с целью открытия законов и закономерностей природных и социальных процессов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://science_philosophy.academic.ru]. Так, постепенно становится очевидным, что *собаки* отличаются по размеру, по масти, они позволяют с собой играть, их можно дрессировать, выводить на прогулки и т.д. Такие примеры представляют *вторично – репрезентирующие* функции. *Вторичность* обусловлена их непосредственной связью с элементом базового уровня – *собакой*.

Подобного рода структуры представляют интерпретацию бесконечного мира во всем многообразии свойств, качеств и характеристик – объ-

ектов, явлений и процессов. Н.Н. Болдырев называет их *первичными интерпретирующими структурами* [Болдырев 2021: 27]. Они образуют второй тип элементов ЯКМ.

Вторично – интерпретирующие языковые структуры (третий тип) призваны переводить в языковую плоскость новые знания о мире посредством имеющихся в языке номинативных средств. Вторичная языковая интерпретация не ограничена в выборе объекта интерпретации, в характере интерпретирующего процесса, ни в его количестве. Человек оперирует тем, что уже фиксировано в его когнитивной базе для интерпретации интересующих его вещей, важных для объективного выражения мысли, передачи эмоционального состояния, для адекватной передачи коммуникативного намерения. Важным для реализации *вторичной языковой интерпретации* являются знания о вещи или явлении, полученные опытным путем, а не сама вещь. Элементы вторичной интерпретации связаны с первичными структурами различного рода концептуальными и деривационными связями. Например: *спросить, допросить, опросить, переспросить, расспросить, выпросить, узнать, интересоваться, осведомиться, спросить разрешение, осведомиться (о ч-л)* и т.д. Каждый из элементов приведенного ряда высвечивает или дает оценку номинации *спросить* – ‘обратиться с вопросом’. ‘*Допросить*’, например, в русском языке, помимо *допроса* обвиняемого (юридическая терминология), в обыденной речи несет оценку содержания и формы вопросов. Они не соответствуют нормам вежливости, принятым в социуме, и напоминают диалог обвинителя и обвиняемого. При этом исследователи подчеркивают, что между *первичной репрезентацией* и *первичной интерпретацией*, а также *вторичной языковой интерпретацией* существуют межконцептуальные связи. Они объединяют их в единое целое и обеспечивают безграничное функционирование этой системы [Павиленис 1983; Кубрякова 2004; Dennett 1991; Болдырев 2021].

Как отмечает Н.Н. Болдырев [2021:28], *вторичные интерпретирующие структуры* формируют определенные тенденции в динамике ЯКМ. В первую очередь они связаны с изменением содержания энциклопедических знаний о мире, что естественно отражается на структуре и содержании языковых знаний. До определённого времени *атом* считался мельчайшей неделимой частицей вещества. В начале XX века были открыты *электрон*, затем *позитрон* и *нейтрон*, что изменило представление о мельчайшей неделимой частице. Другое направление – формально-языковые изменения – появление новых языковых значений различной структурной организации. Например, в английском языке *covidient* – ‘someone who takes government guidelines very seriously, following to the letter of the law’ – человек, *серьезно относящийся к распоряжениям правительства по ковиду* [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com>]. Налицо объединение полной основы *covid* и суффиксальной части адъектива *obedient*. В результате получилось новое слово, иллюстрирующее поведение людей в период пандемии.

ЯКМ находится в постоянном движении, что, обусловлено, с одной стороны, беспрестанно меняющимся миром. Язык призван отражать новые открытия и изобретения, фиксировать изменения материального, духовного и социального характера. Они становятся *предметом первичной и вторичной репрезентации*. С другой стороны, опираясь на свои знания об усвоенных и освоенных вещах, человек стремится объяснить безграничное количество разнообразных сущностей – *вторичная интерпретация*. Она суть процесса познания и коммуникации. На языковом уровне такая стратегия проявляется в многозначности слов, отмеченной прагматическими и аксиологическими коннотациями.

Многозначность – важный инструмент формирования ЯКМ и обеспечения ее динамики рассматривается в следующем параграфе. Обсуждается традиционный взгляд на полисемию с акцентом на основные аспекты ее исследования, а также некоторые спорные моменты этого сложного феномена.

1.4. Традиционный подход к исследованию полисемии

Полисемия – языковая универсалия, способствующая разрешению объективного противоречия между безграничным опытом человека и ограниченными ресурсами именованья результатов этого опыта. Использование существующих номинативных средств для объективации новых фрагментов действительности является важной составляющей процесса познания, поскольку оно (познание) не может протекать без опоры на предшествующий опыт, на то, что уже освоено и усвоено человеком, на то, что фиксировано в его когнитивной базе и, соответственно, отражено в языке [Гумбольдт 1984; Кассирер 2000: 8; Выготский 2001; Кубрякова 2004 и др.].

Многозначность знаков естественного языка относится к «вечным» темам языковедческой науки. Каждый новый виток в методологических установках лингвистических исследований позволяет по – новому взглянуть на этот уникальный феномен человеческого языка. Представим основные подходы к исследованию многозначности в рамках традиционной семантики и современного когнитивного подхода.

Многозначность определяется как наличие у слова нескольких значений, которые, выступая в разных контекстах, образуют семантическую структуру слова [Жеребило 2005: 157]. На основании того, что лингвистический энциклопедический словарь [Ярцева 1998: 602] не проводит дифференциацию между понятиями *многозначность* и *полисемия*, в работе данные понятия трактуются как синонимичные. В исследовании проблем многозначности больших успехов достигла отечественная школа лингвистической семантики (Ю.Д. Апресян, А.И. Смирницкий, Д.Н. Шмелев, Е.Л. Гинзбург, А.А. Зализняк и др.). Новые подходы в исследовании лексического значения: функциональный, структурный, дескриптивный во многом способствовали эффективному изучению вопросов полисемии.

Лексическая семантика сосредоточена на решении двух основных задач. Первая сводится к семантическому представлению всех слов данного языка, что успешно решается толковыми словарями. Вторая задача усматривается в описании и систематизации отношений между значениями отдельных слов [Кронгауз 2005: 102]. В обоих случаях важную роль играет толкование значения слова. Оно включает лингвистическую информацию и экстралингвистическую. Первая связана с языковым отражением наивной картины мира (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая и др.). Она, как правило, интерпретирует понятийную составляющую значения слова, его сигнификат (интенционал). Второй тип информации – экстралингвистический – извлекается из внешнего по отношению к языку мира. Она имеет и другое наименование – энциклопедическая и представляет сведения о денотате – потенциальном референте [Кронгауз 2005: 117–118]. При этом энциклопедическая информация может не совпадать в словарях разных языков. К примеру, англоязычный толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com>] в представлении медведя *bear* упоминает следующую экстралингвистическую информацию: ‘Any of various usually omnivorous mammals that have a shaggy coat and a short tail and walk with the entire lower surface of the foot touching the ground’ – ‘любое всеядное млекопитающее с лохматой шерстью и коротким хвостом; при ходьбе наступает на землю всей нижней поверхностью лапы’. В словаре русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me>] читаем: *медведь*: ‘крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами, а также его мех’. Расхождения налицо: *длинный* не всегда *лохматый*; признак *толстые ноги* не включен в дефиницию английского *bear*; особенности ходьбы, отмеченные английскими лексикографами, проигнорированы их русскими коллегами. Предпочтения в выборе информации диктуются традициями составления словарей, а также культурой, в которую включен тот или иной язык. Лингвисты отмечают сложность разграничения языковой и внеязыковой информации при составлении словарной

дефиниции [Кронгауз 2005: 120]. Очевидно, без последней трудно донести до читателей основные характеристики объекта действительности.

Традиционная семантика отмечена выраженным стремлением структурирования как всей совокупности значений многозначного слова, так и отдельного его значения. Лингвисты того периода (XX в.) утвердились в мысли, что *дискретность* является обязательным свойством языкового значения. Подобно тому, как означающее слова (план выражения) можно разложить на фонемы и морфемы, так и его означаемое (план содержания) можно представить в виде мельчайших компонентов смысла, не имеющих формального представления. Эти идеи воплотились в метод компонентного анализа значения [Найда 1983: 61–70], который успешно стал применяться на материале закрытых разрядов лексики: термины родства, наименования посуды, названия цветов и др. С помощью данной методики стало возможным разграничивать компоненты смысла на дифференциальные и интегральные семы, что привело к формированию нового направления – дифференциальной семасиологии [Бендикс 1983; Лайонз 1978; Апресян 1995].

Совокупность значений многозначного слова представляется как структура, в которой определенным образом иерархизирована система значений лексемы. За этим скрывается сложный вопрос о типологии значений и связи отдельных ЛСВ между собой. Как правило, первым в структуре полисеманта представлено его основное значение (*primary meaning*). Оно определяется по ряду критериев: частотность использования, минимальная зависимость от контекста и первый ассоциативный образ, вызываемый звуковым комплексом. За ним следуют производные значения, очередность представления которых определяется степенью близости к производящему значению. Основные типы связи ЛСВ многозначного слова представлены цепочечной, радиальной и сочетанием обоих типов [Апресян 1995]. В этом проявляется стремление формализации сложных связей значений многозначного слова. Цепочечную связь можно проиллюстрировать примером М.А. Кронгауза

[2005: 127]. Лексема *чай* в своём первом значении представлена как 1) 'вечнозеленое дерево или кустарник из высушенных листьев, из которого готовится ароматный напиток. Второе значение: 2) ароматный напиток, настоянный на этих листьях'. Третий ЛСВ семантизирует непосредственно 'чаепитие'. Последовательная мотивированность приведенных ЛСВ очевидна. Радиальный тип связи предполагает мотивацию всех значений полисеманта одним центральным значением [Апресян 1995]. К примеру, *клапан гудка* – *клапан сердца* (анат.) – *клапан кармана* объединены значением 'часть механизма, прикрывающее отверстие в нем'. Радиально-цепочечная полисемия представляет сочетанием приведенных двух типов связи. М.А. Кронгауз дает подробный анализ многозначного слова *стол*. Исследователь выделяет одно «мебельное» значение, два «пищевых» и одно «учрежденческое». Каждое из них получает дальнейшее развитие в виде цепочечной связи [Кронгауз 2005: 127]. Очевидно, что наиболее распространённым типом полисемии является радиально-цепочечный тип, поскольку он в полной мере отражает ассоциативное мышление человека, которое имеет поливекторный характер.

Исследование полисемии в рамках традиционной семантики в основном направлено на детальное структурирование семантических данных языка: компонентный анализ значения, формализация типологии значений. Такое оторванное от носителя языка исследование полисемии диктовалось известными постулатами структурного направления в лингвистике. Оно было нацелено на разработку объективных критериев описания структуры многозначного слова, пригодного для лексикографической репрезентации. На это работала и дифференциальная семасиология, цель которой состояла в формализации отличительных компонентов семантики лексических единиц. Они служили основой формирования лексикографического толкования.

Традиционное описание полисемии предполагает отграничение лексем, не имеющих точек соприкосновения в семантике, при совпадении их плана выражения. Речь идет о разграничении полисемии и омонимии. Обязатель-

ный критерий полисемии – наличие нескольких связанных между собой значений [Ахманова 2004:335; Жеребило 2005: 198] опровергается словарным толкованием омонимии: совпадение формы слов, имеющих разное значение [Ахманова 2004: 287; Жеребило 2005: 235]. Другие авторы также отмечают разность значений, например, одинаково звучащие, но различные по значению слова (Д.Э. Розенталь); или, слова, характеризующиеся одинаковым написанием с другим словом, но имеющие разные значения (Т.Ф. Ефремова).

Разность значений проявляется и в структуре многозначного слова. Например, 1) ‘ключ’- как *‘металлическое приспособление для запираания и отпираания замка’* и как *‘орудие, приспособление для укрепления или отвинчивания чего-л., приведения в действие механизмов различного рода’* безусловно, разные значения, в их основе лежат разные денотаты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online>]. Метонимическая связь значений очевидна. Другой ЛСВ лексемы ‘ключ’ – *условная система обозначения букв, цифр и т.п., на которой основан способ прочтения какого-л. шифрованного текста’* – основан на метафорическом переносе. Он содержит достаточно широкий диапазон возможных средств, используемых для понимания текста. Однако семантическая деривация также прослеживается, хотя не в такой явной форме. Значение омонима: 2) ‘ключ’ – *‘естественный выход подземных вод на поверхность земли; источник, родник’* – не имеет никаких точек соприкосновения с вариантом значения 1) ‘ключ’. Не представляется возможным установление какой-либо семантической производности.

Приведенные примеры достаточно прозрачно иллюстрируют явления полисемии и омонимии. Но так дело обстоит не всегда. Словарные толкования не всегда последовательно отражают семантическую связь значений лексемы. В таких случаях исследователи опираются на знание свойств и характеристик референтов и пытаются определить наличие или отсутствие сходства между ними. Такой подход, конечно, отмечен высокой долей субъективизма, как это наблюдается в примере с существительным ‘коса’ (разбор

представлен в работе Битокова 2023: 162–167). Связь между значениями полисеманта может быть разной степени близости. В тех случаях, когда семантическая связь практически не прослеживается, некоторые исследователи утверждают, что факт их одинакового обозначения указывает на наличие какой-либо связи между ними [Langacker 1988: 136–137]. Автор предлагает рассматривать омонимию как крайнюю точку в цепочке семантической связанности, где общность звучания является единственным критерием наличия смысловых отношений между словами, значениями слов.

Отсутствие формализованных критериев, доказывающих семантическую связь между значениями слова, остается до настоящего времени «камнем преткновения» в разграничении полисемии и омонимии.

Полисемия, систематизирующая результаты концептуализации и категоризации мира, является предметом пристального внимания в когнитивной семантике. Остановимся на этом вопросе в следующем параграфе.

1.5. Когнитивной подход к исследованию полисемии

В современной лингвистике концептуальные категории рассматриваются как прототипические (Rosch 1973, 1978, 1983; Lakoff 1987; Лакофф 2004; Cruse 1995; Ungerer, Schmid 2006 и др.). Это положение распространяется и на структуру многозначного слова. Когнитивисты придерживаются мнения, что полисемант является ярким примером концептуальной категории, где в полной мере проявляются прототипические эффекты [Лакофф 1995]. Учитывая этот факт, сторонники когнитивизма придают исключительную важность изучению полисемии, поскольку она проливает свет на концептуальную организацию сознания человека [Lakoff 1990: 316].

В современном понимании категория трактуется, как некоторая структура, не обладающая жесткими границами, члены которой объединены по принципу фамильного сходства. В прототипической категории выделяются

центральные члены, представляющие лучшие образцы категории, и периферийные, второстепенные. Их расположение в категории определяется степенью близости к лучшему образцу – центральному элементу категории. Прототипическая категория имеет психологическую основу и отражает понимание связи объектов обыденным сознанием. Она формируется на основании психологических экспериментов. Исследователь Р. Джэкендорф считает, что на включение объекта в ту или иную категорию влияют комплекс языковых и внеязыковых правил, которые он именуется правилами предпочтения (*preference rules*) [Jackendorf 1991: 143–148]. Принципы категоризации понятий о конкретных предметах поддаются обработке психологическими экспериментами. Гораздо сложнее выявить правила предпочтения на материале признаковой лексики в силу диффузности категориальных границ. К примеру, *вкус* и *запах*. Мы часто судим о вкусе пищи по ее запаху, даже не попробовав ее (ср.: как вкусно пахнет!). Или глаголы *сидеть*, *лежать*, и *стоять*, проявляющие удивительную субъектную сочетаемость в русском и английском языках: ‘костюм сидит хорошо’ = ‘the suit fits well’; ‘компьютер стоит на столе’ = the computer sits on the table; ‘муха сидит на потолке’ = the fly stands on the ceiling; ключ лежит в кармане = the key is in my pocket. Прототипические эффекты, проявляющиеся при категоризации естественных объектов, свойственны и языковым категориям (см. параграф 2 диссертации).

Рассмотрим свойства полисеманта сквозь призму основных положений прототипической категоризации, разработанной Э. Рош и ее коллегами. Полисемант, объединяющий несколько значений, представляет собой когнитивную структуру. Она является результатом концептуализации и категоризации мира сознанием человека. Специфика многозначности заключается в использовании одного языкового знака для объективации разных фрагментов действительности, используя механизмы метафоризации и метонимизации. Получается, что одна форма представляет разные сущности, что не соответствует прототипической категоризации, где члены категории имеют разные формы

выражения. В связи с этим процессы номинации играют важную роль в исследовании когнитивных аспектов полисемии.

Перейдем к дифференциации членов категории (ЛСВ) по признаку их центральности и периферийности. Несомненно, основное значение (primary meaning) является центральным членом категории. Другие ЛСВ могут быть семантически связаны с основным ЛСВ или с другими значениями, что подтверждается наличием определенной связи между ними: радиальной, цепочечной или смешанной (см. об этом параграф 1.4 диссертации). Но как быть с теми случаями, когда референты ЛСВ не являются видами его прототипического значения. Например, Л.М. Лещева [Лещева 2014: 77] приводит пример с производным значением ‘свинья’- ‘грязный, неопрятный человек’; ‘тот, кто поступает грубо, неблагодарно и низко’. Оно никак не может быть разновидностью центрального значения. Безусловно, некоторое сходство людей определенной категории со свиньей есть, что и сгенерировало переносное значение. Однако такой человек остается человеком при всех его внешних и моральных недостатках и принадлежит он категории людей, а не животных. Или, ‘ручка’ – пишущее устройства, не есть разновидность верхней конечности человека. Подобного рода примеры показывают, что отношения между ЛСВ полисеманта гораздо сложнее, чем те, что предусмотрены теорией семейного сходства. Исследователь Л.М. Лещева высказывает предположение, что многозначное слово является особым типом макроструктуры – объединением нескольких категорий на основе правил догадок и логических заключений [Лещева 2014: 78]. При этом, как она отмечает, каждая категория, входящая в макроструктуру, отмечена прототипическими эффектами.

Критерий открытых границ прототипической категории и подвижности ее состава в полной мере согласуется с особенностями развития многозначного слова. Полисемант может пополняться новыми значениями, что обусловлено экономическими, социальными и культурными факторами. Могут происходить разного рода изменения и в структуре полисеманта: появление или исчезновение ЛСВ, иерархическая реструктуризация, изменение стили-

стической стратификаций значений и т.д. Помимо этого контекстуальное варьирование слова, способность представлять широкий диапазон референтов, выходящий далеко за пределы словарного списка, яркое свидетельство мобильности категориальных границ полисеманта.

Вопрос о наличии центрального значения в структуре полисеманта связан с темой о наличии инвариантного значения в категории многозначного слова. Традиционно инвариант предполагает наличие общего значения, некоторого объединяющего начала у всех ЛСВ, включенных в структуру полисеманта. Тот факт, что отдельные значения лексемы (прямые, производные, переносные) репрезентируют независимые фрагменты действительности, не позволяет вывести одно, общее, актуальное для всех значение [Шмелев 1964: 83–85]. Отечественные лингвисты придерживаются позиции, что значения многозначного слова являются фактами языка, и семантическое единство слова обусловлено не наличием у них «общего» значения, а существованием определённой связи между значениями и их фиксацией за одним и тем же знаком [Там же]. Попадая в контекст, полисемант реализует одно из своих значений, которое легко понимают и интерпретируют носители языка. Помощниками в этом могут быть разного рода контексты и, конечно, описываемая ситуация.

Примечательно, что П. Норвиг и Дж. Лакофф [Norvig, Lakoff 1987], разрабатывающие идеи прототипической категоризации на материале полисемии, не поддерживают идею наличия абстрактного значения, общего для всех вариантов лексемы. Авторы делают упор на теорию «семейного сходства» (family resemblance) Л. Витгенштейна и не доказывают проявление теории прототипов на материале многозначных слов. Исследователи предлагают описание полисемии посредством семантических сетей, где в узлах располагаются значения слова. Центральный статус приписывается одному концептуальному варианту слова. Он, как правило, является доминирующим. От него образуются все остальные варианты, причем соседние узлы могут отличаться друг от друга одним параметром [см. подробный анализ глагола *to take* в Скребцова 2018: 250–253]. При таком подходе даже сильно отличаю-

щиеся варианты значений могут быть связаны посредством промежуточных, семантически связанных вариантов. Авторы сумели показать семантическую связь значений с доминирующим значением, что согласуется с теорией прототипов. Таким образом, представление структуры значений полисеманта в виде сети в некоторой степени нивелирует противоречия и спорные вопросы, возникающие при инвариантном и списочном описании многозначности. С точки зрения когнитивного подхода значения полисеманта вступают в самые разнообразные отношения от подобия и гиперо-гипонимических отношений до импликации и фреймового охвата [Булгакова 2012: 84]. Вопрос о наличии/отсутствии инварианта в семантической структуре полисеманта, можно сказать, снят. Признается возможность сосуществования обеих точек зрения, благодаря теории о прототипическом характере концептуальной структуры слова [Лещева 2014: 75]. Представляется, что при рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать частеречную принадлежность слова. Признаковые имена в большей степени, чем именная лексика, в силу их развитой способности определять большое количество референтов допускают выявление общего категориального значения. Высокая степень использования служебных слов, предлогов в частности, является веской причиной формирования абстрактного инвариантного значения.

Полисемия, с точки зрения когнитивного подхода, представляет собой «естественное следствие гибкости концептуальной организации и особенности ее структуры [Боярская 2010: 20]. Это уникальное свойство мышления человека, позволяющее придавать знаковое обозначение элементам опыта человека – концептуализация, и соотносить полученные знания с предыдущим опытом – категоризация. Факт абсолютной универсальности полисемии свидетельствует о её особом когнитивном предназначении – обеспечивать процессы познания действительности на основе аналогии, свойственной мышлению человека.

Полисемия актуализируется посредством двух универсальных инструментов смыслопроизводства – метафоры и метонимии. Особенности каждой вкратце рассматриваются в следующем параграфе.

1.6. Метафора и метонимия: механизмы семантической деривации

Семантическая деривация наряду с синтаксической и лексической формирует базу концептуального расширения полисеманта. Семантическая деривация предполагает сосуществование в пределах одной словоформы нескольких значений [Морковкин 2009: 61]. Они представлены в словаре в виде семантической структуры – иерархически организованного, нумерованного списка.

Синтаксическая деривация предполагает изменение частеречной принадлежности производного слова и как результат – изменение его синтаксической функции. Лексическое значение при этом сохраняется. Например: *белый – белизна; читать – чтение; красный – краснеть* и т.д. Конечно, межкатегориальная транспозиция влечет за собой изменение частеречного значения, например, производный субстантив приобретает общее значение ‘предметности’, адъектив – ‘статичный признак предмета’. Лексическая деривация связана с изменением значения слова в результате принятия производящей основой некоторых словообразовательных аффиксов: *дом – домик; барабан – барабанистик; лететь – полет*.

Семантическая деривация затрагивает внутреннюю сторону языкового знака, его значение никак формально не маркируется. Именно это внешняя неоформленность отличает порождение новых значений от образования новых слов. Если следовать традиционной схеме словообразования, семантическую деривацию можно представить как состоящую из производящей основы, производного слова и некоторого семантического форманта, благодаря которому происходит приращение нового смысла к производному исходному слову. Новый смысл оформляется в самостоятельное значение – лексико-семантический вариант – и занимает определённую позицию в словарной статье полисеманта. Семантические механизмы, ответственные за семантическую деривацию, это метафора и метонимия. Они известны с античных

времен, но, тем не менее, всегда были в фокусе внимания ученых в силу их значимости в когнитивной деятельности человека и их первостепенной роли в концептуализации и категоризации окружающего мира [Лакофф, Джонсон 2004; Лещева 2014]. Поистине безграничный диапазон использования метафоры и метонимии обуславливает отсутствие однозначного толкования многих вопросов, связанных с их изучением. До настоящего времени остается дискуссионным вопрос о разграничении процессов метафоризации и метонимизации [Руберт, Киселёва 2019: 420]. Рассмотрим некоторые аспекты этой сложной проблемы в контексте современной когнитивной лингвистики.

Человек, контактируя с окружающим миром, категоризирует его на основе имеющихся в его когнитивной базе знаний. Мышление человека устроено таким образом, что ранее приобретённые знания хранятся в его сознании в виде фреймов. Они содержат множество слотов, к которым подключаются и другие фреймы [Минский 1988]. Знания, хранящиеся в памяти в виде взаимосвязанных пакетов информации (фреймы), служат основанием для называния новых фрагментов действительности. Человек интуитивно, большей частью неосознанно, выбирает имя для нового объекта из знакомого арсенала номинативных средств. Происходит это намного чаще, чем изобретение нового имени. Результирующим эффектом данного процесса является семантическое расширение слова – появление новых значений в его семантической структуре. Значения полисеманта, объективирующие фреймы, образуют эпидигматическую структуру, один из элементов которой служит опорой для переносных значений. Возможные варианты корреляции нового значения с опорным словом, как это было сказано в предыдущем параграфе, может носить радиальный, цепочечный или смешанный характер. Какими бы ни были эпидигматические отношения, существует два основных способа формирования переносных значений: метафора и метонимия, хотя некоторые исследователи предлагают более расширенный список.

Уникальные возможности метафоры отмечались многими учеными. Так, американский философ М. Блэк, развивая теорию метафоры, обращается к термину интеракция [Блэк 1990: 162]. По его мнению, метафора есть результат взаимодействия двух ассоциативных систем на основании некоторого сходства их признаков. Эффект взаимодействия – возможность увидеть обозначаемое в новом свете, выделить его новые ракурсы. В этом прослеживаются идеи когнитивных возможностей метафоры. Именно М. Блэку принадлежит авторство термина «когнитивная метафора». Таким образом, уже в рамках структурной парадигмы внимание исследователей привлекали концептуальные возможности метафоры. В дальнейшем они получили широкое развитие в рамках теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004]. По мнению авторов, метафора является неотъемлемым свойством мышления человека, и только потом она проявляется в языке и культуре. Новое понятие появляется в результате взаимодействия двух концептуальных областей: сферы источника – известного и понятного, и сферы мишени – нового или плохо структурированного. Известный отечественный лингвист М.В. Никитин подчеркивает, что метафора не порождает новый концепт, а лишь способствует его формированию и выражению в виде языкового знака [Никитин 2001]. Из этого следует, что метафорическое значение есть результат объективной потребности наречения нового фрагмента действительности – продукта познавательной деятельности человека или более глубинного изучения известных объектов и явлений. Важным в механизме метафоризации является ассоциативная связь, которая позволяет соположить, сопоставить две понятийные области, не имеющих точек соприкосновения в реальной действительности, но обладающие сходными чертами. Поэтому метафора близка к сравнению, в основе которого лежит концептуальное взаимодействие двух разных ментальных пространств. По сути, они являются членами одной когнитивной категории – сравнения. Только метафора пред-

ставляет собой невыраженное сравнение, где связки *как*, *как будто*, *словно* и др. опущены, но имплицитно используются [Арнольд 2002; Зарецкая 2002].

Приведем примеры из соматического лексикона, который активно используется для метафорического осмысления действительности во всех языках. Английская лексема *'hand'*/рука имеет следующие метафорические значения: *'help'*/помощь, *'worker'*/работник, помощник; *'control'*/влияние, контроль и др. Одно из значений полисеманта *'hand'* концептуализирует стрелки на часах. Денотаты *'hand'*/рука и стрелки на часах имеют некоторое сходство. Оно проявляется в их форме: некоторая протяжённость. В английском языке *hand* именуется часть верхней конечности от запястья до кончиков пальцев. Сходство появляется и в их функционале. *'Рука'* и *'стрелки часов'* наделены двигательными способностями, в частности, указывать на что-либо. Весь этот комплекс сходных черт лежит в основе формирования переносного значения. Очевидно, что денотаты основного и метафорического значений принадлежат к различным понятийным областям – части тела человека и различные механизмы (их составляющие). Еще один пример из той же области часов. *'Циферблат'* в английском языке называется *face* – *'face of the clock'*. Прямое значение лексемы *'face'* – *front of the head* – *'лицо'*. Вероятно, внешнее сходство – форма и возможность узнать время по часам и считать информацию по выражению лица человека – были теми сходными признаками, что способствовали образованию метафорического значения.

Метонимические отношения в структуре полисеманта складываются по-иному. Здесь принципиально важным является объективная и актуальная связанность денотатов, лежащих в основе метонимических значений. Они, как правило, относятся к одному сложному объекту действительности, что позволяет говорить не о переносе имени, а о сдвиге фокуса внимания, происходящего при объективации реального предмета или события [Падучева 2004]. Такой сдвиг возможен в силу смежности именуемых денотатов, например: материал и изделие из него (красивое *серебро*), сосуд и его содер-

жимое (выпью еще один *стакан*), место и событие (*Нюрнберг* изменил сознание человечества), часть и целое (нужны еще *руки*, мы не закончим работу) и т.д. Метонимия не предполагает включение ассоциативных смысловых связей, она объективна, конкретна и эксплицитна, как говорится, лежит на поверхности. Метонимические связи легко устанавливаются, минимальны по временным и интеллектуальным затратам в силу их естественности и очевидности. Этим объясняется универсальность метонимических сдвигов по сравнению с этноспецифичными метафорическими переносами. Последние предполагают интеллектуальное напряжение, связанное с поиском подходящего денотата с целью заимствования признака для формирования переноса имени. Кроме этого, наблюдается широкий разброс денотатов, используемых носителями разных языков, для концептуализации одних и тех же сущностей объективного мира.

В процессах метафоризации достаточно высока степень субъективности, хотя существуют универсальные закономерности метафорических переносов: конкретное → абстрактное; животный мир → человек и др. Существенным различием метафоры и метонимии является отсутствие образности в метонимических значениях, что подтверждается их лексикографической репрезентацией. Словарные статьи, содержащие метонимические значения, не имеют пометы *переносное*, которая, как правило, сопровождает интерпретацию метафорические значения.

Семантическое развитие слова – появление новых значений – становится возможным благодаря двум важнейшим инструментам мыслительной деятельности: метафоре и метонимии. Они восполняют дефицит номинативных средств языка, могут быть конвенциональными и авторскими, обладают значительным прагматическим потенциалом [Козлова 2011: 137]. Метонимия представляет собой языковое отражение объективно существующих связей в пределах одной концептуальной области. Она является результатом сдвига фокуса внимания от одного структурного элемента объекта действительности к другому. Поэтому метонимия характеризуется как эксплицитный и

предсказуемый способ смыслопроизводства. Метафора более сложный механизм образования новых значений, действующий по принципу аналогии. Важным является сходство отдельных признаков сравниваемых объектов, которое может иметь случайный и субъективный характер.

Несмотря на существенные различия, метафора и метонимия в отдельных случаях пересекаются, накладываются друг на друга, что делает их дифференциацию достаточно сложной. В этом проявляется континуальность нашего мышления и диффузность границ этих важнейших ментальных процессов [Козлова 2011: 143].

Полисемия по-разному проявляется в словах различной частеречной принадлежности. Учитывая предмет исследования диссертации – вкусовые прилагательные, в следующем параграфе остановимся на специфике адъективной многозначности.

1.7. Полисемия адъективной лексики

Имя прилагательное до настоящего времени не получило исчерпывающей интерпретации, хотя традиции ее исследования имеют длительную историю. Сложность исследования адъективной лексики обусловлена особенностями ее семантики, которая отражает онтологическую сущность признака.

Известно, что логика познания предполагает, в первую очередь выделение в окружающем мире конкретных сущностей, некоторых устойчивых фрагментов, которые в языковой плоскости представлены именами существительными. Далее сознание человека детализирует присущие конкретным вещам признаки, качества, подвергает инвентаризации возможные состояния, а также отношения, в которых эти сущности могут находиться. Они объективируются в языке именами прилагательными, глагольными именами и наречиями. Очевидно, что многообразие вещного мира и его динамическое состояние соответствуют двум семиологическим классам – предметным име-

нам и признаковым. Они отражают онтологические свойства окружающего мира – предметы и их свойства и характеристики. Признаковые имена отличаются от имен существительных особенностями организации их смыслового содержания. Означающее имен существительных сочетается в прямом номинативном значении денотат и/или сигнификат, взаимосвязь которых создает предметные имена с различной семантикой – абстрактные, конкретные [Уфимцева 1980: 36]. Их отличает автономность и самостоятельность семантизации значения, не требующей выхода за пределы словесного знака. К примеру, имя *дом* без каких-либо дополнительных индексов дает представление о том, что это место *проживания, жилище*; также *любое здание*, используемое в различных целях. Нет необходимости уточнения семантики даже минимальной двучленной синтагмой.

Семантика признаковых имен (глаголов и прилагательных) организована иначе. Изначально, в силу объективных связей и отношений, существующих в природе, признак предполагает участников события. Они уже заложены в их семантике. Наименование любому событию, будь то процесс, действие или состояние задается относительно двух понятийных сфер – сферы субъекта и сферы объекта, обозначенного глагольным именем действия или процесса. Иногда это ограниченный список имен, как в случае с английскими глаголами *to woo* (добиваться руки), *to seduce* (соблазнять), где субъект – лицо мужского пола, а само действие ориентировано относительно лица женского пола. Значительно шире круг предметных имен, которые могут занимать позицию субъекта глагольного действия *to run* (бежать). Это имена, обозначающие одушевленные существа (люди, животные), а также неодушевленные предметы, которые в силу своего функционального предназначения выполняют действие ‘бежать’. Следовательно, субъект действия, а в случае с переходными глаголами и объект действия, оказываются включёнными в логико-предметное содержание глагола. Более того, развёртывание действия во времени и пространстве, особенности его совершения предполагают

включение дополнительных элементов значения в семантику глагола. Таким образом, в глагольном имени сигнификат и денотат разведены, т.е. не совмещены в пределах одного означающего. Сигнификатом признаковых имен является обобщённое понятие отношения, которое конкретизируется при его отнесении к миру предметов, лиц. Они по логике вещей могут выполнять функции субъекта действия или объекта, на которое направлено определённое действие [Уфимцева 1980: 37].

Имя прилагательное, как отмечает Н.Д. Арутюнова, обладает более бедной семантикой и стремится к моносемности [Арутюнова 2009: 342]. Подобное оказывается следствием природной сути адъективов. Именуя один признак вещи, они априори ограничены в объеме своего значения по сравнению с предметными именами, которые обладают целым комплексом самых разнообразных признаков. К примеру, имя *дом* обладает признаками, которые относятся к материалу постройки (каменный, кирпичный, деревянный); к параметрам (большой, одноэтажный, длинный и т.д.); к назначению (жилой, загородный, летний, вилла) и пр. Отдельно взятый признак *кирпичный* – ‘сделанный, построенный из кирпичей’ нельзя разложить на составляющие. Объективная необходимость именования многочисленных качеств и свойств предметов превращает класс прилагательных в чрезвычайно вариативный разряд лексики, который носит открытый характер и постоянно пополняется [Croft 2003]. Прилагательные отличаются от другого разряда признаковых имен – глаголов. Как правило, они репрезентируют статичные признаки (зеленое платье, умный ребенок). Глаголы описывают признаки, протекающие во времени (зеленеть, сохнуть).

Единичный признак, выделяемый в предмете, может быть использован для характеристики других предметов при условии их семантической совместимости. В результате происходит расширение семантической структуры прилагательного, что приводит к многозначности. Бедное содержание не препятствует развитию многозначности адъективных имен. Более того, адъ-

ективы занимают вторую позицию после глаголов по количеству многозначных единиц и по степени их полисемичности [Лещева 2014: 177]. Основными механизмами семантической деривации, как было ранее отмечено, являются метафора и метонимия. Можно предположить, что принципиальное различие семантической организации признаковых и предметных имен влияет на способы внутрисловной семантической деривации.

Метафорический перенос предполагает сходство между исходным объектом и новым объектом, который заимствует имя первого: *лист* растения – *лист* (бумаги), *игла* (швейная) – *игла* (хвойного дерева) и т.д. Производные значения подобного рода компенсируют дефицит номинативных средств языка, выполняют идентифицирующую функцию. Метафора этого типа наглядна, очевидна, не вызывает каких-либо дополнительных ассоциаций, которые могли быть на «заре» ее появления, не заряжена прагматически. Другой тип метафорических переносов – *образный* – предполагает обязательную ментальную интерпретацию использования слова применительно к новому объекту. Например, известное значение *лиса* – о хитром человеке. Внешние особенности – *пушистый хвост, острая мордочка и ушки, особый окрас меха* и т.д., все, что воспринимается зрительно, не существенно для формирования переносного значения. Важными оказываются закрепленные в русском языковом сознании поведенческие характеристики этого животного – результат многолетнего наблюдения за лисой. Помимо этого, сказываются стереотипы, сформированные под влиянием сложившихся в христианской традиции символических значений животного *лиса* – *обманщик, льстец*. К сознательному уровню добавляются еще и интуитивные бессознательные инструменты интерпретации. Они глубоко субъективны и детерминируются многими экстралингвистическими факторами. Метафорический перенос связывает онтологически разобщенные предметы. Путем нахождения некоторого общего признака – *Tertium comparationis* – имя увязывается с новым объектом номинации.

В случае с метонимией происходит взаимодействие сопряженных, смежных сущностей. Та же *лиса* генерирует метонимическое значение – *мех* такого животного. На его основе появляется производное значение – *изделия из меха, шкурки такого животного*. Другой пример – *звонок* – *металлический колокольчик, а также прибор, устройство для подачи звуковых сигналов, напоминающих звук колокольчика*. Метонимический дериват – *звуковой сигнал, производимый колокольчиком или специальным прибором*. Например, *звонок на урок; ранний звонок*. Производные значения предметных имен, основанные на метафорических и метонимических переносах, обозначают автономные сущности, не требующие речевых индикаторов для своей актуализации.

Иначе обстоит дело с адъективными именами. Они обозначают единственный признак, который по своей сути чрезвычайно мобилен и может быть приписан большому множеству предметов. Например, *умный студент, человек и умная машина, умные слова, умное решение, поведение* и т. д. Причина высокой мобильности адъективов объясняется необходимостью дать название новым свойствам и качествам вещей, которые обыденное сознание человека обнаруживает в результате все усложняющегося опыта познания окружающего мира. Учитывая, что постижение сути вещей предполагает обязательную опору на уже усвоенное и закрепленное в когнитивной базе человека, его сознание мобилизуется на поиск подходящего элемента опыта. Путем сравнения и аналогии выделяется уже существующий в других объектах признак и атрибутируется к свойствам нового объекта. Например, адъектив *умный* – *обладающий здоровым умом, сообразительностью*, используется для описания «умных» свойств механизмов, способных, подобно человеку, выполнять разнообразные функции и операции. До настоящего времени дискуссионным остается вопрос, реализуются ли разные значения адъектива при сочетании с именами, принадлежащими к разным таксономическим классам, или это одно и то же значение. Высказывается мнение, что у прилагательных не меняется значение. Так, R. Jackendoff [1996] полагает, что значение *sad* в

сочетаниях *sad woman* и *sad book* реализует одно и то же значение – *sorrowful* (печальный), *mournful* (грустный). Такого же мнения придерживаются и J. Aarts & J. P. Calbert [1979]. Они считают, что *angry* в *angry man* и *angry letter* сохраняет один и тот же набор признаков. В первом случае – *a man experiencing anger*, реализуется один предикативный релятор, во втором случае – *a letter manifesting anger experienced by the writer*, где появляется два предикативных релятора.

Особенности семантики признаков имен, обусловленные их онтологической сущностью, затрудняют дифференциацию метафорических и метонимических ЛСВ в структуре адъективного полисеманта. Метафорическое значение генерируется в результате взаимодействия двух концептуальных сфер – сферы источника и цели – и заключается в проецировании элементов структуры одной области на структуру другой [Лакофф, Джонсон 2004]. Метафорические переносы в признаковых именах происходят между признаками объектов двух разных таксономических классов. Как справедливо отмечает Е.В. Рахилина и коллеги [Рахилина, Карпова, Резникова 2009], они в значительной степени предсказуемы, что обусловлено синкретичностью человеческого восприятия. Важным условием переноса является то, что один и тот же признак должен быть совместим с семантикой элементов новой концептуальной зоны, что свидетельствует о «когнитивной проницаемости» границ взаимодействующих концептуальных областей. Например, *острый нож* – *острый ум*. Основой метафорического переноса служит способность человека, обладающего *острым умом*, быстро проникать в суть вещей, анализировать и принимать правильное решение, что уподобляется характеристикам хорошо отточенного ножа быстро выполнять свое функциональное предназначение. Еще один пример метафорического переноса: *мягкий диван* – легко поддающийся нажиму, деформации, вызывающий приятные ощущения. На основе этих признаков появляется значение *мягкий человек* – спокойный, благожелательный, идущий на уступки, не конфликтный. Метафорический пе-

ренос действует внутри поля качественности, переводя одно качественное значение в другое, или превращая относительное прилагательное в качественное [Сандакова 2019: 119]. Метафорическое переосмысление, как правило, происходит через перенос чувственно воспринимаемых признаков в абстрактную плоскость, сферу нематериальных признаков [Арутюнова 1999: 358–367] (ср.: *высокое* дерево – *высокие* идеалы; *широкая* дорога – *широкая* душа).

При метонимическом сдвиге взаимодействие между двумя значениями возникает в пределах общей (смежной) для них концептуальной зоны, в результате чего происходит выделение, акцентирование некоторого фрагмента этой области [Driven 2002; Peirsman 2006; Падучева 2004]. Смежная зона, определяемая по предметному имени, с которым сочетается признак, носит довольно размытый характер, что не позволяет однозначно квалифицировать тип содержательной связи между значениями. К примеру, адъектив *веселый* в сочетании *веселая книга* относительно *веселый человек* можно квалифицировать как метонимический перенос на том основании, что денотаты предметных имен находятся в импликационной связи. Подобный перенос можно определить как метафору, поскольку *человек* и *книга* принадлежат к разным концептуальным областям [Шрамм 1979]. Некоторые ученые вообще отрицают возможность метонимических переносов в производных значениях прилагательных, в силу интерференции сочетающихся с адъективами широкого спектра имен существительных [Jackendoff 1996]. Автор ставит под сомнение вообще наличие полисемии у прилагательных. Исследователь полагает, что значение *sad* в сочетаниях *sad woman* и *sad book* остается неизменным (Ср.: *веселый человек* и *веселая книга*). При анализе семантики прилагательного в подобного рода сочетаниях следует обратить внимание на динамический или статический характер признака. Он, как правило, отражается в словарных дефинициях с помощью слов-реляторов *having*, *characterized by* или *causing*, *making*. Если семантика словоупотреблений описывается с помощью разных реляторов, налицо разные лексико-семантические варианты [Лещева 2014: 183].

Удельный вес метафорической и метонимической деривации в формировании новых значений прилагательных не одинаков. Метафорическая мотивация может быть в основе всех ЛСВ в структуре многозначного прилагательного. Метонимические переносы проявляются только в некоторой части семантической структуры [Сандакова 2019: 122–123]. Такое соотношение объясняется ограниченными возможностями метонимической деривации. Они обусловлены реальной смежностью предметных имен, выступающих носителями признаков основного и переносного значений. Метафорическая деривация не ограничена такими жёсткими рамками. Ассоциативное мышление и субъективный взгляд на вещи может соположить носителей признаков, далеко отстоящих друг от друга в реальном мире.

Выводы

1. Восприятие является первой ступенью познания. Оно проявляется в виде элементарных сенсорных ощущений, перерастающих в итоге в систему знаков, отражающих мир, формирующих его оценку. Восприятие признается как активный процесс, сочетающий в себе чувственное и рациональное. Оно рассматривается как звено конструктивной когнитивной деятельности человека.

2. Результаты перцептивного опыта проходят процедуру категоризации – систематизация и упорядочивание нового опыта с уже известным, и потому фиксированным в когнитивной базе человека. В настоящее время категоризация рассматривается в терминах теории прототипов и теории категорий базового уровня, предоставляя классической категоризации области точных и естественных наук.

3. Результаты когнитивной деятельности сознания (концептуализация и категоризация) складываются в уникальную, специфичную для каждого этноса языковую картину мира (ЯКМ). Она включает *первичные репрезентирующие структуры* – базовые понятия, известные как структуры до концептуального уровня: *дом, собака, рука, вода* и др. (Лакофф Дж.). Далее следуют *первичные интерпретирующие структуры*, представляющие информацию о базовых понятиях: *большой, каменный дом*. *Вторично – интерпретирующие языковые структуры* (третий тип) призваны переводить в языковую плоскость новые *знания* о мире посредством имеющихся в языке номинативных средств: спросить, допросить, опросить и т.д.

4. Традиционный подход к полисемии нацелен на установление типологии значений, структурирование семантики в терминах компонентного анализа, разграничение полисемии и омонимии. В рамках когнитивной семантики полисемия рассматривается как идеализированная когнитивная структура, элементы которой организованы по принципу прототипической категории, где выделяются лучшие образцы и периферийные. Использование одной формы для номина-

ции разных сущностей противоречит принципам прототипической категоризации. Также не всегда метафорические значения допускают включение именуемых ими денотатов в исходную категорию (Ср. свинья – *домашнее животное* и свинья – *о неопрятном, аморальном человеке*).

5. Имена прилагательные в силу особой организации логико-предметного содержания формируют метафорические и метонимические значения на основе определяемых ими имен.

Глава 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВКУСА

2.1. Естественнонаучная основа перцепции вкуса

Вкус, хотя и представлен в языке субстантивом, что обусловлено его суперординатным статусом, выражен признаковыми именами – адъективами. Основными мономодальными вкусовыми ощущениями признаны четыре: *сладкое, соленое, кислое и горькое*. Они являются универсальными, базовыми ощущениями, не разложимы на составляющие, и не имеют привкуса. Базовые вкусы знакомы человеку на протяжении тысячелетий. Теоретические сведения о вкусовых ощущениях стали доступны с появлением и развитием научных направлений – психологии, физиологии и, конечно, языка, который воплотил в языковых знаках обыденное (наивное) представление человека о вкусовых ощущениях. Наивное понимание вещей оказывает существенное влияние на исследование фактов бытия с научной точки зрения. *Вкус* в энциклопедическом словаре имеет достаточно сложное определение, что в полной мере отражает многоаспектность и сложность исследуемой категории. Это ощущение, возникающее при действии растворов химических веществ на рецепторы вкусовых органов, результат одновременного поступления в нервные центры информации от разных вкусовых, обонятельных, а также болевых, тактильных, температурных рецепторов ротовой полости [Лапина 2008: 135].

Периферийность *вкуса* по сравнению со зрительным и слуховым модусами, а также недискретный и диффузный характер вкусовых ощущений несколько сдерживали их исследование в естественных науках. Было потрачено много времени учеными разных стран на установление механизмов реакции человека на ощущение каждого вида вкуса. Можно сказать, что существенные результаты были получены только в середине прошлого столетия, когда вкусовое ощущение стали рассматривать в физиологии как действие, поступающего в ротовую полость вещества на вкусовые анализаторы, и реакция мозга на это.

Вкусовые анализаторы описываются как комплекс нейрофизиологических систем. Они включают нервные волокна различной локации в мозге, нёбо, язык и обонятельные рецепторы [Johnson 1968; Saint-Roche 1995: 19]. Только в 1999–2001 годах были открыты рецепторы, которые помогают нам распознать *горькое* и *сладкое*. Было установлено, что в распознавании *горького* вкуса участвует порядка тридцати рецепторов. Есть аргументированное объяснение такому факту: умение вовремя распознать опасность, поскольку горечь признак ядовитых веществ. Получается, природа позаботилась о сохранении человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elementy.ru>].

Предметом интереса физиологии является выявление рецепторов, отвечающих за восприятие вкусовых свойств веществ, попадающих в ротовую полость, исследование происходящих при этом процессов. Обнаружено, что за распознавание различных вкусовых ощущений отвечают различные рецепторы, с различной локацией в полости рта. Например, рецепторы, располагающиеся на кончике языка, реагируют на сладкий вкус. Ощущение горького наиболее сильно проявляется в корневой части языка. К кислому более чувствительны края языка, к соленому – средняя часть языка [Вкусовая перцепция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>]. Зоны восприятия перекрывают друг друга, что наблюдается при повышении концентрации вкусового вещества. В этом случае вкус распознается всей поверхностью языка [Там же].

Скорость возникновения тех или иных ощущений также различается. Известно, что горький вкус воспринимается медленнее. За ним следуют кислый и сладкий. Быстрее всех воспринимается соленый вкус. Установлена зависимость скорости восприятия вкуса и длительности испытываемого от него ощущения. Чем быстрее воспринимается вкус, тем быстрее проходит ощущение от него, и напротив, чем медленнее происходит реакция, тем дольше длится ощущение.

Поскольку осознание того или иного *вкуса* не может протекать без участия нервной системы, физиологические исследования дополняются нейро-

биологическими – исследованием реакции мозга на различные вкусовые раздражители. Сам механизм преобразования вкусового воздействия в электрические сигналы, а также локация зон головного мозга, отвечающих за восприятие конкретного вкуса, остаются малоизученными [Там же]. Поражает скорость получения корой головного мозга первой информации о вкусовой стимуляции: примерно 150 миллисекунд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elementy.ru>].

Вкусовые ощущения сопровождают человека всю его жизнь. Уже с первых дней младенец положительно реагирует на сладкие и кисло-сладкие соединения. И закономерно проявляет неприятие горького и соленого. Эти тенденции в самом общем виде сохраняются на протяжении всей жизни человека. Хотя с возрастом у человека развивается положительная реакция на солёное. Вероятно, подобные изменения имеют биологическую составляющую и являются реакцией организма на определённые потребности, связанные с естественными процессами изменения обмена веществ. Вообще с годами острота восприятия вкуса снижается (гипогевзия), как, впрочем, и все другие рефлексy организма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sektascience.com>].

Вещества, контактирующие с полостью рта человека, могут обладать чистым или смешанным вкусом. Все горькие вещества имеют схожий вкус. Они могут различаться только по интенсивности, но не по качеству. Подобными свойствами обладают кислый и сладкий вкусы. Солёный вкус в чистом виде представлен только в одном веществе – поваренной соли. В других веществах солёный вкус сопровождается примесью кислого и горького. Физиологов заинтересовал вопрос о возможности смешения различных вкусов, подобно тем, что проявляются в природе – кисло-сладкие сорта яблок, например, или кисло-солёный вкус огуречного рассола. Оказалось проблематичным слияние горького и соленого. Соединение кислого с горьким также даёт отрицательный результат в виду выраженного неприятного вкуса смеси [Мецлер 1980].

Физиологи справедливо утверждают, что язык человека способен различать бесчисленное множество вкусов. Уместно вспомнить, что человек способен различать тысячи оттенков цвета, в то время как спектр состоит всего из семи основных цветов. Они выделяются на основании объективных физических критериев. Также и в физиологии разработаны научные принципы выделения базовых вкусовых ощущений. Правда, есть одна существенная разница. Цвет – *наблюдаемая* категория, дистанцированная от субъекта. Она подвергается зрительному анализу, допускает сравнение, своего рода верификацию, чего нельзя сказать о вкусовых ощущениях. И самое важное – ощущение вкуса, превращение его в восприятие, связано с мозгом человека. А он все еще по большому счету остается *terra incognita*. Поэтому научное исследование перцепции вкуса сопряжено с большими сложностями.

Соленый и *кислый* вкусы традиционно связывают с безопасностью человека в его эволюционном развитии. Предполагается, что именно эти вкусы человек начал распознавать в первую очередь. *Кислый* вкус содержит вещества, которые по своему химическому составу относятся к кислотам. Чувствительность к *кислоте*, выделение его из системы вкусовых ощущений были обусловлены необходимостью уберечься от ядовитых растений и продуктов разложения – гнилой еды. Последние, как известно, содержат в большом количестве кислоты и аммиак. Они чрезвычайно опасны для человека.

Человек научился находить природные вещества, содержащие соль, потому что интуитивно чувствовал, что они придают ему силу и энергию, утоляют жажду, поскольку регулировали водно-солевой баланс организма. Соль необходима для нормального функционирования всех живых организмов.

В рамках психологии вкус рассматривается как способность психики человека реагировать на внешние вкусовые раздражители, побуждая человека к тем или иным действиям [Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.gerardkeegan.co.uk>]. В рамках психологических исследований устанавливается зависимость типа личности и его вкусовых предпочтений; генетическая предрасположенность к определённым вкусовым ощущениям.

Психологи установили, что на ранних этапах развития организм контактирует с окружающей средой на низкодифференцированном уровне. В дальнейшем появляется увеличение степени дифференцированности организма к среде [Александров 1989; Чуприкова 1997]. Из этого следует, что степень дифференцированности систем, организующих индивидуальный опыт, является одной из основных характеристик структуры индивидуального опыта. Последовательное формирование перцептивной системы позволяет заключить, что поведение, связанное с разными органами чувств, характеризуется разной степенью дифференцированности [Колбенева, Александров 2010: 18]. Изучение развития млекопитающих в раннем онтогенезе выявило, что поведение, основанное на вкусовой чувствительности, используется для достижения полезных результатов раньше, чем поведение, связанное со слухом и зрением [Lickliter, Bahrick 2000]. Этот очень интересный вывод позволяет по – другому посмотреть на перцепцию вкуса. Периферийный модус перцепции оказывается ведущим в системе дифференцированной организации индивидуальных поведенческих характеристик.

В данном параграфе только вскользь были затронуты некоторые аспекты естественнонаучного направления исследования сложнейшего феномена – *вкусовой перцепции*, что существенно для нашего дальнейшего исследования. Далее перейдем к анализу лингвокогнитивного статуса категории вкус.

2.2. Концептуальная категория «вкус» в кабардино-черкесском, русском и английском языках

Категоризация, как было сказано в параграфе 1.2, выполняет важнейшую функцию – упорядочивание воспринятой информации, придание ей стройного и логичного вида. Иначе человек будет потерян в хаотичном калейдоскопе ощущений, эмоций, предметов и событий. Категория предполагает существование категориального концепта, объединяющего родовые понятия. Этот термин уже получил распространение в лингвистике. Обсуждая

типологию концептов, Е.И. Голованова отмечает, что она включает макроконцепты, микроконцепты, категориальные концепты, базовые, суббазисные концепты [Голованова 2008: 177]. Н.Н. Болдырев, характеризуя понятие *категория*, пишет, что это концептуальное объединение объектов на основе общего концепта. Категория представляет собой такой формат знания, где общий концепт объединяет определенный класс объектов [Болдырев 2009: 28]. Категориальный концепт позволяет свести все многообразие опыта в виде наблюдаемых и воображаемых явлений и событий под одну рубрику.

Категориальный концепт можно сравнить с гиперонимом в системе гиперо-гипонимических отношений (Ср.: *печатное издание* – гипероним, *книга, газета, журнал, буклет, брошюра* – гипонимы). Категориальный концепт может быть интерпретирован и в терминах *базовых категорий* Э. Рош. В этом случае он представлен единицами высшего суперординатного (*superordinate*) уровня, за которым следуют единицы базового уровня, например, *транспорт* и его виды – *машина, автобус, такси, маршрутное такси, троллейбус* и т.д. Очевидно, что человек оперирует концептами, которые имеют некоторое объединяющее начало. В системе вкусовых концептов кабардино-черкесского языка не обнаруживается категориальный концепт *вкус* как, например, *вкус* в русском языке, или *taste* в английском языке. Остановимся подробнее на этой особенности кабардино-черкесского языка.

Согласно концепции базовой категоризации (Э. Рош) лексема *вкус* представляет суперординатный уровень категоризации. Суть лексики этого уровня заключается в их обобщающей функции относительно базовых элементов категории. Обратимся к английскому и русскому языкам, где история изучения *вкуса* имеет давние традиции. Семантика категориальных концептов в обоих языках в полной мере выражает эту обобщающую функцию. Так, в русском языке *вкус* – ‘одно из внешних чувств человека и животных, органом которого служит слизистая оболочка языка и полости рта’ [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>]. Из дефиниции следует, что вкусовые концепты относятся к системе внешних чувств, за которые отвечает

ротовая полость. Чувства дифференцируются в зависимости от свойств продукта, попадающего в ротовую полость человека. В английской лексикографической традиции дифференциация чувств находит отражение в словарном толковании. В дефиниции присутствуют все базовые вкусовые концепты: ‘The sense that distinguishes the sweet, sour, salty, and bitter qualities of dissolved substances in contact with the taste buds on the tongue’ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com>]. В английском языке есть еще один категориальный концепт *flavor*, который, судя по толкованию: ‘taste perceived in food or liquid in the mouth’, является семантически производным по отношению к *taste*. Лексема *flavor* предполагает вкус конкретной пищи. Он может быть сочетанием самых разнообразных вкусов, далеко выходящий за пределы базовых вкусов. Поэтому категориальным концептом в его классическом толковании в английском языке является *taste*. Базовый уровень категоризации традиционно включает лексемы: *сладкий, кислый, горький, соленый*. Их корреляты в кабардино-черкесском языке – *ІэфІ/сладкий, дыдж /горький, гуащІэ /кислый, шыугъэ /солёный*.

Третий уровень категоризации – субординатный – представлен более узкими понятиями: *жгучий, терпкий, жирный, охлаждающий, металлический, вяжущий* и др. Большой пласт лексики этого уровня представлен отыменными адъективами: *вишневый, лимонный, клубничный, гранатовый, полынный, морковный, рыбный* вкус и т.д. Этому есть свое объяснение. Богатейшая палитра вкуса не может быть представлена в языке отдельными наименованиями, подобно базовым концептам. Выход один – поиск в реальном мире объектов, вкус которых знаком человеку и похож на вкусовые качества пробуемого им продукта. Здесь также сказывается синкретичность вкусовых ощущений, например, *кислого* и *сладкого*. Именно таким вкусом обладают плоды вишни. Существенным также является сочетание *вкуса* и *запаха*, что порой, создает неповторимые вкусовые ощущения, которыми обладает, например, лимон. Субординатный уровень, не так широко представлен в кабардино-черкесском языке. Исключение составляют словосочетания передающее

сходные значения, что и отыменные комплексы в русском языке: *балийм ецхъц* (похожий на вишню), *мамкъутым ецхъц* (похожий на малину). Или *балийм хуэдэц* (как вишня), *мамкъутым хуэдэц* (как малина). Например, представим ситуацию, когда человек есть какой-то экзотический фрукт, другой у него интересуется, на что похож этот фрукт по вкусу? – *ІэфІагъкІэ сытым ецхъ*? Ответ *балийм хуэдэц* (похож на вишню) звучит естественно, и потому вполне закономерен.

Работа с практическим материалом использования признака *ІэфІ*/сладкий позволяет сделать некоторые выводы относительно категориального концепта *вкус* в кабардино-черкесском языке. Материал выявляет примеры сочетания этого признака с продуктами, которые изначально нельзя назвать сладкими. Например: *нацэ ІэфІ* – вкусный огурец – о свежем, сочном, хрустящем огурце; *псы ІэфІ* – вкусная вода – о природной воде, без примесей и запахов, прохладной, утоляющей жажду; *шатэ ІэфІ* – вкусная сметана – о свежей, домашней сметане без всяких добавок; *щыпс ІэфІ* – вкусный соус; *бжъыныху щыпс ІэфІ* – вкусный чесночный соус. Последний пример очень иллюстративный. Ингредиентами *щыпс*, помимо соли, являются острые приправы: перец, чеснок, чабрец. Основа соуса – кисломолочный продукт *цху*, смешанный со сметаной. Такого рода примеры привычны и достаточно частотны. Следовательно, репрезентация *вкусного* через *сладкое* свидетельствует о сближении этой вкусовой перцепции с положительными органолептическими свойствами еды – еды, которая доставляет удовольствие и наслаждение. Она может быть *кислой, соленой и пресной*, без вкуса и запаха, как *вода*. Однако, сомнительно, что продукт с горьким вкусом может квалифицироваться как *вкусный*. Ощущение *горького*, по определению, не может быть приятным, следовательно, не может быть *вкусным*. Его действие на вкусовые рецепторы и реакция мозга на это действие имеет выраженный отрицательный характер.

Отсутствие категориального концепта *вкус* в кабардино-черкесском языке, предположительно можно объяснить тем, что кабардинский этнос просто не нуждался в создании такого обобщающего понятия. Условия жиз-

ни и быта не способствовали развитию культа еды, хотя обычная, гостевая и праздничные трапезы были разработаны до мельчайших деталей. Исследователи отмечают, что некоторые базовые категории не имеют специального термина для обозначения высшего, суперординатного уровня [Скребцова 2018: 122–123]. В русском языке нет, например, объединяющего понятия для *брата* и *сестры*. Соответствующее слово есть в английском языке – *siblings*. При этом исследователь отмечает не совсем «полноценный» характер данной номинации в силу ее искусственности, что идет вразрез с принципами наивной классификации [Там же]. Ученый приводит пример отсутствия во французском языке родового понятия ‘фруктовые деревья’, при наличии целого ряда видовых наименований.

Следует также учитывать, что суперординатный уровень является результатом умозрительных построений человека, а не отражением реально существующих вещей и их признаков. Он предполагает теоретические знания и является результатом научной категоризации окружающего мира [Болдырев 2009: 131]. Гештальтная природа восприятия человека ориентирована на базовый уровень категоризации. Человек легко оперирует понятиями данного уровня, познавая мир, себя в этом мире, общаясь. Суперординатный уровень не позволяет человеку легко коммуницировать, делать обобщения. Для правильной ориентации в лексике этого уровня требуются логические усилия, абстрагирование от конкретики. Например, фрукт – ‘съедобный сочный плод некоторых деревьев и кустарниковых растений’. В природе нет соответствующего ему референта. Есть *яблоки*, *груши*, *абрикосы*, восходящие к этому категориальному концепту, хорошо знакомые человеку. Родовое понятие хронологически появляется позже, как результат научного развития и необходимости видового разграничения крупных категорий. Суперординатный уровень не является крайним в вертикальной категоризации вещей объективного мира. Существуют более высокие уровни обобщения. Например, базовое понятие *груша* включено в категориальный концепт – *фрукты*. Последние входят в категорию – *плоды*. Они, в свою очередь, объединяются с чле-

нами еще более крупной категории – *природные объекты*. Примечательно, что для плодов в кабардино-черкесском языке есть категориальный концепт *фрукты*: *пхэщхэмышхэ*. Также в этом языке существуют два родовых понятия для пищи: *ерыскъы* и *ихын* – совокупность продуктов питания: все то, что можно съесть, выпить. Они дифференцируются стилистически: первое более формально – официальное, второе – общеупотребительное, нейтральное. Категориальные концепты в языке вырабатываются избирательно. По всей видимости, конкретные сущности легче поддаются обобщению. К примеру – мебель – *унэлящIэ*; животные – *псэуцхэ*; домашние животные – *Iэц, былым*; дикие животные – *хэклэкхуэкIэ*. С абстрактными понятиями признакового характера, каковыми являются имена прилагательные, дело обстоит сложнее. Признак сам по себе не существует, он всегда привязан к своему носителю. Поэтому формирование именной лексемы (родовые понятия все имена существительные) длительный процесс, зависящий от многих обстоятельств. Остановился на некоторых.

Этимологически родовое понятие *вкус* является производным от старославянского префиксального образования *въкусити* – пробовать, кушать [Темиргазина 2013: 116]. В английском языке наблюдается аналогичный процесс. Родовое понятие *taste* восходит к глаголу *to taste* с семантикой ‘пробовать, касаться, трогать руками’. Он, в свою очередь, происходит от старофранцузского *taster* – ‘чувствовать, касаться’ и заимствован английским языком еще в XIII веке [Там же]. Следуя логике развития семантической системы языка, получается, что родовые понятия *вкус, taste* в русском и английском языках являются производными от глаголов ‘*вкусити*’ и ‘*to eat or drink a small quantity of*’ соответственно. Они объединяют группы конкретных разновидностей вкуса, которыми обладают различные продукты. Прослеживается метонимическая связь между действием – ‘пробовать’ что-либо и качественным результатом этого процесса. *Вкус* – это качество. В кабардино-черкесском языке невозможно установить подобные корреляции. Глагольная лексема *цхэн* /есть, принимать пищу не содержит компоненту ‘пробовать

что-либо в малом количестве с целью оценивания’, или различие сладкого, кислого, соленого и горького при растворении веществ в ротовой полости. Значение *попробовать* что-либо передается в языке глаголом – *епльын* и глагольным словосочетанием *Иэфлагъым епльын*. Глагол *епльын* в первом значении передает содержание *посмотреть, взглянуть на кого-что-л.* Третье метафорическое значение толкуется как *посмотреть, проверить готовность чего-л.* [СКЧЯ 1999: 156]: *лыр вам епльын* /посмотреть, сварилось ли мясо. В сочетании *Иэфлагъым епльын/попробовать на вкус* – генерируется значение – ‘попробуй, как вкусно’, или ‘попробуй, достаточно ли сахара’. По мнению информантов, словосочетание не передает значение – определение вида вкуса: горькое, соленое, кислое. Значение производящей основы – *Иэфл*/сладкий превалирует, что ведет к формированию значения насколько сладок продукт, еда. Таким образом, обращение к языковым фактам, а также некоторые особенности гастрономической культуры этноса проливают свет на отсутствие категориального концепта *вкус* в кабардино-черкесском языке.

В обсуждении этого вопроса нельзя сбрасывать со счетов принцип языковой интерференции контактирующих языков. В нашем случае наблюдается выраженное влияние русского языка на кабардинский, что отражается на всех языковых уровнях и постепенно приводит к замещению недостающего категориального концепта русским *вкус*. Носители языка свободно оперируют им в повседневной речи. К примеру, *льым ивкусыр сигурихъыркъым* – мне не нравится вкус мяса. В условиях близко контактирующих языков заполнение лакуны русскоязычной лексемой вполне естественно

В нашей работе для исследования базовых вкусовых концептов используется русский категориальный концепт *вкус* как элемент метаязыка исследования. Вкусовые признаки представлены в ЯКМ кабардино-черкесского языка в полном объеме. Категориальный концепт мало информативен для решения лингвокогнитивных задач нашего исследования, так как он есть результат умозрительных обобщений, а не следствие отражения признаков объектов.

2.3. Когнитивные основания и языковое воплощение перцепции вкуса

В данном параграфе систематизируем когнитивные основания восприятия *вкуса*, исходя из универсальной природы человеческого организма и универсальных механизмов действия вкусовых веществ на вкусовые анализаторы человека. На языковом уровне они проявляются в специфичной семантике языковых единиц, на которую влияют еще и культурологические факторы.

Вещества, попадая в ротовую полость человека, растворяются под воздействием слюны. Это обеспечивает попадание раствора на вкусовые почки языка, неба и гортани, вызывая опрарвленные вкусовые ощущения. *Контактность* является непреложным условием возникновения вкусового ощущения. Скорость появления вкуса и его длительность варьируются и зависят от вида вкуса. Вкусовые ощущения испытывает отдельный субъект, это скрытый процесс: человек и его вкусовые анализаторы. Образно по этому поводу высказалась профессор философии К. Корсмейер. Она отметила, что вкус требует самой «интимной встречи» с объектом восприятия [Korsmeyer, 1999: 3]. Безусловно, вкусовая перцепция носит выраженный *субъективный* характер. Вкусовая перцепция является пассивным ощущением. Это проявляется в том, что человек не может повлиять на ощущения, возникающие при потреблении какого-либо продукта.

По логике вещей испытываемое ощущение должно быть как-то идентифицировано. Оно должно получить языковую оболочку. Ненаблюдаемый характер вкусового ощущения, сложный и диффузный спектр испытываемого вкуса значительно затрудняет его описание. Обычный человек далек от научной интерпретации вкуса в терминах физиологии, химических формул и нейрофизиологических реакций. К примеру, в науке вкусовые ощущения определяются по сочетанию и концентрации пяти химических элементов: водорода, кислорода, углерода, серы и азота. В результате выводится формулы, соответствующие определённым вкусам. Представляется, что человек и не догадывается о таких сложных комбинациях разных веществ, участвующих в появлении вкуса. Обыватель для экспликации ощущения ищет понятные и

доступные способы. На помощь приходит *эталон* – некоторое идеальное представление о каком-либо качестве, фиксированное в сознании людей. Обыденное представление об эталоне не совпадает, конечно, с его терминологическим значением, как некоторой образцовой меры, служащей для максимально точного воспроизведения каких – либо величин.

В случае с вкусовыми прилагательными роль эталона чрезвычайно велика. Обращение к самому яркому носителю вкусового признака делает доступным нашему сознанию то или иное вкусовое ощущение. Происходит как бы «воссоединение» признака и его носителя. Гипотетически восстанавливается онтологический порядок вещей. К примеру, *сладкий* – имеющий приятный, свойственный сахару или мёду, вкус; *горький* – имеющий едкий (обычно неприятный) вкус, свойственный полыни, хине, горчице и т.п. Таким образом, *эталонность* является важнейшей особенностью осмысления, осознания вкусовой перцепции. Она позволяет вербализовать и дифференцировать чувственный опыт. Следует отметить, что *эталон*, улавливая сходство, дает лишь приближенное представление о продукте. Он не может быть его точной характеристикой, поскольку вкусовые ощущения всегда проявляются вкупе с осязательными (температура и фактура вещества) и обонятельными (запах) свойствами продукта. Поэтому *эталон* всего лишь подобие богатой палитры вкусового ощущения. Тем не менее, признаки, воспринимаемые органами чувств, осознаются человеком только в результате их мысленного соотнесения с *эталоном*.

Восприятие вкуса в обязательном порядке сопровождается его *оценкой*. Еда, помимо своей утилитарной функции быть источником энергии и строительным материалом для организма, выполняет еще одну важную функцию. Потребление пищи сопровождается получением удовольствия и наслаждения. Продукты, попадая в ротовую полость, инстинктивно оцениваются в терминах съедобное/несъедобное, вкусное/невкусное, обычное/необычное» и т.д. Это значит, что вкус продукта анализируется, опять-таки неосознанно, сквозь призму гастрономической памяти этноса. Она формировалась веками и существует как скрытый, естественный феномен, встроенный в его когнитивную базу. Трудно представить носителя кавказских пищевых традиций,

наслаждающегося лягушачьим лапкам – французский деликатес, или экзотическими изысками китайской кухни (например, *фуцзянь*, блюдо, состоящее из 18 ингредиентов – акульи плавники, рыбы губы, копыта, грибы, сухожилия и т.д.). Таким образом, оценка складывается из сложившихся в культуре стереотипных представлений о вкусе продукта. Наряду с этим, оценка включает индивидуальные пристрастия и предпочтения. Они могут различаться от субъекта к субъекту, но при этом всегда остаются в пределах пищевых традиций этноса. Обычному человеку трудно выявить и квалифицировать объективные свойства продукта, вызывающего у него удовольствие. Он, как правило, ограничивается общими фразами: *вкусный /невкусный, нравится /не нравится*. Только гурманы и дегустаторы могут профессионально оценить еду, упоминая какие-то ее конкретные признаки в соответствии с протоколом оценки. Он включает сладость, пикантность, кислинку и пряность блюда. Сбалансированность и выразительность вкуса, его текстура, аромат, внешний вид тоже имеют значение. В общем, профессиональная оценка еды – настоящее искусство, требующее хорошей школы. Даже в случае профессионального анализа вкусовых качеств еды, сложно говорить об объективной оценке, так как невозможно проверить ее истинность – нет критериев. Вкусовая перцепция в высшей степени субъективна. Один и тот же продукт представители одной семьи могут оценить как вкусный и невкусный.

Универсальные когнитивные основания восприятия вкуса транспонируются в языковую плоскость, где получают самую разнообразную упаковку. Учитывая общую направленность работы, связанную с признаковой концептуализацией вкуса, остановимся на адъективном способе его вербализации. Соответственно четырем базовым вкусам, объективное существование которых доказано естественнонаучными экспериментами, в языках фиксированы четыре базовых вкуса – *сладкий – sweet – ІэфІ*; *горький – bitter – дыдж*; *кислый – sour – гуацІэ*; *солёный – salty – шыугъэ*. В последнее время обсуждается вопрос о включении еще одного вкуса в общий перечень – *умами* (глутамат натрия), передающий общее значение ‘приятный вкус’. Он квалифицируется как вкус альтернативный всем остальным. Неопределённое значение,

отсутствие эталонного референта, ограниченное распространение термина не допускают безоговорочного его включения в номенклатуру базовых вкусов. Наряду с этими универсальными базовыми ощущениями, номинативное поле вкуса представлено разнообразными адъективами.

Объем и развитие номинативного инструментария перцептивного признака напрямую зависят от степени разработанности чувственного фрагмента действительности (Ср.: зрительный модус и вкусовой). Безуспешно насильно стимулировать развитие какого-то определенного пласта лексики. Язык не примет искусственно навязанные словесные обозначения, если они не имеют реального подкрепления в жизни. Выдающийся отечественный лингвист Ю.Д. Апресян отмечал, что более дифференцированное поведение человека в получении определенного чувственного опыта ведет к увеличению слов для языкового оформления результатов этого опыта, и наоборот [Апресян 1995: 6]. В этом смысле приоритет зрительного модуса бесспорен.

Богатые гастрономические традиции европейских стран обусловили широкий диапазон средств именованья различных оттенков вкусов: *свежий, пресный, пикантный, приторный, насыщенный, пьянящий, своеобразный, тонкий, оригинальный* и т. д. Даже с учетом этой тенденции номинативная представленность категории *вкуса* значительно ниже, чем номинативное поле *зрения* и *слуха*. Следует также учитывать стремление человека всячески разнообразить привычные вкусы. Для этой цели используются различные приправы и специи, необычные сочетания продуктов, привлекаются экзотические продукты в кулинарную практику, меняются способы приготовления еды. Все это является мощным толчком расширения номинативного инвентаря вкусового поля. Создание новой лексической единицы – редкость. Чаще происходит метафорическое переосмысление существующего признака для номинации вкусового ощущения.

Атрибутивная система вкусового обозначения достаточно вариабельна. Прежде чем переходить к систематике вкусовых прилагательных в кабардино-черкесском языке, которая рассматривается сквозь призму русского и

английского языков, целесообразно дать краткую морфологическую характеристику имени прилагательного в исследуемом языке.

Качественные прилагательные в кабардино-черкесском языке, к которым относятся исследуемые адъективы, имеют степени сравнения. Сравнительная степень имеет только сложную форму и образуется при помощи частицы *нэхъ*, стоящей в препозиции: *ІэфІ/сладкий* – *нахъ ІэфІ* (слаще, более сладкий). Сравнение может быть усилено аффиксом *-ж*, которому в русском языке соответствует частица *еще*. Например, *‘нахъ ІэфІж’* – еще слаще.

Превосходная степень у качественных прилагательных может выражаться как в простой форме, так и сложной. Простая форма образуется с помощью разнообразных суффиксов: *-щэ*, *-бзэ*, *-кІей*, *-нс*. Например, *ІэфІ-щэ*, *ІэфІ-бзэ*, *ІэфІ-кІей* и т. д. Все производные слова имеют значение *самый сладкий*, *сладчайший*. Сложная форма превосходной степени формируется с помощью частицы *дыдэ*, наречного слова *икъукІэ* или сочетания частиц *нэхърэ нэхъ... дьдэ*. Например, *ІэфІ дьдэ* – *очень сладкий*; *икъукІэ ІэфІ* – *очень сладкий*.

Качественные прилагательные в функции определения в кабардино-черкесском языке при обычном порядке слов всегда стоят после определяемого слова – имени существительного. При этом падежным окончанием и показателем числа оформляется только качественное прилагательное-определение. Например, *мыІэрысэ ІэфІ-хэ-р* ‘сладкие яблоки’. В обстоятельном падеже качественное прилагательное может стоять и перед определяемым словом. При этом оно не согласуется в падеже с определяемым именем, например: *ІэфІу мыІэрысэр сэ къэсцэхуащ* – букв. ‘сладкие яблоки я купил’ [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://amaltus.com>].

Критическое осмысление наиболее распространённых классификаций лексикализации вкуса [Мерзлякова 2003; Гутова 2005; Лаенко 2005; Рузин 1994] в их приложении к исследуемым языкам позволяет выделить наиболее значимые способы объективации вкуса. Следует отметить, что в работе не ставится цель детальной сравнительной классификации адъективной лексики вкуса. Свою задачу мы видим в том, чтобы обозначить основные стратегии верба-

лизации вкусового восприятия средствами языка. Упор делается на кабардино-черкесский язык – приоритетный в нашем исследовании.

1. В первую очередь, выделяются первичные обозначения: – *сладкий* – *sweet* – *ІэфІ*; *горький* – *bitter* – *дыдж*; *кислый* – *sour* – *гуащІэ*; *соленый* – *salty* – *шыугъэ*. Они представляют базовый уровень категоризации и номинируют норму простого вкуса. Их значения эталонированы. В каждом языке существует своя система эталонов, сформировавшаяся под влиянием определенного экологического окружения условий жизни и быта этноса.

2. Далее выделяются номинации сложного вкуса, состоящие из сочетания двух простых: *кисло-сладкий*; *горько-сладкий*; *sour- sweet*; *bitter-sweet*. В кабардино-черкесском языке подобного рода структуры ограниченное явление. Можно сказать *дыдж-шыугъэ* (горько – солёный). Например, *хуцхъуэ дыдж-шыугъэ* – горько-соленое лекарство. Вкусовое ощущение *кисло – сладкий* в кабардино-черкесском языке имеет два коррелята: *ІэфІ – фІэлу*, *гуащІэІэфІ*.

Обозначение сочетания простых вкусов в одном продукте может быть также выражено описательным способом – распространенным словосочетанием – *ІэфІрэ гуащІрэ зыхаль цхын*. Сложный вкус может сопровождаться осязательными ощущениями – русск. *вяжущий*, англ. *astringent*. В кабардино-черкесском языке нет самостоятельного коррелята. Это значение толкуется через ощущение *кислый/гуащІэ*, который конкретизируется признаком *зэ-зыгъальэ* (то, что вызывает во рту ощущение стягивания) [БРКЧС 2021: 167].

3. Достаточно распространены в русском и английском языках вкусовые обозначения, состоящие из дифференцированного осложненного вкуса: *жгучий*; *pungent*. В данном случае ощущение вкуса осложняется осязательными и болевыми ощущениями. Коррелят кабардино-черкесского языка *сыр/острый* не передает интенсивность, свойственную русскому *жгучий*. Его значение, имеется в виду первое, привычно и нейтрально, не содержит коннотативных оттенков.

4. Номинации вкусовых признаков, возникающих в результате изменения качества продукта. В русском языке *прогорклое* (масло) – ‘приобретший неприятный запах и горький вкус вследствие порчи’ [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://dic.academic.ru>]. В английском языке это содержание передается признаком *rancid* – ‘tasting or smelling unpleasant because of not being fresh’ [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>]. Толкования практически идентичны. В кабардино-черкесском языке нет отдельной номинации для обозначения запаха и неприятного вкуса продукта, который подвергнулся окислению. Обращение к словарям, а также консультации с информантами показывают, что данное вкусовое ощущение передается признаком – *дыдж* /горький. Указанием на возникновение данного вкуса в результате внешнего или временного воздействия является уточнение *хъуа – ставший* (горьким). Более естественным являются описательные оборот: *Ией хъун* (испортиться); *мэ щыун* (запахнуть, протухнуть, испортиться). ‘Мясо быстро портиться’ – *лым псынци* /эу мэ цоу. Возможен также глагольный перифраз: *зэыхъэн, зэклукъын* (портиться): *шэр хуабэм зрегъэклукъI* (молоко в тепле портится). В кабардино-черкесском языке признак ‘испорченный’ применительно к яйцам (Ср. русск. *тухлый*; англ. *rotten*) передается адъективом ‘*шкълумпI/тухлый* который проявляет единичную сочетаемость только с этим продуктом.

5. Следующая группа номинативных средств, используемых для лексикализации вкуса, может быть представлена как обозначение вкусов, отклоняющихся от нормы. При этом отклонение может быть как в сторону увеличения вкусового ощущения, так и в сторону его уменьшения. В русском и английском языках ослабленная интенсивность передается суффиксальным способом: *солонватый, горьковатый, кисловатый; saltish, bitterish, sourish*. По нашим наблюдениям в кабардино-черкесском языке вкусовых обозначений с таким оттенком значения нет. Можно использовать описательный оборот, где признак заменяется именной лексемой – соль/*шыугъ*: *шыугъыр хурикъуркъым*. Правда, сочетание приобретает значение ‘в продукте не хватает соли’, т.е. во время приготовления не положили нужное количество соли, что не соответствует русскому – ‘солонватый’, т.е. с солёным привкусом, несколько соленый. Лексема передает значение: изначальное содержание соли в продукте. Противоположное значение – высокая интенсивность вкуса –

приторный, *mawkish* в кабардино-черкесском передается посредством суффиксального словообразования *ІэфІыщэ*, *ІэфІыІуэ* или адъективом с усиленным наречием *егъэлеяуэ* – очень: *егъэлеяуэ ІэфІ-* очень сладкий. Русский *приторный*, как и английский *mawkish*, включают в семантику компонент отрицательной оценки, т. к. превышен порог сладости, воспринимаемый вкусовыми анализаторами как приятный. Кабардинские корреляты не содержат элемент отрицательной оценки такой же степени выраженности. По-видимому, сказывается положительная оценка, которой изначально отмечен вкус *сладкий*. Суффиксы и усилительные частицы не могут нивелировать её. Лексемы русского и английского языков, самостоятельно концептуализирующие чрезмерную сладость продукта, дистанцировались от вкуса *сладкий* (ср.: *очень сладкий* и *приторный*), что способствует усилению отрицательной коннотации, включенной в семантику адъектива *приторный*. Для наглядности приведем примеры из русского языка: ‘Этот торт очень сладкий’ vs. ‘Торт приторный, его невозможно есть’. Выраженная стилистическая маркированность второго предложения очевидна.

6. Следующая группа номинативных единиц объединяет признаки, не имеющие эталона, но передающие значение общей аксиологической оценки: а) положительной: *аппетитный*, *вкусный*, *приятный*, *изысканный*; *toothsome*, *tasty*; б) негативной: *невкусный*; *безвкусный*, *unsavoury*, *insipid*. В кабардино-черкесском языке подобные значения передаются описательно, так как в языке нет лексемы *аппетит* и ее производных. Например, словосочетание: *уи шхэн къэзыгъакІуэ* – то, от чего тебе хочется есть. Например, *уи шхэн къэзыгъакІуэ дэлэн* – аппетитные пироги. Другое сочетание кабардино-черкесского языка *уи гурыІупсыр къэзыгъажэ щхын (мэ)* – еда, запах, от которого слюнки текут, передает большую степень аппетитности еды.

7. Достаточно большую группу вкусового обозначения образуют сочетания, построенные по модели «родительного качества» [Виноградов, 1986]: *вкус яблока*, *кофе*, *винограда*. Они признаются более естественными, чем атрибутивная группа, передающая это же значение: *яблочный вкус*, *ви-*

ноградный вкус, кофейный вкус. Аналогичные примеры в английском языке: *apple taste, grapes taste, coffee taste.* Их специфика заключается в том, что внутренняя форма атрибута уже включает готовый эталон вкуса: яблоко (*apple*), например. Он индивидуален и актуален для ситуации, в которой используется. Стереотипный эталон, символизирующий тот или иной *вкус*, вынесен за пределы языкового знака: ср.: *кислый* – *вкус лимона*; *сладкий* – *вкус меда*. Он закреплён в когнитивной базе носителей языка и является опорным фоном для концептуализации вкусовых качеств еды и веществ. В кабардино-черкесском языке нет аналогичных структур. В лучшем случае возможен описательный оборот: *лимоным IэфIагъкIэ ещхьщ* – по вкусу похож на лимон. Хотя в сочетании, по мнению информантов, есть некоторая искусственность. Она создается значением признака *IэфI* (сладкий), который вступает в противоречие с кислым вкусом лимона.

Краткий обзор возможных способов объективации перцепции вкуса в исследуемых языках отражает онтологическую сущность: *признак* и его *носитель*. Расхождения структурного оформления вполне естественны и мотивированы типологическим строем языков. Для нашей работы более значимы качественные различия лексикализации вкусового ощущения: слабо выраженная представленность дифференцированного осложненного вкуса (ср.: *вяжущий, прогорклый*), интенсивности вкуса (ср.: *солонватый, saltish*), а также атрибутов с включенным в семантику эталоном (*яблочный вкус, orange taste*). Недостаточная номинативная разработанность некоторых фрагментов вкусового поля в кабардино-черкесском языке свидетельствует об отсутствии потребности дифференциации различных видов вкуса. К тому же отсутствие в языке однословного именованного всегда можно компенсировать более сложными структурными образованиями – словосочетанием или предложением. Порождение языкового оформления вкусового ощущения является своеобразным «заказом» гастрономической культуры общества.

Картина изучения вкусовой перцепции не будет полной без обращения к ее культурологическим характеристикам.

2.4. Культурологические аспекты вкусовой перцепции

Источником вкусовых ощущений человека является пища. Еда призвана обеспечить жизнедеятельность человека, поставляя ему энергию, различные минералы, соли, витамины. Наряду с этим, еда является источником наслаждения и удовольствия. Насыщение всегда связано с удовольствием – так предопределено природой человека. Привычное быстро надоедает, поэтому человек стремится попробовать новые и новые вкусы, прибегая к различного рода ухищрениям. И все для того, чтобы испытать новые удовольствия. Желание получить большее удовольствие от пищи привело к дифференциации *приятной* и *неприятной* еды с последующей их детализацией. С целью улучшения вкусовых ощущений человек научился всячески разнообразить вкус и получать новые ощущения. Все это находит отражение в языке. Процесс языковой детализации вкусов, привкусов, оттенков вкуса и т.д. все еще продолжается и будет продолжаться. Диапазон вкусовых ощущений поистине неисчерпаем.

В повседневной жизни вкус неотделим от запаха. По запаху можно судить о качестве еды, даже не видя ее. В английском языке есть лексема *flavor*, которая передает вкусовые и обонятельные ощущения в комплексе. Значение синонима *taste* ограничивается лишь физиологической дифференциацией сладкого, соленого, горького и кислого вкусовыми почками ротовой полости: Ср.: ‘The sense that distinguishes the sweet, sour, salty, and bitter qualities of dissolved substances in contact with the taste buds on the tongue’ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com>]. В словарном толковании *flavor* отражается специфика его значения. Обозначено, что это непосредственно вкус пищи – ‘taste perceived in food or liquid in the mouth’. Выделено значение: ‘the blend of taste and smell sensations evoked by a substance in the mouth’. Например, the *flavor* of apples – вкус яблок. Генерируется значение: ‘сочетание вкуса и запах яблок’ [Там же]. Подобная языковая дифференциация *вкуса* и *вкуса*, с включенным значением ‘запах’, не наблюдается ни в русском, ни в кабардино-черкесском языках.

Неразрывная связь *вкуса* с пищей, необходимой для обеспечения жизнедеятельности человека, обусловила приоритетный интерес гастрономии в исследовании вкуса. Представители гуманитарных наук длительное время не уделяли должного внимания этому перцептивному каналу. Считалось, что ощущение вкуса настолько субъективно и мимолетно, что невозможно провести объективные обобщения. К тому же вкус, сопровождающий удовлетворение первобытного инстинкта – голода, рассматривался как аффективное, непередаваемое, абсолютно индивидуальное ощущение [Hoffmann 2016: 14].

Вкус, как способность дифференциации приятных/неприятных ощущений, послужил основанием для смыслового расширения – ‘чувство, понимание изящного, красивого’ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>]. В английском языке: *taste* – ‘the ability to recognize and appreciate what is beautiful, excellent, or appropriate: *has good taste in clothes*’ [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com>]. Высказывается несколько причин такого метафорического переноса. В первую очередь, ощущение *вкуса* важный источник удовольствия и наслаждения. Во-вторых, спонтанность *вкуса*, невозможность человека повлиять на испытываемое ощущение, обеспечивает в некоторой степени чистоту восприятия, свободной от внешнего воздействия. Такая специфика противопоставляет *вкус* рациональной оценке чего-либо, что дает основание считать *вкус* наиболее подходящим средством именованя эстетической оценки предмета явления [Vercelloni 2016: 11]. Суждения о прекрасном стали включать в сферу восприятия человека, постепенно отодвигая в сторону рациональную компоненту в оценке изящного и красивого. В кабардино-черкесском языке нет коррелята такому смысловому развитию *вкуса*. Его и не может быть, поскольку нет сложившегося в языке категориального понятия *вкус*. Для обозначения чего-то, что отмечено высоким качеством и заслуживает высокой оценки, в кабардино-черкесском языке используется лексема *дахэ* – красивый, хороший и его производное – *дахагъэ* – красота. К примеру, одеваться со вкусом – *дахэу*

зыхуэпэн. Смысл высокой эстетической оценки передает адъектив *дэгъуэ* – привлекательный (о внешности): *пцщэу цылэм я нэхь дэгъуэ* – самая красивая из всех девушек. Другой компонент значения: добротный, хороший: *унэ дэгъуэ* – добротный дом; *бэльто дэгъуэ* – качественное, добротное пальто; *шы пцлэгъуэплъ дэгъуэ* – великолепный гнедой (конь). Небольшая оговорка в словарной статье [РКЧС 2021: 112] после перечисления адъективов – *абыхэм хэщлыкын* – разобраться в этом, генерирует значение – *иметь вкус*. Использование в кабардино-черкесском языке адъективов с общим значением *красивый* для концептуализации *вкуса* вполне закономерно, т.к. *вкус* в метафорическом значении призван оценивать красивое, изящное и прекрасное.

Помимо прилагательных в концептуализации динамических свойств *вкуса* в кабардино-черкесском языке используются глагольные лексемы. Например, войти во вкус – *дихъэхын, есэжын* (увлечься, привыкнуть); вкусить счастье – *насытыр зыхэщлэн* (почувствовать счастье); иметь тонкий вкус – *флыдыдэу хэщлыкын* (очень хорошо разбираться, понимать что-либо). Приведенные межъязыковые корреляции свидетельствуют о соответствии смыслов, выраженных разными языковыми средствами. Конечно, существуют некоторые стилистические различия, но они закономерны. Итак, *вкус* и *taste* в ходе исторического развития сформировали разветвленную сеть вторичных смыслов, что отражает потребности соответствующих языковых сообществ.

Переосмысление *вкуса* и ее перевод из разряда низменных ощущений в полноценный вид человеческой перцепции произошло на рубеже XX–XXI вв. Этот период времени отмечен всплеском интереса к ощущениям человека, его способности переводить все многообразие воспринятого в различные форматы знания и облекать их в языковую оболочку. Человеческая телесность, ее роль в познании, пересечение разных дисциплинарных областей, накопление большого эмпиричного материала способствовали созданию благоприятного научного климата для изучения сферы человеческой чувственности [Нагорная, 2023: 80]. Существенную роль в изменении отношения к

вкусу сыграла переоценка ценностей, имевшая место в начале XXI столетия. В настоящее время всячески пропагандируется стремление к различного рода впечатлениям и удовольствиям, к тому, что дает перезагрузку человеческому телу и эмоциям, к тому, что выводит человека из привычной каждодневной рутины жизни и дает новый заряд энергии. В этом контексте *вкус* приобретает огромное значение как источник новых ощущений. Их можно испытать здесь и сейчас, попробовав новое блюдо, экзотический фрукт, коктейль. Реалии жизни, культивирующие интерес к вкусовым ощущениям, способствуют росту научного интереса гуманитарных наук к перцепции вкуса.

На современном этапе исследования *вкуса* выделяются несколько измерений, имеющих значимый интерес для гуманитарных дисциплин [Wistoft 2020: 232]. Остановимся на некоторых из них. В связи с активной пропагандой здорового образа жизни *вкус* стал рассматриваться как *проблема здоровья*. На второй план отодвигаются признаки *вкусной* еды, ее место занимает еда полезная. Рекламируется белковая пища, минимум углеводов и жиров. Устанавливается оптимальное соотношение питательных веществ, которое должно соблюдаться человеком, стремящимся быть здоровым. Человеку приходится следить за качеством еды с технической стороны, а не с точки зрения удовольствия и наслаждения, которые еда призвана доставлять человеку. Вкусовой лексикон обывателя все чаще включает такие понятия, как *здоровая (healthy), без углеводов, без сахара (carb-free, sugar free), вредная (sick, junk food)*. В кабардино-черкесском языке полезная и здоровая пища воплощена в словосочетаниях: *узыншагъэмкIэ сэбэп шхын* – букв. еда, приносящая пользу здоровью; *шыгъу зыхэмыль шхын* – еда, не содержащая соли; *фошыгъу зыхэмыль шхын* – еда, не содержащая сахар.

Вкус стали рассматривать в современном мире как *нравственное явление*. Доступное человеку продовольственное меню стали оценивать с точки зрения морально приемлемого вкуса, и наоборот, осуждаемого моралью. Понятие морально приемлемой еды – инновация последних лет, она отражает основ-

ные тенденции современной экологической политики [Нагорная 2023: 83]. Понятно, во всяком случае, европейцу, что аморально потреблять в пищу мясо собак, кошек, обезьян, хомячков и прочей живности, что вполне естественно для ряда стран. Привычным пунктом в рационе некоторых стран является протухшая ферментированная рыба, или сырой жир, простое упоминание которых вызывает немедленное отторжение у европейцев. Подобного рода пищевые привычки являются культурной составляющей некоторых стран. Под влиянием современных тенденций они стали пересматриваться, и жители этих стран стали отказываться от веками существовавших привычек. Морально неприемлемый вкус в русле современных культурологических исследований затрагивает и традиционные мясные продукты. Так, ставится вопрос о приемлемости потребления говядины вообще. Её производство считается дорогостоящим и экологически недружелюбным. В этом же контексте пропагандируется идея сезонности и локальности употребления овощей и фруктов. Считается не рациональным и бесполезным с точки зрения вкуса круглогодичное выращивание овощей и фруктов. Вредным признается потребление овощей, произрастающих в других странах и континентах. Нарушение этих условий существенно влияет на вкусовые свойства потребляемой еды.

В настоящее время *вкус* стали рассматривать как *религиозный феномен*. Этому способствуют разного рода религиозные ритуалы и праздники. Они сопровождаются особой трапезой, включающей специальное меню, что вызывает определённые вкусовые ассоциации. Например, вечерняя еда мусульман во время священного праздника Рамадан. Разговение рекомендуют начинать с воды и фиников. Далее следует нежирная сбалансированная пища: супы, отварное мясо, овощи и фрукты. Вода в неограниченном количестве. Желудок следует заполнять только на треть. Поэтому рекомендуется накрывать скромные столы, избегать изобилия, так как это месяц духовного очищения, а не праздник плоти. Многочасовое голодание позволяет человеку по-новому ощутить вкус еды и по достоинству оценить свои ощущения.

Интересным является понимание вкуса как тренда. Достаточно вспомнить моду на средиземноморскую пищу. Она привела к изменению рациона жителей северных стран Европы, к развитию новых модных вкусов (*trendy tastes*). На этом фоне появились понятия ‘устаревший’, ‘старомодный’ (*old-fashioned*) вкус. Модной стала и безглютеновая диета (потребление злаков, не содержащих клейковины). Хотя только 1 % населения Земли страдает от непереносимости глютена.

Следующее измерение вкуса связывается с его аутентичностью, с определённой гастрономической, вкусовой традицией [Нагорная 2023: 84]. Вкус можно рассматривать как типичный и характерный для определённого региона. Он узнаваем в привязке именно к этому региону: ‘это выглядит очень по-кабардински!’. Так скажут о *гедлибже* – курице, приготовленной в сметанном соусе по особому рецепту, – где-то далеко от кавказского региона нашей страны. Приятные вкусовые качества способствовали популярности этого блюда и его узнаваемости. Или русский традиционный борщ, известный далеко за пределами России. Суп, внешне похожий на борщ по наваристости, составу овощей, густоте и главное по цвету – красный, вызовет естественную реакцию – ‘это так по-русски!’ Не говоря уже о таких традиционных русских блюдах, как блины, голубцы, окрошка, винегрет и др.

Следует оговорить, что приведенные измерения тесно связаны между собой. Они воплощают в себе физиологические, психологические и социальные аспекты вкуса в комплексе и релевантны при анализе определённых видов вкуса. [Wistoft 2020: 232]. Богатая палитра вкусов не может быть помещена в жесткую классифицирующую систему, если даже она охватывает широкий диапазон самых разнообразных факторов. Невозможно подвергнуть рациональной обработке широчайший спектр вкусовых впечатлений, детерминируемый физиологией субъекта, его психикой и обществом.

Далее перейдем к анализу пищевых традиций кабардинского этноса, без которого исследование вкусового фрагмента ЯКМ кабардино-черкесского языка будет неполноценным.

2.5. Пищевые традиции кабардинского этноса

Еда для человека это не просто утоление голода и получение удовольствия, но и важная культурная составляющая. Она проявляется в том, какими продуктами распоряжается этнос в удовлетворении своих пищевых потребностей, а также в ее символической компоненте. Каждый этнос рождается и развивается в определенном географическом ареале, со свойственным ему природными характеристиками. Они определяют земледельческий или кочевой образ жизни этноса и, конечно, гастрономические привычки и особенности национальной кухни [Новоженков 1993]. Не вдаваясь в сложные перипетии исторического развития этноса, отметим, что кабардинцы одни из малочисленных народов России, имеющих длительную и сложную историю, полную драматических поворотов и перипетий. В настоящее время они населяют горные и предгорные участки северных склонов Большого Кавказского хребта. Благоприятная природа и климат способствовали успешному развитию земледелия и скотоводства в этом регионе. Такой общий тренд жизнедеятельности во многом определил пищевые традиции кабардинцев. Помимо географических и климатических факторов на формирование гастрономических традиций существенное влияние оказали религиозные и социально-экономические особенности развития этноса. Мы отдаем отчет, что традиционная кухня кабардинцев претерпела изменения под влиянием контактирующих культур, а также общих глобалистических и гастрономических дрейфов. Гамбургеры, пицца, хот-доги, роллы, суши, кола, мохито, кап-кейки, капучино, латте, кола, спрайт и пр. стали привычной едой в многочисленных буфетах, кафе и ресторанах по всему миру. Они вполне доступны и жителям КБР и популярны в основном среди молодежи. Вместе с тем, исторически сложившиеся пищевые традиции кабардинцев в своем большинстве сохранились [Похлебкин 2009; Таов 2011; Цикуниб 2014] и сейчас переживают своеобразный «ренессанс» на фоне вредоносной уличной еды на скорую руку.

Последняя предназначена для утоления элементарного голода и получения очередной порции энергии. Человек в этой ситуации напоминает машину, заправляющуюся топливом. Здесь нет удовольствия ни от еды, ни тем более, от коллективной трапезы. К сожалению, таковы требования современного времени – усмирить голод и продолжать путь по выполнению рабочих, учебных и иных обязанностей. Главное успеть: *time is money* – время деньги.

Традиционную кабардинскую кухню можно описать двумя словами – простота и естественность [Кубатиев 2008]. Основу питания кабардинцев составляют продукты животного и растительного происхождения. В их меню баранина, говядина, мясо птицы: курица и индейка. Мясо употребляют в варенном, жареном и вяленом виде. Последнее было продиктовано необходимостью обеспечить едой мужчин во время дальних походов – вяленое мясо пригодно к длительному хранению. Еще одна причина прибегать к вялению мяса заключалась также в том, что необходимо было сделать запасы на зиму. Вяленое мясо готовят традиционным, естественным способом. Сначала крупные куски мяса разделяют пластинами (*унIэн – делать плоским, уплотщать*), обильно солят, дают хорошо пропитаться и высушивают в тени при определённой температуре до полного исчезновения влаги. При соблюдении правильной технологии мясо приобретает необыкновенный вкус и аромат. Ускоренное, искусственное вяление с помощью ароматизаторов и газовой горелки возможно, но оно не популярно – эффект совсем другой. Разделанное мясо высушивали в дымоходе домашнего очага, или на костре, прославляя крапивой для аромата и большей его сохранности.

Супы в кабардинской кухне – это в основном мясные бульоны из говядины и баранины с минимальным количеством ингредиентов. К примеру, *ляпс* (букв. *бульон*) – крутой бульон содержит, помимо мяса, только лук и приправы. Наваристые бульоны с цельными кусками мяса очень популярны. Считается, что они питательны, способствуют увеличению жизненной энергии человека. *Ляпс* – обязательный элемент праздничной трапезы. Он завершает мужское застолье. Отварное мясо, как правило, подают с чесночным

соусом – *бжынухшыпс* – соус на основе кисломолочного продукта *шху* и чеснока. С этим же соусом подают отварную индейку – праздничное блюдо, которое готовят по поводу особых торжеств. К отварной и разделанной индейке также подают *щипс* – соус, приготовленный из бульона, где варилась индейка, пшеничной муки и чеснока.

Относительно более сложное мясное блюдо *лицуклибже* – нарезанные кусочки мяса в собственном соку, неосложненное другими ингредиентами. Его поздней модификацией является сливочный соус. Аналогичное очень популярное блюдо из курицы – *джэдлибжэ*. Птицу тушат с луком, пшеничной мукой, добавляют сметанный соус и красный перец. Эти блюда подаются с *пастой* (пастэ) – крутой пшенной кашей – очень популярной у кабардинцев. Многие предпочитают ее хлебу. Она и заменяет хлеб, поскольку русскому *хлеб*, *соль* в кабардинском языке соответствует *щыгъу*, *пастэ*. *Пастэ* – энергозатратное блюдо, его приготовление (около 40 мин.) предполагает постоянное помешивание до полного выпаривания жидкости и мягкого поджаривания пшенной смеси. Важно не допустить образования комочков и подгорания. Традиционными являются блюда из субпродуктов. К примеру, *тхэмцлыгъуныбэ* – домашняя колбаса. Она, наверное, наиболее трудоёмкое блюдо для домашнего приготовления. Основными ингредиентами колбасы являются баранье сало, рубленая печень, смешанные с луком, чесноком и приправами. Полученным фаршем начиняют кишки барана, быка и отваривают на медленном огне. Колбаса имеет острый пикантный вкус, ее принято подавать с пастой и чесночным соусом – *бжынухшыпс*. Блюдо считается деликатесом, готовят по поводу особых торжеств, в дни жертвоприношений. Кабардинская кухня отмечена использованием доступных в регионе приправ, ими обильно сдабривали мясные блюда и соусы (*щыпсы*) [Таов 2014]. Особой популярностью у кабардинцев пользуется чабрец (*джэдгын*). До сих пор сохранилась специальная технология его приготовления.

Кабардинская выпечка отличается простотой приготовления. Это хлеб на опаре, лепешки, *дэлэны* (пироги) с творожным сыром и/или картофельной

начинкой, жаренные в масле *лакумы*, *хворост* (*джэдыкьэрыцц* – сдобные лакумы). Все они популярны, в каждом доме их умеют готовить. Ими восторгаются гости и туристы республики. Особой любовью пользуются чуреки из кукурузной муки, жареные на сковороде – *мэжаджэ*.

Из напитков кабардинской кухни следует упомянуть самый популярный напиток *цху* – кисломолочный продукт, который готовится из теплого молока и специальной закваски. Отличается кислым, бодрящим вкусом, хорошо утоляет жажду. *Цху* – основа почти всех холодных соусов и является прекрасным дополнением ко всем мясным блюдам и некоторым мучным. Кабардинцы в прошлом не употребляли цельное молоко в чистом виде, его пили лишь с калмыцким чаем или с чуреками [Цикуниб 2014]. Говоря о напитках, следует упомянуть *махьсымэ* (буза, брага) – национальный слабоалкогольный напиток (крепость 6–8 градусов), который в настоящее время не столь популярен, как раньше, только из-за сложной технологии изготовления. Она включает приготовление кукурузных лепешек, их обжарку с последующим разминаем и смешением с пшеничной мукой. Смесь заливается охлажденной кипяченой водой, медом и варится на медленном огне до получения консистенции густой каши. На следующем этапе смесь подготавливается для брожения – разбавляется водой и дрожжами. По истечении некоторого времени (2-е суток) на огне раскаляется черкесская шпажка и ею перемешивается полученная масса несколько раз, что придаёт *махьсымэ* дополнительный особый аромат, вкус и цвет. Затем в смесь добавляют охлаждённую кипячёную воду, сахар или мед и разливают в стеклянные бутылки. Храниться может длительное время. Пожалуй, это самый трудоемкий продукт национальной кухни.

Ассортимент овощей был ограничен. Большой популярностью пользовались и пользуются блюда из фасоли. К примеру, фасолевый суп, практически без ингредиентов, и второе блюдо – *джэрицлибже* – отварная толченая фасоль, перемешанная с жареным луком, травами и сметаной.

Из десертов следует упомянуть *хьэлыуэ* – прожаренная с сахаром и сливочным маслом пшеничная мука, остуженная и нарезанная на порцион-

ные кусочки и *зэкерис* – жгутики из теста, обжаренные в масле и скрепленные обожжённым сахаром с медом. Визитной карточкой национальной кухни кабардинцев является копченый сыр – *кхъуей плъыжь*. Его вкусовые качества известны далеко за пределами республики и России. Сложная рецептура копчения сейчас уже упрощена до минимума, но, тем не менее, вкус все еще остается пикантным. Высокую оценку получили и рассольные сыры – *кхъуейцIынэ*, благодаря своим питательным и вкусовым качествам.

Здесь представлен краткий обзор ключевых блюд национальной кухни кабардинцев. Показано, что структура их каждодневного питания не содержит сложных блюд, состоящих из большого количества ингредиентов, обильно сдобренных приправами. Она также не отмечена широким разнообразием, характерным для европейской или русской кухни. Мясные блюда, мучные и кисломолочные продукты составляют основу гастрономической культуры кабардинцев. Они просты в приготовлении, не требуют специальной кулинарной подготовки. Их приготовление вполне доступно в домашних условиях. В целом, кабардинская кулинария калорийна и питательна.

Гастрономические привычки кабардинцев будут не полными без обсуждения их отношения к еде. В кабардинской культуре не было культа еды. Умеренность в еде была залогом здоровья и красоты. Пословица *Лы и къузгъурэ вы и гъурырэ* – из мужей худощавый, из волов поджарый [Гутова 2016: 55] в полной мере передает отношение этноса к еде. Прожорливость, жадное поедание пищи, чрезмерный аппетит считались серьёзным недостатком воспитания. Проявлять чрезмерный интерес к еде, особенно в гостях, было не прилично. Разборчивость в еде, отклонение предложенной пищи, просьба заменить ее другой было верхом неприличия. Приступать к еде можно было только после третьей просьбы хозяев. Ни в коем случае нельзя было съесть все содержимое тарелки. Не рекомендовалось предложенную еду делать предметом обсуждения за столом. Все, что было допустимо, – это слова благодарности в адрес хозяйки, готовившей угощение: *«дызгъэтхъагъэр тхъэм егъатхъэ»* – «пусть Всевышний одарит благами того, кто так вкусно накормил нас». Сдержан-

ность – национальная черта этноса – проявляется и в отношении еды: нет разносолов, кулинарных изысков, сложных гарниров, многочасового чревоугодия. Нет и комплементарной оценки еды с обозначением ее вкусовых качеств, подачи, сервировки. Такое сдержанно-аскетическое отношение к еде не могло не отразиться в кабардино-черкесском языке – сравнительно ограниченная лексика вкусового обозначения и ее оценки. Не было объективных стимулов для развития аксиологической и аналитической оценки еды.

Сдержанность в отношении еды компенсировалась, когда речь шла о гостях. Тут хозяин делал все возможное, чтобы вкусно и разнообразно накормить гостя. Как правило, на стол подавалось сама лучшее, что было в доме. Прослыть жадным и негостеприимным было позором для адыгов. Не имеющий большого достатка человек готов был оставить себя и семью без еды, лишь бы накрыть приличный стол для гостя. Гость, в свою очередь, должен был проявить уважение и попробовать и похвалить предложенные ему блюда. Человек, отведавший в гостях еду, считался близким и мог всегда рассчитывать на помощь и содействие [Мамбетов 2011]. В мельчайших деталях расписаны этикетные нормы обычного и торжественного застолья, возрастные и гендерные регулятивы, праздничное и обыденное меню. Все это нашло отражение в уникальном морально-этическом кодексе «адыгэ хабзэ» и «адыгагъэ» – своеобразный свод правил, согласно которому адыги организуют свою жизнь [см.: Бгажноков 1978]. Обращение к кабардино-черкесскому языку, особенно к образным его средствам, позволяет найти подтверждение об отношении адыгов к гостю, еде. К примеру, гость в доме это всегда к добру: *ХьэщIэм насып къыдокIуэ* (с гостем приходит счастье). Поэтому адыги и любят гостей – *Адыгэм хьэщIэ и щIасэщ;* хозяин всегда рад гостям – *хьэщIэ къакIуэмэ хэгъэрейр мэгуфIэ;* хозяин всегда слуга гостя – *бысымыр хьэщIэм и IуэхутхъэбзащIэщ;* через три дня гость становится как родное дитя – *ХьэщIэр жэщIищ исмэ быным ящIищ мэхъу.*

Важность оказать необходимые почести гостю иллюстрируют следующие пословицы: *Адыгэм я нэхъ мыгъуэри бысымищ* (У адыгов и самый бедный

принимает гостей); *Адыгэр мыгъуэм и шыгъунIастэ уигъэшхыныц* (И самый бедный адыг угостит хлебом-солью); *пфIэмащIэр хъэщIэ Iусщ* (Что припрячешь для себя, то станет пищей для гостя). Хорошее настроение, благожелательность важнее еды: *Уи шхын нэхърэ уи нэщхъ* (Чем твоя пища, лучше твой взгляд).

Высокий статус гостя, подтверждается тем, что с вместе ним приходит и благополучие: *ХъэщIэм и ерыскъыр къыдоклуэ* (С гостем приходит пища); *Еблагъэ зи бэм и бын мэжалIэркъым* (У кого много гостей, у того дети голодными не бывают).

Застолье, по мнению адыгов, приобретает ценность благодаря магической силе здравиц, обязательных за столом: *Iэнэм и пэри и кIэри хъуэхъуиц* (Начало и конец стола – тосты) [см.: Кремшокалова 2015]. Большое значение, которое адыги придавали размеренной совместной трапезе, воплощено в поговорке: *Iэнэр щытыху гъащIэм хабжэркъым* (Пока стоит стол, жизнь не идет). Застольные здравицы в обязательном порядке обращены к Аллаху (если Аллаху буден угодно; по милости Всевышнего, как предопределено Аллахом и пр.). После обращения к Аллаху выделяется объект, в честь которого говорящий произносит речь, затем следует перечисление благ и просьба исполнить все высказанные пожелания [Бгажноков 2010: 12]. Считается, что во время обращения к Аллаху, человеческая жизнь останавливается, время, проведенное за столом, добавляется к его жизни [Актуальные проблемы... 2018: 20]. Примечательно, что у кабардинцев в практике гостевания не учитывается возрастная разница: *ХъэщIэ щIалэ щыIэкъым* (Гость молодым не бывает).

В кабардинской культуре проявляется ценность пищи и совместная трапеза за столом как показатель материального благополучия и комфортной атмосферы в доме: *Iэнэм шхын темылъмэ, пхъэбгъужьщ* (стол без еды – деревяшка). При этом не приветствуется чрезмерная разборчивость в еде: *Ныбэ Iей щыIэ мыхъумэ, шхынIей щыIэкъым* (не бывает плохой еды, бывает плохой живот). С этой поговоркой созвучна другая: *Шхын нэхърэ ишалъэ*. Смысл сравнения: лучше побережь желудок и не переесть. Умеренность в еде – один важных постулатов гастрономической культуры адыгов.

Пища ресурс, который требует больших физических затрат: *улажьэмэ, лыжь пихынци, умылажьамэ, лажьэ бгъуэтынци* (будешь работать – будешь мясо вяленое есть, не будешь работать – загнешься).

Краткая характеристика ключевых блюд кабардинской кухни показывает ее самобытность и глубоко национальный характер. Она в полной мере отражает образ жизни этноса, сложившийся под влиянием экологического окружения и климатических условий его проживания. Минимализм гастрономического меню связан с основным укладом жизни этноса. Социальные факторы – религия, исторические события также повлияли на формирование вкусовых предпочтений народа. Богатая репрезентация в образном фонде кабардино-черкесского языка концепта *пища* свидетельствует о ее особом статусе в культуре, в первую очередь, как средства социализации. Она проявляется в детально прописанной практике застолья и гостеприимства.

В следующих параграфах диссертации представлен лингвокогнитивный анализ базисных прилагательных вкуса. Он предваряется краткой этимологической информацией. За ней следует детальный анализ практического материала, на основе которого обосновываются механизмы семантического варьирования прилагательных вкуса, устанавливается диапазон распространения адъективов за пределами «вкусового» домена.

2.6. Базисный признак *ІэфІ* – *сладкий*

Количество фрагментов текстовых употреблений признака *ІэфІ* (сладкий), попавших в нашу выборку, составляет 386 примеров.

В этимологическом словаре А.К. Шагилова [Шагилов 1977б: 158] представлено следующее толкование адъектива *ІэфІ*. Автор, ссылаясь на Дюмезиля считает, что слово состоит из двух мотивированных морфем. Первая *Іэ* означает *рука*, вторая – *фІы* восходит к признаку *фІы* – ‘хороший’. Суммируя значения составляющих, получаем *хорошая рука*. А.К. Шагилов приводит аналогичные параллели из кабардино-черкесского языка: *ІэкІуэ* – (букв. к руке идущий) – *хо-*

роший; *гуаклуэ* – ‘приятный’, ‘привлекательный’ (букв. к сердцу идущий), что дает ему основания считать подобную трактовку корректной.

Вкусовые ощущения возникают при контакте определенных продуктов (объектов) с ротовой полостью человека. Вкусовые признаки не являются градуальными модификаторами одного параметра, так как отражают широкий спектр разнообразных вкусовых ощущений. Можно дифференцировать сладкий чай, допустим, и не сладкий, т.е. где есть сахар, и где его нет. Степень сладости чая с добавленным сахаром носит субъективный характер и зависит от вкусовых предпочтений человека. Предполагается, что наибольшей чувствительностью к сладкому обладает кончик языка [Альтнер 1984]. *Сладкий* отмечен самым высоким порогом чувствительности – 1–2 % раствора глюкозы по сравнению с другими вкусовыми ощущениями [Крихели 2011: 17].

Лингвисты отмечают доминирующие позиции признака ‘сладкий’ в категории вкусовых признаков [Мерзлякова 2003]. Семантическая структура прилагательного *ІэфІ* / сладкий в кабардино-черкесском языке представлена тремя ЛСВ [СКЧЯ 1999: 834]. Анализ семантического варьирования признака *ІэфІ* проводится согласно порядку его лексикографической репрезентации.

Первые два ЛСВ адъектива формируют перцептивный уровень *ІэфІ* (сладкий), третье – не перцептивный.

1. В толковании основного перцептивного значения *ІэфІ* сладкий не представлен эталон, как это прослеживается в словарях английского и русского языков: *sweet* – food and drink contains a lot of sugar; – *сладкий* – имеющий приятный вкус, свойственный сахару, меду и т. п. В толковом словаре кабардино-черкесского языка основное значение представлено переводным словом – *сладкий*, за которым следует антонимическая интерпретация – *дыджу щымыт* (то, что не горькое) и достаточно расплывчатое – *хуабжью гурыхь* (очень приятное). Эталонами, объективирующим вкус сладкого в кабардино-черкесском языке, также как и в русском и английском языках являются мед и сахар: *фом хуэдэу ІэфІ*, хотя они и не фиксированы в словарной статье. При этом, как подтверждают информанты, в кабардино-черкесском

языке привычнее уподобление сладкого *меду*, а не сахару. С одной стороны, естественный продукт – мед (сладкая сиропобразная густая жидкость, вырабатываемая пчелами из нектара цветков медоносных растений) появился в жизни людей значительно раньше, чем сахар, поэтому предпочтительность меда вполне естественна в объективации семантики признака. В период лексикализации вкуса *сладкого* сахар не был изобретен, и выбор пал на мед – референт, бесспорно, обладающий ярким, сладким вкусом.

С другой стороны, односложность имени *фо* (мед) делает звучание компаративной структуры *фом хуэдэу IэфIц* более гармоничной. Так как сочетание приобретает фразеологизированный статус в языке, требования к ее ритмической организации должны соблюдаться. Представляется, что *мед* и *сахар* являются универсальными эталонами *сладкого* в силу их абсолютной распространенности в мире и выраженного сладкого вкуса.

Диапазон сочетаемости лексемы *IэфI* в первом перцептивном значении ограничивается сладкими продуктами питания. Они могут содержать сахар, фруктозу или сахарозу и являются сладкими по своей природе. Например, фрукты: *кхъужьIэрысэ* (груши), *жызум* (виноград), *мыIэрысэ* (яблоки), *къыпцIэ* (сливы), *балий* (вишня), *хуэрэджэ* (абрикосы), *шэфтал* (персики) и т.д.

Анализ контекстного употребления атрибута *IэфI* подчеркивает сладкий вкус, который не предполагался в этом фрукте из-за невзрачного внешнего вида или не сезонности. Вкус *сладкого* акцентируется и в овощах. Здесь актуализируется не столько сладость овощей, сколько отсутствие горечи. Так, некоторые овощи из-за недостатка солнца не созревают, остаются безвкусными и водянистыми. Тыква, например, надлежащего качества будет сладкой и рассыпчатой: *къэб IэфI, хьэлыуэ*. Сладость накапливается под воздействием тепла, солнца и устраняет горечь. Так же обстоит дело и с дыней – *хьэуан*. Это тепло – и светлюбивое растение, которое достигает высокой степени сладости при оптимальном температурном и световом режиме.

Перцептивный признак *IэфI* – сладкий используется применительно к фруктам, травам, подвергшимся термической обработке с добавлением саха-

ра: *варенэ* (варенье), *компот* (компот), *шей* (чай). В этом случае актуализируется оптимальное количество сахара в продукте. Этот же компонент реализуется и при атрибутивной квалификации кондитерских изделий: *торт*, *кIэнфет*, *пирожнэ*, *булочкэ IэфI*. Подавляющая часть именных лексем, называющая продукты этой тематической группы, – заимствования из русского языка, так как в гастрономической культуре адыгов не практиковалось приготовление сложных кондитерских изделий. Особо следует остановиться на лексеме *IэфIыкIэ* – ‘сласти’, ‘сладости’ – производное суффиксальное имя. Оно является родовым именем, обладает собирательным значением и объединяет различные виды сладкого – конфеты, торт, пирожное, *тхъурыжь* (определенный сорт кабардинской выпечки) и т.д. все, что восходит к русскому *десерт*. Богатый ассортимент разнообразных сладостей в кабардино-черкесском языке представлен сложным именем *IэфIыкIэбжьэфIыкIэ*.

Следует остановиться на лексеме *псыIэфI* – газированная вода. В основе номинации лежит признак *сладкий*; в ее русском корреляте, как явствует из названия (газированный), – наличие маленьких пузырьков газа, которыми обогащается сладкая, ароматизированная вода. В английском языке в основе номинации этого признака лежит свойство глагола *sparkle* (‘сверкать’, ‘искриться’) – ‘sparkling water’. Например, ‘Would you like flat or sparkling water to start?’ – Тебе простую или газированную воду дать?

Диапазон именных лексем, как показывает выборка, достаточно широк.

«Фом хуэдэу IэфIыц...» [Къэрмокъуэ 1988: 32]. / Сладкий как мед.

«Я гум IэфIагъыр къемэкIыу тегъуалъхIэу, я псалъэр зэщIифам хуэдэт, жаIэн ягъуэтыжыртэкъым» [Къэрмокъуэ 1988: 50]. / От слишком сладкой еды им стало плохо, казалось, она впитала в себя все слова, они не знали, что сказать.

«Щыхубз псалъэрей Марусэ зыфIимыгъэIуэхуу мэлэбэри стIолым тет псы IэфIи шагъыри – стэчан ныкъуэр егъэщIей... [Шамырзэ 2002: 11]. Болтливая Маруся, как будто ей все равно, протягивает руку, берет со стола сладкую воду полстакана вина и выпивает...

«Жызум матэм кІэльыкІуэу нэгъуэцІ ІэфІыкІэ бэлыхьхэри къахьаш, езы визир нэхъыщхьэ Абдул-Вахаб къыбгъэдэкІу» [Шортэн 2016: 443]. После корзины с виноградом принесли другие удивительные сладости от имени самого визиря Абдул-Вахаба.

2. Второе перцептивное значение – *вкусный / Гурыхьагъ ин зыхэль, гум къищтэ (шхын)* – ‘очень приятный, еда, которая нравится’. В этом значении перцептивный адъектив *ІэфІ* расширяет сочетаемость, определяя имена, которые относятся к домену *пища*. Они, как правило, отмечены признаком *вкусный, приятный*. Следовательно, здесь наблюдается метонимический сдвиг, когда признак остается в пределах одного домена, перемещается только фокус внимания с одного вида еды на другой, или дается общая квалификация *вкусный*. При этом акцент ставится на приятный вкус, а не на содержание сахара. Учитывая, что вкус *сладкий* всегда приятный и доставляет человеку удовольствие, перемещение атрибута на продукты питания, не содержащие сахар, вполне закономерно.

Данное значение содержит оценочную компоненту, которая формируется субъектом восприятия. Здесь проявляются индивидуальные пристрастия и предпочтения, а также сложившиеся в культуре стереотипные представления о еде и ее свойствах. (Ср. каб. *ГурыхьагъхэмкІэ зэныкъуэкъу хабзэкъым*; русск. *О вкусах не спорят*; англ. *Tastes differ*). Обывателю трудно выявить и квалифицировать объективные свойства продукта, вызывающие у него удовольствие. Только гурманы и дегустаторы могут профессионально оценить еду, упоминая какие-то ее конкретные признаки. В этом случае также сложно говорить об объективной оценке, так как невозможно проверить ее истинность из-за отсутствия критериев.

Материал исследования выявляет достаточно широкий диапазон именных лексем, которые определяются адъективом *ІэфІ* в значении *вкусный*. Это могут быть плоды, фрукты, растения, овощи, жидкости, вещества, различные блюда, приготовленные продукты и т.д. В целом, сочетаемость *ІэфІ* в этом значении с именными лексемами значительно превышает сочетаемостный

потенциал других прилагательных вкуса: *гуащIэ, дыдж, щугъэ*. По всей вероятности, сказывается многовековой опыт человека по отбору пригодных в пищу продуктов питания естественного происхождения. Они, как можно предположить, были сахаросодержащими и потому приятными, вкусными.

Остановимся на некоторых употреблениях *IэфI* в значении *вкусный*. Вкусная вода – *псы IэфI* (сладкая), можно сказать о воде природного происхождения, без ощутимых примесей и запахов, не хлорированной, прохладной, утоляющей жажду и т.д. Вода по определению не содержит сахара, в данном значении проявляется субъективная оценка вкусового качества. В некоторых случаях для человека, испытывающего жажду, любая вода будет вкусной, даже чрезмерно хлорированная. И тогда все выше перечисленные атрибуты ‘вкусной’ воды нивелируются.

В сочетании *нащэ IэфI* – вкусный, сладкий огурец – актуализируется комплекс признаков: свежий, сочный, молодой, хрустящий и т.п. Важно то, что огурец свежий, так как остальные признаки определяются свежестью огурца и, что важно, не горький. *Шатэ IэфI* – вкусная (сладкая) сметана – так говорят о свежей, домашней сметане без всяких добавок и примесей; *щыпс IэфI* – вкусный соус. В последнем примере *IэфI* генерирует значение вкусный в чистом виде, так как о примеси сладкого не может быть и речи: *щыпс* (соус) готовится на бульоне с добавлением чеснока, перца и чабреца. Сочетание *шIакхъуэ IэфI* также предполагает интерпретацию – вкусный хлеб. Диапазон оценочных признаков включает свежесть или чёрствость (кому какой нравится), мука (пшеничная, ржаная или смесь т.д.), приготовленный на сковороде или в духовке, наличие добавок (семечки или сухофрукты), поджаренный или нет и т.д. Для каждого индивида набор, организующий понятие ‘вкусный’, будет свой, тот, который отвечает его вкусовым представлениям. В русском и английском языках существуют понятия *вкусный* и *tasty*, которые покрывают сегмент ‘вкусный’ во вкусовом оценочном поле каждого из языков. Данные адъективы восходят к родовым понятиям ‘вкус’ и ‘taste’. Отсутствие аналогичного имени в кабардино-черкесском языке в полной ме-

ре компенсируется перцептивным значением *ІэфІ* – вкусный, что вполне объяснимо. *Сладкий* ближе всего к обозначению сверх положительных органолептических свойств пищи и продуктов. Его английский коррелят *sweet* также актуализирует компонент ‘свежий’: *sweet water, milk, eggs, butter* и др. В русском языке, как можно предположить, сладкий в значении ‘свежий’ употребляются редко, если вообще употребляется.

Приведем некоторые примеры:

«*ГуимыкІыжу ерыскъы ІэфІц ар!*» (КІэрэф 2009:126). / Это была забываемо вкусная еда! (здесь и далее перевод автора диссертации – Т.Ч.).

«*...лентІым къыкІэрих дыхумэри, а псоми кІуэцІыльым къыпкърыкІ ерыскъымэ ІэфІри..*» (КІэрэф 2009: 162). / <...ленты пахли духами, свёрток источал очень вкусный запах еды.

«*Сыт хуэдэ шхынуи цырет – губгъуэ жъы къабзэм ухэсу пихы шхыныр гурыхыц, къэуатиц, дэтхэнэ зыми ІэфІ цохъу*» [ШоджэнцІыку 1988: 102]. / Какой бы ни была еда, если ты ешь в поле, на чистом воздухе, она всегда приятная, питательная и всем кажется вкусной.

«*Псы ІэфІу цыІэм къраухъэкІ мыр*» (Елгъэр 1976: 84). / Из всех существующих вкусных вод, это самая вкусная вода.

«*...вагъэмбэкъум дэтІысхъэу шхэныр икъукІэ ІэфІ цыхъуат* [ШоджэнцІыку 1988: 102]. / <... пища, которую они ели, устроившись на борозде, показалась очень вкусной.

«*Ей, зо, Нурэ, шхын ІэфІ хуэщІу нІэрэ?*» [Къэрмокъуэ 1988: 14]. / Эй, послушай, Нюра может вкусную еду готовить?

«*Армырыхэми, жъэгу пащхъэ шхыныр дэни цыІэфІц*» (ШоджэнцІыку 1988: 7)./ Как бы то ни было, домашняя еда всегда и везде вкуснее.

«*Псыр дзэм дэхъэу цыІэт, фом хуэдэу ІэфІт*» [Нало 2016: 56]. / Вода была такая ледяная, что сводило челюсти и сладкая как мед. В этом примере с целью усиления качества воды, ее вкусоности используется эталон ‘мед’, хотя, естественно, вкуса сладости в воде нет.

«Данэ ицIа кхъуейжъапхъэри IэфI дьдэ къыщохъу, апхуэдиз зи IэфIагъ ерыскъы имышха хуэдэу» [Шортэн 2016: 20]. / Приготовленная Даной кхуежапха (национальное блюдо) показалось ему очень вкусной, как будто он никогда ничего подобного не пробовал.

В некоторых случаях имя *IэфIыкIэ* приобретает метафорическое значение *полезный*, как в примере: « <...къэкIыгъэр зэрышхэн IэфIыкIэ ицIым и куэдицI» [ШоджэнцIыку 1988: 102] <... в земле много питательных веществ для урожая.

Два первых перцептивных значения образуют центр категории ‘сладкий’. Причем признак ‘вкусный’ (2 значение), согласно материалам выборки, значительно превосходит первое – наличие *сладкого* вкуса в продукте. Это вполне закономерно, так как оценочная компонента второго значения в большей степени соответствует прагматической составляющей художественного текста, чем констатирующая часть первого значения. В тех случаях, когда продукт, содержащий сахар, квалифицируется как вкусный, достаточно сложно дифференцировать эти два значения.

3. Третье не перцептивное значение признака *IэфI* – ‘*ГуфIэгъуэ, нэщхъыфIагъэ, гухэхуээгъуэ, дэрэжээгъуэ къозыт*’ – приятный, доставляющий удовольствие, наслаждение. Здесь прослеживается метафорический перенос из домена ‘пища’ в абстрактные сферы, представляющие разнообразные стороны бытия человека.

Эмпирическая основа производных значений прилагательных вкуса формируется психофизиологической реакцией человека на различные раздражители, контактирующие с ротовой полостью. Вызываемая ими реакция фиксируется в головном мозге в виде устойчивой связи. Экспериментально доказана связь *сладкого* вкуса с выработкой гормона счастья – дофамина [Lakoff, Johnson 1999]. Новые фрагменты опыта, сопряженные с положительными эмоциями, активизируют нейронные структуры, отвечающие за выработку гормонов удовольствия, и устанавливают новые связи с новыми приятными элементами опыта. Такая психофизиологическая основа определяет в целом положительный вектор метафорического переосмысления признака *сладкий*.

Материал данной рубрики формирует периферию категориального признака *сладкий*. Метафорические атрибут *ИэфI* ‘приятный’, ‘доставляющий удовольствие’, ‘наслаждение’ определяет пространственный список имен, называющих абстрактные классы объектов. Далее представим их системное описание в порядке убывающей частотности.

1. Чувства, эмоции, впечатления (радость, счастье, доброта и пр.)

«*МакIуэ и гур нэхуу, и гурацэ ИэфIхэм ягьэхуабэу*» [ШоджэнцIыку 1988: 179]. / Она шла с радостным сердцем, согреваемая радостными надеждами.

«*Дыкьэзыльагьур емьIуц жытIэурэ, сабийм ди ИэфI ямыльагьуурэ...*» [Елгээр 1976: 24]. / Мы так и не показали наших чувств детям, стеснялись, думали, стыдно, вдруг увидят люди.

«*Ар нэпс ИэфIт, – дыджтэкьым...*» [КIэрэф 2009: 384]. / Это были слезы радости, а не горя.

«*...лыгьэ абрагьуэ, ИэфIыгьэ мыухьж...*» [Кьэрмокьуэ 1988: 162]. / <...огромное мужество, безграничное счастье...>.

«*Абы и гьашIэр зытеухуар дунейм ИэфIу тету кьыщыхьур зэIурилъэфэну*» [Кьэрмокьуэ 1988: 173]. / Цель его жизни заключалась в том, чтобы познать и присвоить все радости жизни.

2. Любовь

«*...льагьуныгьэм ецхIэ хьуэпсанIэ гуэрхэм я мэ ИэфI тIэкIу кьыщыIурыуа зэманым...*» [Кьэрмокьуэ 1988: 291]. / <...время, когда они почувствовали первые сладкие признаки любви.

«*ИэфIц цIыхубз льагьуныгьэр*» [КIэрэф 2009: 55]. / Сладка любовь женщины.

«*...щIалэр льагьуныгьэ ИэфIым и щыхьэту кьыхащIыкIами ярейт*» [КIэрэф 2009: 194]. / < ...парень был образцом настоящей крепкой (сладкой) любви.

«*...ди льагьуныгьэм укьыхэмыIэбэ: ар сэ кьыхэсха насытц. Iуащхьэмахуэ и уаем сыхьумьшиэжу мы жыхьэрмэ ИэфIым тIэкIу сыхэгьэль*» [Нало 2016: 85]. / <... не вмешивайся в нашу любовь, я ее выбрала, не отправляй меня такой холод Ошхамахо, дай мне побыть в этом сладком аду.

«...щхІээгъусэм хуиІэ ІэфІагъым, къабзагъым...» [Къэрмокъуэ 1988: 476]. / <...нежность и искренность, кторою она питала к мужу...>.

3. Воспоминания, мысли

«*Апхуэдизу гупсысэ ІэфІхэм зэцІацтауэ...*» [ШоджэнцІыку 1988: 102]. / Они были настолько увлечены приятными воспоминаниями...>.

Къазий-Мухъэмэд зэгуэпу, зэгуэп цхъэкІэ зыри хуэмыщІэу, хуэм-хуэмурэ зыщІэубыдац гукъэкІыжхэм, зэми псэм ІэфІу къедэхащІэхэм, зэми псэм хъэльэу къытегъуалъхъэхэм» [Шортэн 2016: 478]. / Казий – Мухамед злился, но ничего не мог сделать, крепился, приятные воспоминания радовали душу, иногда ложились тяжким грузом.

«*Ауэ гукъэкІыж ІэфІхэмрэ гукъэкІыж дыджхэмрэ зэхэщхъэрыуэжауэ нэбэнэушэу яІыгът»* [КІэрэф 2009: 23]. / <...спросонок ее охватили сладкие и горькие воспоминания и не отпускали.

«*Гупсысэ ІэфІхэм яубыда псэм нэбэнэушэу зытэлай диха нэужь...*». [Щамырзэ 2002: 13]. / В ее душе появились приятные мысли, когда проголодавшись, они совсем выбились из сил... .

«...къэнэжыр щыуагъэм хуцІегъуэж хъэльэмрэ цуха ІэфІыгъэм и гуауэмрэц» [КІэрэф 2009: 22]. / <...все, что остается – это тяжесть сожалений об ошибках и горечь закончившейся радости (сладости).

«*ІэфІ дыдэу и гум къыпылъадэурэ зэгупсыс...*» [Къэрмокъуэ 1988: 318]. / Какие-то приятные мысли пронзили его сердце.

«Ауэ, а гупсысэ ІэфІхэм кыыхэхужырты, хыджэбзыр махуэ къэс зыхэ-тым хэплъэжырт» [Къэрмокъуэ 1988: 359]. / Сладкие мысли покинули девушку, и она стала каждый день думать о ситуации, в которой оказалась.

4. Время и его периодизация (ночь, день, осень, мгновенье, секунда)

«...ужеину ухуеймэ, нэхъыфІ дунешхуэм къытумыгъуэтэну, жэщыр анэ быдзышэу ІэфІц» [Елгъэр 1976: 5]. / <...если ты хочешь спать, лучше ночи ничего нет, она сладка, как материнское молоко.

«...и гум ІэфІу дыхъат а напІэзыпІэр» [Щамырзэ 2002: 6]. / <...в сердце сладко врезалось это мгновенье.

«*Сыту дакыкыэ IэфIт ар*» [Къэрмокъуэ 1988: 50]. / Какой сладкой была та секунда.

«...къэзгъэщIа гъащIэ мытыншым хэслъагъукIа нэхъ дакыкыэ IэфI дыдэхэр...» [Къэрмокъуэ 1988: 212]. / <...самые сладкие мгновенья в моей тяжелой жизни...>.

«*IэфIщ си хэкум и бжсыхъэпэ дуней уэфIыр*» [КIэрэф 2009: 368]. / Приятны теплые дни начала осени у меня в родном краю.

«*Абы дыдж кыIурыхъуэжсам хуэдэт и псэм IэфIу зыхищIа дакыкыэхэр*» [Къэрмокъуэ 1988: 203]. / Высказанная им горечь была похоже на сладкие секунды, запавшие ей в душу.

5. Жизнь

«...щIалэгъуэм гъащIэм и IэфIыгъэу игъэунэхуа псори и гум къонэж» [КIэрэф 2009: 2]. / Радости жизни, познанные в молодости, остаются в сердце.

«*Сыту дакыкыэ IэфIт*» [Къэрмокъуэ 1988: 50]. / Какие это были приятные мгновенья.

«...*Лейкъым гъащIэр, IэфIщ гъащIэр...*» [КIэрэф 2009: 142]. / <...Жизнь не плоха, она прекрасна (сладка)...>.

«*Мыхэр зауэ-банэм иригъэша цIыхухэт, дунейм IэфIыгъуэ щIагъуи тралгъэгуатэкъым, походхэм, жэщтеуэхэм, мэз иуицIыкIыным, быданIэ щIыным...*» [Шортэн 2016: 414]. / Это были люди, уставшие от войны, не видевшие никакой радости в жизни, были заняты походами, ночными атаками, вырубкой леса, строительством укреплений...>.

«...*уефыщIауэ хъунукъым, абы уцысхъмэщ IэфIу уцигъэпсэунур*» [КIэрэф 2009: 33]. / <... с ним не надо драться, только по-хорошему, тогда даст тебе сладко жить.

«*Псэуныгъэм и IэфIыр зрагъэщIыхуу зэпаубыдыжа...*» [КIэрэф 2009: 61]. / Познав радости жизни, они стали соперничать.

«*Сабшигъуэм гуимыкIыжу хэль IэфIыгъэ псори абы щызгъэунэхуауэ кыисфIоуцIыж иджыри*» [КIэрэф 2009: 154]. / Мне до сих пор кажется, что все незабываемые радости детства, я познал тогда.

6. Речевая деятельность

Признак *ИэфI* в данной рубрике акцентирует манеру говорить ласково, нежно, приятным голосом, с притягательной интонацией, а не правильность, грамотность речи (выбор, слов, грамматическое оформление предложений). Последнее актуализируется посредством лексемы *дахэ – бзэ дахэ* – красивый язык, речь.

«...*дадэм псалъэ ИэфIыр хуэухыркъым*» [Елгъэр 1976: 84]. / <...дедушка не мог остановиться, все говорил ласковые слова.

«*Зарэ гуанэу зэIуха и псэ къабзэр Руслан и гум ИэфIу къешэкIауэ, абы йоIуцацэ*» [Щамырзэ 2002: 14]. / Добрая и чистая душа Зары шепчет что-то сладкое сердцу Руслана.

«*Пцы Аслъэнджэрий зыхицIэу лъы пцтыр къыщIэуэт, арицхъэкIэ, зимыIыгъыу хъунутэкъыми, бзэ ИэфI зицIауэ Волковым жриIац...*» [Шортэн 2016: 415]. / Князь Аслангерий отчетливо почувствовал запах горячего мяса, но ему нужно было держаться, поэтому мягко сказал Волкову...>.

«*Зи машинэ ис, делагъэ лъэпкъ къызыжIээдэмыкI щIалэ зэтетым и бзэ ИэфIым дэIэсат зэ епльыгъуэкIэ тIэкIуи хуэябгафэ зытет...*» [Къэрмокъуэ 1988: 347]. / Молодой человек, который вел машину, не говорил глупостей, его приятная речь увлекала, но и внушала страх.

«*Ар, анэ бзэ ИэфIым хуэдэу, емызшыжу къызбгъэдэтац*» [КIэрэф 2009: 55]. / Это всегда со мной, как мой сладкий, родной язык.

«...*гуцэ уэрэд ИэфIым хуэдэу, сыщIэжсеикIырт*» [КIэрэф 2009: 156]. / <...я засыпал под звуки, похожие на сладкую колыбельную песню.

«*Шыми яIэц бзэ ИэфI, къыбгурыIуэмэ*» [КIэрэф 2009: 188]. / Может, ты и не понимаешь, но у лошадей есть свой ласковый (сладкий) язык.

7. Физическое состояние, сон

«...*пианэ зэхэуам пхосыкI, и гурацэ ИэфIхэр дамэ хуэхъуащи зэIэт, щабэу мэлъатэ...*» [ШоджэнцIыку 1988: 178]. / В сумерках ее самые сокровенные (сладкие) желания приобретали крылья и начинали парить...>.

«Сыту *ІэфІыцэу* ужейрэ, зи насып, уцыуэцхэу – хІэыжу» [Тэрмокъуэ 1988 144]. / Счастливый, как сладко ты спишь.

«*Гуэхушхуэракгэ, жеймэ, мис а ІэфІыггэ* псоми хэкІыжынкІэ хьунуц 'цІалэ цІыкІур» [Елггэр 1976: 5]. / Дремать, спать, всей этой радости может лишиться маленький мальчик.

«*Куэд дэмыкІыу* зи жей къэт *Зарэ ІэфІу Іурихац*, абы гу лызыта *Руслани* и *напІэхэр къыфІехац*» [Щамырзэ 2002: 13]. / Вскоре Зара, которой не хватало сна, сладко заснула. Руслан заметил это, его веки постепенно опустились.

«*Лоу къуажэжбыр жейрт*, *пцІыхьэпІэ ІэфІым хильэфуэ*, *къатехуэни къатехэни ямыцІэу*» [Шортэн 2016: 367]. / Все село Лоу спало, видя сладкие сны, ничего не ведая, о том, что с ними произойдет.

«*Ауэрэ, ешаелІауэ, шэшэныр Іурихри ІэфІу жейц* нэху *цыху*» [Шортэн 2016: 523]. / Постепенно уставший чеченец заснул и крепко спал до самого утра.

«...*апхуэдэу екІуэкІа Іуэху «тІэкІум»* и *цхьэр ІэфІу иггэунэзати*, *ггуэлъыпІэм елэлэхыу къина* и *цхьэц ухуэна кІыхьым гу лытакьым*» [Щамырзэ 2002: 7]. / <...у нее так сладко кружилась голова от того, как все прошло, что она не обратила внимание на длинные заплетенные волосы, оставшиеся в кровати.

8. Работа, действие

«*Анэ быдзышэм хуэдэу ІэфІуц*, – *дадэм* и *шыр къыциггэувыІэм*» [Елггэр 1976: 84]. / Когда бабушка прищипривает коня, это так здорово (вкусно), как материнское молоко. В предложении используется необычное сравнение. Красота физического действия уподобляется *сладкому* вкусу, носителем которого в примере является материнское молоко. Можно предположить, что сравнение акцентирует ценность процесса подхлестывания коня для молодого человека, то удовольствие, которое он получал от созерцания этого действия.

«*Председателыр зытешыныхІэыр ІэфІ* *къыІурыхуа* и *къулыкьурт*» [Кгэрмокъуэ 1988: 277]. / Больше всего председатель боялся потери благ, связанных с потерей должности.

9. Человек, черты характера

«Исуф гуанэц, цыхубз насынышэм и псэм йодэхэццИэф, цыху ИэфИц» [Къэрмокъуэ 1988: 138]. / Юсуф очень хороший человек, может успокоить несчастную женщину, он очень приятный (сладкий) человек.

«Сабийм лъэхъэнэ гуэр, псом хуэмыдэу, Иэфыгъэ гуэр илэц, сым иццИэми хуагъэдахэу, сым жицИэми яфцИэфцИу» [Кцэрэф 2009: 11]. / В каком-то возрасте маленькие дети обладают неотразимым обаянием. Им прощают все, чтобы они не делали».

«...хуццхуэ къуимыхъэлцИэми и цыхугъэ ИэфымкцИэ уигъэхъужыныц, алыхь!...» [Шоджэнццыку 1988: 163]. / <...если даже он не дает тебе лекарства, он вылечит тебя своей добротой.

«Си дахэ, си псэ, си Иэфц!» [Кцэрэф 2009: 46]. / Моя красавица, моя душа, мая сладкая!

«Гуауэм ириццыкцар ИэфцАгъым къицэтыжыну и фцэц хъурт Заур» [Къэрмокъуэ 1988: 288]. / Заур надеялся, что все, разрушенное горем, восстановит доброта.

«Абы къригъэкцар «сэ изгъэкцыжар уэ уфцИэфцИынсц» [Къэрмокъуэ 1988: 551]. / Он имел в виду то, женщина, с которой я развелся, оказалась очень тебе по вкусу.

10. Запах

«А фонтан цыкцуйтцым къыдраутхей псым къыхих мэ Иэфцыр уицуми уи пэми цыпэцацэрт, къодэхаццэу, къыпхуэццИэфцИу, псори пцэццАхрэ уагъэццхъэукъуэну хъэзыру» [Шортэн 2016: 338]. Сладкий запах брызг этих двух маленьких фонтанов наполнял его нос, рот и сладко бередил душу.

«Тутынымэ Иэфцыр къысцурццыкцыкцыу сыкъожъэжри, хъэсэм сыкъэсыжэмэ, бензини къамышауэ, хъэлцами къамыхъауэ, трахтырри цыху темысу; » [Налоев 2016: 83]. / Пахнувший ароматными сигаретами, он прибежал на поле, а там не привезли бензин, а на тракторе никого не было.

«...*льагъуныгъэм ещIэ хъуэнсанIэ гуэрхэм я мэ IэфI тIэкIу къыщыIурыуа зэманым...*» [Къэрмокъуэ 1988: 291]. / <... он почувствовал сладкий запах чего-то, похожего на любовь.

Выявлены единичные примеры, характеризующие **звук**:

«...*езым дэхащIэ макъ IэфI къыщыхъуу зэрызэпкъришэр*» [КIэрэф 2009: 355]. / <... звуки гармонии казались ему сладкими звуками.

«...*зыхэха «архъуанэ» цIыкIур и гум IэфIу кьоIуцащэ...*» [Щамырзэ 2002: 7]. / <... все слышали, как ручеек сладко шепчет что-то сердцу.

11. Небесные светила

«...*гъатхэ дыгъэ IэфIыр къедэхащIэрэ напэбгъум ныбжIэ мащIэ трищIэу...*» [Къэрмокъуэ 1988: 288]. / <... ее грело ласковое весеннее солнце, бросая тень на щеку...>.

Как видно из приведенного анализа, вкусовой признак *IэфI* /сладкий в своем метафорическом значении используется для характеристики самых разнообразных классов объектов, представляющих, преимущественно абстрактные сферы бытия человека. Тем не менее, наблюдаются некоторые ограничения. В нашем материале нет примеров концептуализации признаков ‘лицемерный’, ‘льстивый’, ‘чрезмерно любезный’ посредством вкуса ‘сладкий’, как в русском языке: *сладкие речи, сладкая улыбочка*. Этот смысл передается лексемами: *убзэ, щытхъу*; словосочетаниями: *щхъэхуецагъэ щытхъу зыхэль псалъэхэ, фэкIэ зызыщI, бзитIщхъитI*. Также не выявлены случаи употребления *IэфI* для квалификации приятной внешности, образа, общего вида, как в английском языке: *sweet look, appearance; sweet house*.

Лексема *IэфI* (сладкий) встречается во фразеологических единицах (ФЕ), в которых оценочная составляющая генерируется именно через этот вкусовой признак: *Зэдэишэ IэфIу* – ‘вместе есть всегда приятно’ (вкусно). Пословица *Зи бзэ IэфI щынэр мэлитI цофI* – ласковая овечка двух маток сосет, передает следующее значение: определенное поведение (доброе ласковое) приносит двойную выгоду. Использование вкусовых качеств *IэфI* (сладкий) и кислый (фIэIу), актуализированные предикатом *щIэмьлыжын* (не содер-

жать): *ІэфI фIЭлу иIЭмыльыжын* генерирует значение: все хорошо, что делается вовремя, т.е. когда еще продукт не испортился и сохраняет какой-либо вкус. Словосочетание можно сравнить с русским *дорога ложка к обеду*, передающим то же значение, но через иную образную картинку, как и его английский аналог: *A stitch in time saves nine* (один стежок, сделанный вовремя, экономит время). Значение *попробовать на вкус еду* и дать ей оценку семантизируется сочетанием, ‘епль *ІэфIрэ фIЭлурэ*’ – букв: *Посмотри, сладкое или кислое*. Предлагается оценить продукт с точки зрения его вкусовых качеств, где точкой отсчёта служат *ІэфI* (сладкий) и его антипод – *фIЭлу* (кислый). Через вкусовые признаки актуализируется смысл *познать хорошее и плохое*: *ІэфIрэ дыджрэ гьэунэхун*. В словосочетании положительный полюс – *хорошее* также символизируется *сладким*, а отрицательный – *плохое* антиподом – *горький*.

Итак, особенности концептуального расширения признака *ІэфI* (сладкий), выявленные на основании анализа словарных и речевых данных, позволяют сформулировать инвариантное значение, включенное во все языковые реализации данного признака: *приятный, доставляющий удовольствие и наслаждение*. Определяя широкий диапазон фрагментов реального мира, обобщённое значение получает конкретизацию, которая зависит от реальных условий ситуации общения и авторской прагматической установки. Соответственно, наблюдается генерация только положительной оценочной компоненты при атрибуции самых разнообразных фрагментов бытия человека. У кабардинского признака нет отрицательной коннотации (чрезмерная любезность, угодничество, лицемерие), свойственной русскому *сладкий*. Также не выявлены случаи употребления *ІэфI* для квалификации приятной внешности, образа, общего вида, как в английском языке: *sweet look, appearance, dress, house* и т.д.

Активное метафорическое варьирование признака *ІэфI* (сладкий) с целью концептуализации различных объектов самых разнообразных сегментах реальности свидетельствует о значимости ощущения *приятного* в восприятии и интерпретации окружающего мира.

2.7. Базисный признак *гуащIэ* – кислый

Вкусовой признак *гуащIэ* (кислый) по количеству текстовых словоупотреблений следует за *IэфI* (сладкий) и составляет 234 примера. Согласно этимологическому словарю [Шагиров 1977а: 110] данная лексема допускает связь с тюркским *güç* – ‘сила’, ‘мощь’, ‘трудность’, татарским *köç* и карачаево – балкарским *кюч* – мощь, усилие. Такая трактовка согласуется со словарной репрезентацией лексем и ее текстовыми употреблениями, что будет показано далее.

Языковая категоризация *гуащIэ* (кислый) проходит на основании физиологических ощущений, возникающих при попадании определённых видов продуктов в ротовую полость субъекта, в результате чего выделяются ионы водорода. *Кислый* вкус обладает низким порогом чувствительности. Согласно густометрическим данным, требуется всего 0,1–0,2 % раствора виннокислотной кислоты для получения реакции вкусовых рецепторов. *Кислое* воздействует преимущественно на боковые зоны языка [Крихели 2011: 17].

Анализ семантического варьирования признака *гуащIэ* (кислый), проведенный в терминах метафорических и метонимических переносов, согласно порядка лексикографической репрезентации значений [СКЧЯ 1999: 68], дал следующие результаты.

1. В кабардино-черкесском языке содержание признака *гуащIэ* (кислый) квалифицируется как *пхъэщхъэмьщхъэхэм, гъэшхэкI ерыскъыхэм я щытыкIэ* – вкус фруктов, молочных продуктов, вкус еды. Толкование содержит информацию прототипического характера – *мыIэрысэ гуащIэ* (кислое яблоко) и *шху гуащIэ* (кислое молоко). *Шху* – популярный кисломолочный продукт, известный кабардинцам с древнейших времен. Его используют как самостоятельный, освежающий напиток, или в качестве приправ к мясным и овощным блюдам. Специальная закваска, добавляемая в теплое молоко, приводит к его брожению и выделению органических кислот.

Универсальными эталонами *кислого* являются *лимон* и *уксус*, продукты с ярко выраженным кислым вкусом. В русском языке этот ряд эталонов дополняет – *клюква*, а в английском эталон уточняется фруктами – *незрелые*

сливы или яблоки. Примечательно, что в экспликации *кислого* вкуса в русском языке участвует другое ощущение – *острый* – ‘имеющий своеобразный острый вкус’. Можно предположить, что интенсивность, которая является основным компонентом *острого* (*сильно действующий на вкус и обоняние*), распространяются на *кислое*, так как вызывает аналогичное ощущение. Квалификация *гуащIэ* (кислый) через *сыр* (острый) отсутствует в кабардино-черкесском языке. Словарь квалифицирует *сыр* как *бзэгур, жьэ кIуэцIыр зыс* – обжигающий язык и ротовую полость (СКЧЯ:1999: 611). Этот факт свидетельствует о более четкой дифференциации ощущений *гуащIэ* (кислый) и *сыр* (острый) в кабардино-черкесском языке.

Диапазон референтов, определяемых признаком *гуащIэ* (кислый) в его первом значении формируется названиями фруктов, ягод, растений.

Например: «*Мэрэм, мыIэрысэ гуащIэ едзэкъа хуэдэ...*». [КIэрэф 2009: 189]. / Марем, будто откусил кислое яблоко...>.

«*Хэт цхъырыб гуащIэжъ цхъэкIэ лIэр?*» [Щамырзэ 2002: 14]. / Кто хочет попробовать очень кислый крыжовник.

«*...икIи лыри пIастэри яухауэ цIакхъуэ фIыцIэмрэ шху гуащIэмрэ къыщыхуэнэр...*» [Къэрмокъуэ 1988: 88]. / <...они закончили мясо и пасту, у них остался черный хлеб и кислое шху..>.

2. Второе значение *гуащIэ* – ‘*къару*’, ‘*градус зилэ*’ – крепкий, имеющий градус, иллюстрирует концептуальное расширение – крепость алкогольного напитка: *аркъэ гуащIэ* – крепкая водка; *махъсымэ гуащIэ* – крепкая махсыма (слабоалкогольный напиток, являющийся частью национальной кухни кабардинцев). Механизм образования можно квалифицировать как метонимию, поскольку определяемые признаком вещи относятся к разряду продукты питания, как и денотаты, определяемые первым значением. Такой вектор метонимического переноса может иметь следующее объяснение. Брожение молока приводит к выработке органических кислот, количество которых увеличивается прямо пропорционально количеству закваски и времени брожения. Процесс сопровождается появлением небольшого количества спирта в составе *шху* (домашний кефир). Учитывая значимость *шху* в гастрономических

традициях кабардинцев, его распространенность и широкое применение, такое объяснение вполне допустимо.

«Ефэ, ди анэ, уэ ипфац нэхъ гуацIэ!» [КЫЩОКЪУЭ 2002: 55]. / Пей, мать, ты более горькую чашу сполна испила.

«Ефэр зи хабзэу цымытми хувгъахъуэт фадэр нэхъ гуацIэу... [КЫЩОКЪУЭ 2002: 98]. / Если даже раньше не пил, налейте ему рюмку крепкого.

3. Третье значение *гуацIэ* (кислый) – суровый, отважный – развивается по метафорическому принципу. Крепость – свойство алкогольного продукта – компонент содержательной структуры второго значения, переносится в область свойств и качеств человека: *пхъашэ, ябгэ; цхъэмыгъазэ, кымыкIуэт* (суровый, грозный, мужественный, отважный). Такие качества, как отвага, жесткость, связаны с понятиями *строгий, суровый* человек. Пространный синонимичный ряд, определяющий это значение, свидетельствует о важности такой черты в характере человека в представлении кабардинцев. Вместе с тем можно предположить, что значение (3) генерируется на основании первого значения – бодрящего эффекта кисломолочного продукта – *иху*. Его освежающий, живительный эффект сопоставим с качествами *смелость* и *мужественность*.

Например:

«Лыжьми гуацIэт » [КIэрэф 2009: 246]. / Был стар, но суров.

«Соколов зыхэт гупыр хуагъэхъэзыру цIадза гкуэд дэмыкIу екIуэкIынкIэ хъуну зэхэуэ гуацIэм» [Щамырзэ 2002: 41]. / Отряд Соколова начал подготовку к возможно скорой ожесточенной битве.

«Шэшэным улын гуацIэ ирадзат» [Щамырзэ 2002: 47]. / Чеченцы получили жесткие удары.

4. Уникальным является метафорический перенос компонента *крепкий* (2) на металл, точнее сталь – *булатный* (о стали): *къамэр жыр гуацIэм къыхэщIыкIац* – кинжал изготовлен из булатной стали. Известно, что булат – это старинная узорчатая сталь самого высокого качества, употребляемая для боевого оружия. Удивительно, что языковое сознание кабардинцев генерирует значение *крепкий, прочный* на основе вкусового качества вещества. Сказывается

многовековое использование кисломолочного продукта *шху*, знание его свойств и качеств, что привело к развитию ряда этнокультурных ассоциативных связей.

5. По метафорическому принципу развивается и пятый вектор концептуального расширения – *гуащIэ – зэщIэпльа* (горячий, ожесточенный). Предположительно, признак *суровый, отважный*, приложение которого ограничено человеком (3), распространяется на военные события.

Например:

«Къелакъым псоууэ а унэр, Зауае гуащIэр къыщыкIуэм» [КIыщокъуэ 2006: 132]. / Не уцелел этот дом, когда началась ожесточенная война.

«...сыт хуэдэ фэбжьми текIуэн лъэкIащ, аргуэруи, зауэщIэ гуащIэхэм хыхъэжыфащ...» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 95]. / <...Он сумел пережить много травм, но оказался снова вовлечённым в жёсткую схватку....>

«...уIэгъэ гуащIэ темылъу пIэрэ е зы фэбжь хъэлъэ къытемыхуарэ?» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 125]. / ...может он получил серьёзное ранения. Или может у него сильные травмы?

«ПсэзэпылъхъэпIэу зыIута зэхэуэ гуащIэм и хъэжкурыйы...» [Щамырзэ 2002: 66]. / Вихрь ожесточенной схватки, где он рисковал своей жизнью...>.

«А зэхэуэ гуащIэм и курыкупсэм хэта лейтенантыр и закъуэу икIи лажъэ имыIэу дауэ къела?» [Щамырзэ 2002: 72]. / Лейтенант, который был один в самом центре боя, как умудрился остаться невредимым?

<...иужьым екIуэкIа зауэ гуащIэм къыгъэна лъэужь шынагъуэхэм тыншу езыгъэбакъуэ...> [Щамырзэ 2002: 83]. / <... прошедшие тяжелые войны оставили опасные следы, которые тяжело перешагнуть...>.

Для актуализации своего содержания признак должен быть привязан к своему носителю, референту. Поэтому значения адъектива формируется именами, которые он определяет. Как показывает материал, значения признака *гуащIэ* (кислый) не ограничиваются только теми классами объектов, что представлены в словаре. Они дополняются новыми смыслами, которые формируются в контексте под влиянием определяемых им имен.

Часть примеров расширяет список прототипических денотатов, фиксированных в словаре [СКЧЯ 1999: 68]. Например, *гуащIэ – зэщIэплъа* (ожесточённая война) дополняется именами, входящими в этот ряд: *зэхэуэ, зэзауэ, гуащIэ* (жесткое столкновение, драка, бой, схватка); *удын гуащIэ* (сильные удары).

Часть контекстуальных реализаций, значительно увеличивающих диапазон семантического варьирования, не нашла отражение в словарной статье. Они отличаются разнообразными векторами: человек (его внешность, речевое поведение, состояние, болезни, эмоции), небесные светила, атмосферные осадки, стихии и т.д. Все контекстуальные значения признака *гуащIэ* можно объединить гиперсемой – *сильный*, которая в контексте реализуется в разных языковых знаках (*страстный, энергичный, крепкий, серьёзный, интенсивный, жгучий, горячий и т.п.*). Они становятся очевидными при переводе текстовых фрагментов на русский язык. Выделенные рубрики представлены в порядке убывающей частности:

1. Эмоции, чувства, воспоминания (любовь, стыд, волнение, беспокойство, злость, гнев и др.).

«*Анэ лъагъуныгъэр зэи ужьыхыркъым, нэхъ гуащIэ хъу фIэкI*» [КIэрэф, 2009: 256]. / Материнская любовь никогда не угасает, она становится лишь крепче.

«*Сытым ищIынт жьы, лы и лъагъуныгъэ гуащIэ имыгъэунэхуамэ*» [КIэрэф, 2009: 332]. / Отчего могла состариться, если не познала страстную любовь.

«*Замирэт къыпкърыхъат лъагъуныгъэ гуащIэ*» [Къэрмокъуэ1988: 24]. / Страстная любовь начала охватывать Замират.

«*Софят, япэми хуэдэу, плейтеигъэ гуащIэм зэщIуубыдауэ къэушат нышэдибэ*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 55]. / Софият, как и раньше, проснулась, охваченная сильным волнением.

«*Асыхъэтым Софят къэскIащ, укIытагъэ гуащIэкIэ и гур хэлъэтащ...*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 121]. / В тот же миг Софият вздрогнула, ее сердце пронзил сильный стыд...>.

«...гушыкIыгъуэри губжъыгъэ гуащIэри зы хуэхъужауэ» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 187]. / <...и шутки, и сильная злость сравнялись.

«...и фэеплъу щIалэм къыхуэна гукъэкIыжхэр къабзэщ, лъэщщ, гуащIэщI» [Щамырзэ 2002: 61]. / <... парню на память остались воспомина- ния, они были сильными, чистыми и тяжелыми.

«ГъащIэм и зы Iыхъэ сым хуэдэм дежи лъагъуныгъэ къабзэм, пэжым и къуэпс гуащIэхэм къэрэгъул бжыхъу зыкъыщаухуэф» [Щамырзэ 2002: 66]. Часть жизни всегда содержит любовь сильную и чистую, которая оберегает человека всю жизнь.

«...я Iэпкълъэпкъ пщыкIутIым гуащIэу зызигуашэ лъагъуныгъэ къарур псэкIэ тIуми IэфIу зыхащIэрт» [Щамырзэ 2002: 81]. / <...они оба чувствовали сильную страсть, охватившую их...>.

«Дэ димыIэу жыхуаIэр апхуэдэ лъагъуныгъэ гуащIэр Шекспир хуэдэу екIуу ди зэманым хуэзыIуэтэфын тхакIуэ- усакIуэ лъэщщ...» [Щамырзэ 2002: 196]. / Говорят у нас нет писателя, который мог бы рассказать о страстной любви, как это сделал Шекспир...>.

2. Речевое поведение. В рубрику включены имена, называющие слова, речь, разговор, диалог, выступления, разборки и пр. Признак *сильный* транспонируется в подобных контекстах в *серьезный, напряжённый, резкий, категоричный, обидный* и т.д. Если принять во внимание, что речь связана со звучанием, можно с натяжкой говорить о явлении синестезии, так как существенным в иллюстративных примерах является смысловая составляющая речи, а не форма.

«Зэнэзэпхъум къаIэта псалъэмакъ гуащIэр нэхъ щабэ ищIыным хущIэкъуу, Софят псалъэм къыщIигъуащ...» [ЩоджэнцIыкIу, 1962, с. 144]. / Софят начала говорить, чтобы смягчить резкий разговор матери с дочерью.

«...псалъэ гуащIэ гуэри жиIэнут, ауэ зыри и щхъэ кымитIасэу зеуцэху» [ЩоджэнцIыкIу, 1962, с. 150]. / <...хотела сказать какие- то резкие слова, но ничего в голову не приходило, поэтому успокоилась.

«...зэхэгъэкIыныгъэ гуащIэм хыхъащ, екIэ кыпнеуэ ауанхэм жэуап ярет» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 38]. / <...она ввязалась в серьезные разбира- тельства, давала ответ всем, кто возражал.

«Софят кызыэщънат, псалгъэ гуащIэ куэд жиIэну кызыэрыдэхъеят...» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 150]. / Софият вспыхнула, хотела наброситься обид- ными словами.

«Щхъэ кыккыуэпсэлъыкIыфа ар анхуэдэу гуащIэу а зи гугъур яхуэмыу- хыж...» [КIэрэф 2009: 362]. / Почему она смогла заговорить так резко и обидно о нескончаемых трудностях.

«Къапщтэмэ, мамэрэ папэрэ зэи гуащIэу зэпсэлъакъым, быным зэ- хэтхыу я макъ яатакъым, ахэр бэшэчт, зышыэныгъэ яхэлът» [Щамырзэ 2002: 134]. / Мама и папа никогда не сорились в присутствии детей, не по- вышали голоса, были терпеливы.

3. Запах. В примерах этой рубрики появляется синестетическая метафора. Вкусовой признак концептуализирует *запах*. Актуализируются такие свойства запаха, как *резкий, сильный, интенсивный*. Источником запаха могут быть живые существа, предметы, лекарства, духи. Не выявлены случаи сохранения первого значения *гуащIэ* (кислый) в передаче одорических смыслов, как это наблюдается в русском и английском языках: *кислый запах щей, sour smell of beer*.

«Мэзышыр кызыкIуэцIывыкI уэздыгъеимэр чэф къуитыным хуэдэу гуащIэщ» [КIэрэф 2009: 155]. / Древесная смола, сочившаяся из сосны, изда- вала резкий, пьянящий запах.

«Ар, а уэздыгъеимэ гуащIэм хэзэрыхъа си адэм и пцIэнтIэпсымэ шы- угъэрт» [КIэрэф 2009: 155]. / Можно было различить соленый запах пота моего отца, смешанный с резким запахом сосны.

«Сыту мэ гуащIэ мэлылымрэ цIыхумэмрэ» [КIэрэф 2009: 421]. / Какой сильный (резкий) запах исходит от человека и животного (барана).

«Хъумрэ бзымрэ зэхуэзышэ псэуныгъэ IэфIым и мэ гуащIэ маер хъуам кыыхих хъуакIэщ [КIэрэф, 2009: 248]. / Они почувствовали в воздухе сильный запах сладкой жизни, который притягивает мужчину и женщину.

«Уанэгум ижыхъауэ здисым, нэ кIуэцIыр иричу, мэ гуацIэ гур кыIурыуац» [Шортэн 2016: 454]. Сидя в седле, он почувствовал резкий, обжигающий нос запах.

«... *пиIэнтIэпсымэ гуацIэжъыр кыкIэрихырт*» [КIэрэф 2009: 310]. / <... от них разило сильным потом >.

«...*зэцыхуэныкIат, зэцIэцIэлат, дыхумэ гуацIэ кыкIэрихырт*» [Къэрмокъуэ 1988: 514]. / <... разодетая, накрашенная, сильно пахнущая духами.

« ...*заницIэу зыхицIэу кыIурыуа йодыр, нэгъуэцI хуцхъуэмэ гуацIэ зэмылIэужьыгъуэхэм и губжъыр тIэкIу цхъэцах...* [Щамырзэ 2002: 179]. / «...он сразу почувствовала запах йода и резкий запах каких-то лекарств...>.

«*АрицхъэкIэ, жей гуацIэм кыцIэхужам хуэдэу, ар зэуэ кыхэскIыкIац: кIагъуэм и мэ гуацIэм зэцIицта Iунэ цIынэ гур абы кыжъэхэхуэбат*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 187]. / Как будто проснувшись от крепкого сна, он вздрогнул, почувствовал сильный запах копоты на своих незаживших губах.

4. Внешность человека, части тела. В рубрику включены примеры атрибутивной характеристики человека (виски, лицо, кровь, и др.). В некоторых случаях наблюдается двойная метафоризация. Сначала детали внешности уподобляются элементам флоры, а они потом определяются признаком *гуацIэ*:

«*И нэжъгъуэцитIыр, жэп гуацIэ зытеха удз гъэужьым ецхъу...*» [КIэрэф 2009: 332]. / Виски были похожи на желтую траву, густо покрытую инеем.

«...*фэи лыи сиIэжкъым, сызэтегъуац, бжъыхъэ жэп гуацIэр зытеха ницIацэу, гуIэгъуэм сиунIышкIуац...*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 80]. / <...ужасный вид, исхудала вся, похожа на лист, покрытый осенним инеем...>.

«*Ныкъуэхъуу жэп гуацIэ зытеха къэбу абы и фэр зэм ныкIырт...*» [Къэрмокъуэ 1988: 365]. / Его лицо напоминало полужрелую тыкву, запорошенную густым инеем ...>.

«*Ауэ зэрыубыда IутIым хэт, абы цызэблэж лъыр апхуэдэу гуацIэти, хъыджэбзым и цIыфэр кIэзыурэ хэскIыкIырт...*» [Щамырзэ 2002: 13]. / Взявшись за руки, девушка почувствовала, как горяча была его кровь...>.

«*Апхуэдэу гуащIэу кыIупльэнкIэ хьуниц ар Софят...*» [ЩоджэнцIыкIу, 1962: 75]. / Наверно, от так выразительно посмотрел на Софят...>.

<...*икIи а зы дакыкыэм щыму ныбжыщIитIыр нэкIэ зэрызэпсалгэр куэдкIэ нэхъ гуащIэц икIи нэхъ лъанIэц...*» ...» [Щамырзэ 2002: 95]. / <...то, как молодые разговаривали глазами, было гораздо красноречивее, и стоило дороже...>/

5. Болезни, лекарства. В примерах рубрики актуализируется интенсивность протекания болезни, тяжесть перенесенной болезни, эффективность лекарств.

«...*уз гуащIэ зыкырытым ещхьу, зызэригъалгэу*» [ЩоджэнцIыкIу 1962:149]. / <...она шаталась, будто была страшно больна.

«*Пцащэм и цхьэр плыржыгъэрым нэхъри гуащIэу зэщIецтэж...*» [ЩоджэнцIыкIу1962: 22]. / Голова девушки еще сильнее покрылась красными пятнами.

«*Нэхъ гуащIэ дыдэу уиIэ хуцхьуэр кыызэт...*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 137]. / Дай мне самое сильное лекарство, какое у тебя есть.

«*Софят икырытыр екIуа грипI гуащIэм кыIэта техьэгъуэжыт*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 137]. / От сильного гриппа у Софийт начался бред.

«...*гу жаници ар уз гуащIэм иужыгуауи кыпхуэцIэжынкыым*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 175]. / <...достаточно энергичная, нельзя было сказать, что она только после тяжелой болезни.

«...*уIэггэ гуащIэ темыльу пIэрэ е зы фэбжы хьэлгэ кытемыхуарэ?*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 125]. <...может у него сильное ранение или какое-то увечье?

6. Небесные тела. В рубрике актуализируется яркость, интенсивность свечения, сияния небесных тел.

«*Жэц сменэм и вэгъуэ гуащIэт*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 48]. / В ночную смену звезды светили ярче.

«*Нобэрей дыггэр гуащIэц, вагъуэ хуабэм бахьэр кьащхьэцотаджэ*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 73]. / Сегодня солнце было очень жарким, над теплыми звездами поднимался пар.

«Гъэмахуэ шылэ дыгъэ гуащIэм куэдрэ игъэгъунт шыпсыранэр [КIэрэф 2009: 354]. / Под ярким летним солнцем крапива быстро высохла.

«Ауэ ныбжьыщIитIым къахукъуэкIа дыгъэм и нобэрей бзий гуащIэм мыхэр анхуэдэу къигъэгъушхуат, къигъэхуэбати къашихъурт дыгъэр гуащIэу къепсу...» [Щамырзэ 2002: 83]. / Сегодня для молодых выглянуло солнце, его жаркие лучи согрели и взбодрили их...>

7. Разгар деятельности, события.

«Бэзэрым и гуащIэгъуэт» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 8]. / Базар был в самом разгаре.

«Хадэ щащIэ зэманым и гуащIэгъуэщи, физхэр лажьэу зэрымыт зы хади плагъункъым» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 162]. / Была самое время засеять огород, везде, во всех огородах можно было видеть работающих женщин.

«Вэн-сэным и гуащIэгъуэ дьдэт» [ЩоджэнцIыкIу, 1962: 75]. / Был самый напряжённый период посевных работ.

<...Алоу-уэхь, мыр слIожь, мыр сыту фи гуащIэгъуэ!» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 171]. / <...О, Аллах, как сильно вы заняты!

«...гъатхэ лэжIэыгъэ зи гуащIэгъуэм иращIэкIа псалъэмакъ ...» [Къэрмокъуэ 1988: 483]. / <...затяжи разговоры в самый разгар весенних работ.

«Абы щыгъуэм зауэр Шэшэным и гуащIэгъуэу щекIуэкIырт» [Щамырзэ 2002: 110]. / Это было время самого разгара войны в Чечне.

«ГъавэгъэкIым и гуащIэр ар гуащIэшхуэщ» [Къэрмокъуэ 1988: 480]. / «Выращивать урожай – это самый тяжкий труд».

8. Действие, активность.

«Сондэдэжэрхэм я Iуэхури абы ещIэу, ауэ нэхъ гуащIэгъуэ екIуэкIащ.» [Къэрмокъуэ 1988: 510]. / У спекулянтов дела пошли еще лучше.

«– Сэ си лэжьыгъэр гуащIэщ, и кIэм нэзмыгъэсу сыкъыщIэкI хъунукъым, – жи Зарэ» [Щамырзэ 2002: 86]. / У меня очень ответственная (серьезная) работа, пока не закончу, выйти не могу.

«ТхIээмахуэ зы-тIу, зы мазэ хуэдэкIэ щигъэтырт фадэри, хилъхIэа тхIээрыIуэри игъэпIыжауэ, нэхъ гуащIэгъуэ щIидзэжырт» [Къэрмокъуэ 1988: 64]. / Недели на две прекращал пить, потом опять начинал, с новой силой.

9. Сила энергия. Производный субстантив *гуащIэ* (сила, энергия, трудность) актуализирует именуемое им качество автономно, в «чистом виде», как свойство человека, или различных событий, активностей.

«...*Иейм сызэрыпэщIэтын фIы си гуащIэм дэКIэокрыртэкъым*» [Къэрмокъуэ 1988: 133]. / <...я не знал, какой силой противостоят злу.

«...*псэм фIэкъабылу къыхих, и гуащIэ дэхуэн лэжIэыгъэ ИзнатIэ...*» [Къэрмокъуэ 1988: 322]. / <...то, что было ему по душе, это посильная работа.

«*ГъавэгъэкIым и гуащIэр ар гуащIэшхуэщ*» (Къэрмокъуэ 1988: 480). / Чтобы выращивать урожай, нужны огромные силы и энергия.

«*ПщIыхъэ пIэуи нахуапIэуи Зарэ зэи игъэунэхуакъым иджыпсту и гум IэфIу, гуапэу къыдыхъэ къару гуащIэм хуэдэ*» [Щамырзэ 2002: 14]. / Ни в мечтах, ни наяву Зара никогда не чувствовала такой прилив энергии.

«*Псэм и щIыхъымрэ и гуащIэмрэ пэувын, абы нэхърэ нэхъ лъапIэ, нэхъ лъэщ щыIэкъым*» [Щамырзэ 2002: 33]. / Ничего в жизни не может сравниться с честью и отвагой человека.

«*Абыхэм я гъащIэри я гуащIэри зыхуэунэтIар – еджэн, къэралым псэ хъэлэлкIэ къулыкъу хуэщIэныр арт*» [Щамырзэ 2002: 35]. / Вся их жизнь и энергия были направлены на учение и выполнение своего долга перед страной.

«*Фэ дэнэ щызыхэфщIэн лъагъуныгъэм цIыхум къыхуихъ гуфIэгъуэмрэ гухэщIымрэ, я гуащIэр здынэсыр!*» [Щамырзэ 2002: 179]. / Откуда вам знать силу радости и печали, которую любовь несет людям.

«*Дыгъэм и гуащIэр иджыри къызэремыблар...>* [Щамырзэ 2002: 177]. / Солнце еще не припекало...>.

10. Природные явления

«*Ирехъ гъуэжъкуийм и гуащIэм ЛатIинэ къибжа псори!*» [Щоджэн-цIыкIу 1962: 188]. / Пусть сильный ветер унесет все печали Латины!

«*Жъыбгъэ, жъыбгъэ, жъыбгъэ гуащIэ, Щхъэ ныщхъэбэ уета?*» [КIыщокъуэ 2002: 254]. / Ветер, лютый ветер, почему так сильно разошелся?

В кабардино-черкесском языке отсутствует вектор семантического развития *прокисший, испорченный*, характерный для русского языка: ср.: *прокисший суп, прокисший салат*. Это содержание передается лексемой *фIэIуа: шэ фIэIуа* – прокисшее молоко. Она же используется для семантизации специальной ферментации продуктов *гъэфIэIуа: ‘къэбыстэ гъэфIэIуа’* – квашеная капуста. Кабардинское *гуащIэ*, активно развивающее признаки положительной направленности: *сильный, энергичный, серьезный, отважный* и т.п., не используется для объективации внешних проявлений настроения и душевного состояния человека: *кислое выражение лица, кислая улыбка, настроение* и т.п. Для этих целей в кабардино-черкесском языке существует переносное значение лексемы *зэхэуфа* – *пасмурный, сумрачный*. Ср. *‘нэгу зэхэуфа’* – кислое выражение лица.

Экспликация концептуального расширения признака *гуащIэ* (кислый) в кабардино-черкесском языке возможна при обращении к внеязыковой информации, к свойствам и качествам прототипического денотата *шху* – кисло-молочный продукт. Они прослеживаются во всех ЛСВ лексемы *гуащIэ* (кислый). Характеристики другого эталона – *мыIэрысэ* (яблоко) не актуальны для интерпретации производных значений исследуемого признака. Его фиксация в словарной статье (в первом значении) выполняет, на наш взгляд, лишь иллюстративную функцию, не дотягивая в полной мере до эталона, поскольку другой популярный фрукт *пхъэгуль* (алыча) обладает более выраженным кислым вкусом. Анализ семантической деривации полисеманта *гуащIэ* (кислый) выявляет действие метафорического механизма варьирования, который сопоставляет далеко отстоящие друг от друга домены.

Анализ особенностей семантической деривации признака *гуащIэ* (кислый) и его текстовых фрагментов выявляют приоритетность компонентов *сильный, крепкий, интенсивный, энергичный*, имплицитные, практически, во всех значениях лексемы *гуащIэ* (кислый). Следовательно, представляется возможным вывести инвариантное значение лексемы *гуащIэ*/ кислый – *сильный*. Оно является доминантой вышеприведенного синонимичного ряда.

2.8. Базисный признак *дыдж* – горький

Вкусовой признак *дыдж* – горький по частотности употребления значительно уступает *ІэфІ* (сладкий) и *гуащІэ* (кислый) и составляет 138 примеров.

Автор этимологического словаря кабардино-черкесского языка А.К. Шагиров, рассуждая о возможных вариантах происхождения лексемы *дыдж* (горький), склоняется к вероятной связи лексемы *дыдж* с ‘дэ’ – орех и привативного суффикса – ‘джэ’ (-гъэ). Проводится параллель с грузинской приправой: ‘горький грецкий орех в уксусе’, употребляемой в виде горчицы [Шагиров 1977а: 156]. Зеленый недозревший орех имеет выраженный горький вкус. В основе английского *bitter* лежит действие *bite* – ‘кусать’, которое в атрибуции переходит в признак – *режущий, кусающий жгучий*. В русском языке этимология слова отсылает нас к глаголу *гореть* – результату неудачных кулинарных опытов, после которых еда приобретает неприятный горький вкус.

Словарная статья признака *дыдж* включает два значения. Толкование первого основного значения представлено антонимическим противопоставлением сладкому: ‘*Іэфым мыхъэнэкІэ къыпэщым*’ – ‘противоположный сладкому по значению’. Оно содержит русский коррелят *горький*. Эталон, наполняющий данный признак содержанием, не представлен в словаре, есть только иллюстративный пример: *хуцхъуэ дыдж* (горькое лекарство) [СКЧЯ 1999: 130]. Хотя в кабардинской лингвокультуре воплощением данного вкусового признака является *зэз* (желчь) – ‘жёлто зелёная или жёлто бурая горькая жидкость, выделяемая печенью и желчным пузырем’ – *зэзым хуэдэу дыджыц* (горький, как желчь), что подтверждается информантами. *Желчь* объективно обладает выраженным горьким вкусом. Выбор именно этого референта в качестве репрезентанта *горького* вкуса обусловлен тем, что адыги хорошо знали анатомическое строение животных, так как скотоводство и охота были важными составляющими их жизненного уклада. Они хорошо были знакомы со свойствами желчи, маленькая капля которой могла сделать мясо несъедобным. Поэтому *желчь* является психологически более выделенной для адыгов. Для

других языков универсальными эталонами служат *полынь* и *хина*: «имеющий своеобразный острый, едкий, обычно неприятный, иногда стимулирующий вкус, подобный вкусу полыни и хины» [<https://gufo.me/dict/ushakov/горький>]. В английском языке в качестве эталона для *bitter* упоминаются апельсиновая корка и черный кофе – ‘having or denoting an unpalatable harsh taste, as the peel of an orange or coffee dregs’ [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com>]. В кабардино-черкесском языке полынь не может служить эталоном, так как концептуализируется через признак *дыдж* в сложном слове – *удз дыдж* (горькая трава). Недопустимо толкование признака через сам признак. Категоризация на начальном этапе становления лексикона проходит при участии непроемных языковых единиц. *Хинин* – заимствование из русского языка, и по определению не может быть эталоном ‘*дыдж*’. Хинин является алкалоидом, содержащим азот. Его получают из коры южноамериканского дерева и используют для медицинских целей. Апельсины и кофе являются поздними включениями в гастрономическую карту адыгов, поэтому они никак не могли стать эталонами *дыдж* (горький). В основе вкусового ощущения *дыдж* (горький) лежат азотосодержащие вещества. Этот вкус обладает самым низким порогом чувствительности. Требуется всего 0,001-0,002% раствора солянокислого хинина для получения реакции вкусовых рецепторов ротовой полости. Зоны, ответственные за распознавание *горького*, – это задняя спинка и корень языка [Крихели 2011: 17].

Второе значение *дыдж* (горький) представлено переводными коррелятами ‘*злой, жёлчный, едкий*’ [СКЧЯ 1999: 130] и иллюстративными примерами: *Гуапэу щымыт* (недружелюбный, неласковый), что с натяжкой может сравниться с желчностью и злостью, имплицитруемым этим адъективом, и *Псалгэ дыдж жыIэн* (сказать обидные, едкие слова). Второе значение *дыдж* (горький) развивается вследствие переноса вкусового признака ‘горький’ на объекты конкретной и абстрактной сфер. Такой вектор семантического развития характерен для метафорических переносов.

Дыдж (горький) в своем основном значении может определять имена существительные, которые обозначают различные растения, овощи, фрукты, имеющие горький вкус: *зэрыджэ* (калина), *мы* (яблоко дичка) *мэракуэ* (земляника), *пыжь* (терн). Например:

«...*жыгым бгъэдохъэ, шытIыскIэ мыр къещтэ, йодзакъэ, арицхъэкIэ ар дыджци хыфIедзэ...* [Кыщокъуэ 2006: 74]. / <... подошел к дереву, садясь, взял дичку, откусил, оказалась очень горькой, выбросил.

Трудно представить, что приготовленная еда может быть отмечена вкусом *дыдж* (горький), разве что при нарушении рецептуры, в результате порчи или использовании некачественных продуктов. В нашу выборку не попали примеры сочетаемости признака *дыдж* с названиями приготовленной еды.

Допустимо, что особые напитки могут иметь *горький* вкус, как полынная водка – абсент, например, или какой-нибудь ликер на травах. Подобного рода напитки не имеют своего обозначения в кабардино-черкесском языке. Они заимствованы из русского и гипотетически могут определяться признаком *дыдж* (горький). В выборку попало собирательное имя алкогольного напитка – *фадэ*. Примеры с этим именем малочисленны: «...*бзаджэм сэ иджыри къэс схузэхичIэу къызитыжа фадэ фальэ дыджми и щIэм нэс ефэжын хуейри сэрац!*» [КIэрэф 2009: 14]. / <... напиток, который до сих пор готовил этот негодяй, я должен был выпить до конца.

Как показывает эмпирический материал, второе, не перцептивное значение признака *дыдж* (горький), распространяется на ряд сущностей абстрактной и конкретной сфер бытия человека. Рассмотрим выделенные рубрики в порядке убывания частотности употребления.

1. Речевое поведение. Рубрика включает имена, называющие следующие формы речевой деятельности: *слова, вопрос, разговор, реплика, новости* и некоторые другие коммуникативные эпизоды. Их всех объединяет чрезмерная колкость, цинизм, жестокость, злоба. Они глубоко ранят адресата, задевают его глубинные чувства. Например:

«...Софят зигъэкъуэнишэжу зыдэщытым, псалъэ дыдж, губгъэн щытыр къызэхихыным Iэнкуну хъыджэбзыр нэплъэрт...» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 93]. / <...обиженная Софят стояла в недоумении, думая, в каких словах разглядеть обиду и язвительность ...>

«...псалъэ дыджым игъэшынауэ нIэрэт?» [Къэрмокъуэ 1988: 411]. / <...интересно, она испугается этих едких слов?>

«Уеблэмэ махуэ къэс къызэщIэст псалъэмакъ дыджым Виктор и гувзэвэгъуэр IэщIыб иригъэщIыжыным нэсат» [Щамырзэ 2002: 15]. / Почти каждый день она выходила из себя, язвительно говорила, не обращая внимания на переживания Виктора.

«Зэми, фIыуэ ищIар игъэкIуэдыжу, дыджу псалъэнт, щIыкIейуэ зызэкIэщIишынт...» [Къэрмокъуэ 1988: 253]. / Своими едкими речами иногда она перечеркивала все хорошее, что сделала...>

«Хъэжрэт гуэрыр и нэгу къыщIохутэ, абы и псалъэ дыджхэри IушIу зэхех...» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 188]. / Опять в памяти всплывал образ Хажрета, она вспоминала его обидные слова.

«А ушIэ дыджым щынэсым заныщIэу и гур къиузыкIащ, и щхъэми дэжесыщ абы къыкIынкIэ хъунур» [КIэрэф 2009: 66]. / Когда он задал этот жуткий (очень неприятный) вопрос, у нее сразу заболело сердце.

Относительно высокая частотность использования данного признака при характеристике различных речевых эпизодов свидетельствует о значимости неприятного, трудно переносимого горького вкуса (дыдж) в концептуализации негативной оценки речевых эпизодов.

2. Эмоции, чувства. Рубрика включает имена, называющие различные эмоции: *злость, подозрение, наказание, догадка, волнение, беда, печаль, горе*. Например:

«...ар гурыщхъуэм я нэхъ дыджуи щрети, и Iэпэм щIримышэкIын щхIээусыгъуэ иIэт» [Къэрмокъуэ 1988: 469]. / <...пусть это будут самые страшные сомнения, у нее были причины не думать об этом...>

«А зы напIэзыпIэм зэгуэп дьдджри, лъагъуныгъэ IэфIри, гуцIэгъури... [КIэрэф 2009: 233]. В эту же секунду нахлынули неистовая злость, сладкая любовь, жалость...».

«Абы дьддж кыIурыхъуэжам хуэдэт и псэм IэфIу зыхищIа дакъ-икъэхэр» [Къэрмокъуэ 1988: 185]. / Его едкие слова можно было сравнить с наполнявшими ее душу приятными мгновениями.

«КъантIасэ дьгъуасэ хуэдэу Iэрихъуэрыжкъым, и гурыгъу дьддж-хэм яIыгъыу хэплъызэу щытыжкъым» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 159]. / Кантаса не выходит из себя, как вчера, не сосредотачивается на своих жутких воспоминаниях.

В материале этой рубрике выявлены случаи объективации негативных ощущений при положительной коннотации определяемого слова:

«Цыхухэмрэ унагъуэмрэ къабгъэдэкIыу езым кыыхуэгъэзауэ жаIэхэр Нюрэ кыищыгуригъаIуэм, дьдджу цIэгъуфIыкIри, езыри къемыплъэкIыу, зигъ-эбгъакъэу ежъэжаир» [Абытэ 1991: 287]. / После того, как Нюра поняла сказанное от лица семьи и людей слова, она горько улыбнулась и гордо ушла.

3. Жизнь, периоды жизни. Признак *дыддж* актуализирует жизнь полную тягот, разочарований, огорчений, всевозможных испытаний.

«Сыту хъэлъэ, дьддж, сытуи гуцIэгъуниэ фызабэ гъащIэр...» [Щамырзэ 2002: 120]. / «Как тяжела, горька и беспросветна жизнь вдовы».

«ГъащIэм и IэфIым насыныфIэ ищIыра хъэмэрэ гъащIэм и дьдджым ириудыхыра?» [Щамырзэ 2002: 166]. / Радость жизни делает человека счастливым, или горечь жизни сбивает с ног.

«...езым и цхIээм кыльыса гъащIэ дьдджри нэхъ гъэкIуэгъуафIэ кыи-щыхъужыну, и гур зыгуэркIэ нэхъ тIысыну...» [Къэрмокъуэ 1988: 69]. / «...сделать горькую жизнь, что досталась ему, более приятной, успокоить свое сердце...».

«...нобэ и пацхэ къралъхауэ кыщыхъут гъащIэм и зы дьдж джаби зэи емьбзея щIалэщIэм» [Щамырзэ 2002: 10]. / <...показалось, что ему предстоит попробовать одну из горьких сторон жизни.

«Ауэ абы дэщIыгъуу гъащIэм и дьджери кьоунэху, кыкыуокI» [Щамырзэ 2002: 166]. / В надежде на другое, жизнь открывает свои горькие (тяжелые) стороны.

«Тхэм апхуэдэ дьджхэр ди щIыналъэ фIэкIа къримыхъэкIэ?» [Абытэ 1991: 337]. / Пусть в нашей жизни больше никогда не будет таких горьких времен!

«Ей, лыфIхэ, зэманыр дьджщ! Псоми дыпывгъэкIи, кыуажэм ди цхъэр дэвгъэхъумэжи нэхъыфIц...» [Абытэ 1991: 228]. / Эй, мужчины, времена наступили тяжелые! Давайте постараемся сохранить наши жизни...>.

4. Воспоминания, мысли. В группе объединены слова, называющие результаты ментальных и психических процессов, состояние человека, его настроение. Вкупе с *дыдж* формируется комплекс негативных ощущений, которые можно передать рядом атрибутов с отрицательной коннотацией:

«Руслан, цхъэукъуэу кызыщагъэуам хуэдэу, кыхоцтыкI, «Иий» жери, и гупсысэ дьджхэм кыауфэрэзыху зреч [Щамырзэ 2002: 102]. / Руслан вздрагивает в дремоте, кричит и, охваченный страшными мыслями, вскакивает.

«Абы кыыхэкIыу гупсысэ дьджхэм зи гур яубыда Галинэ и теплъэр кIуэдырт...» [Щамырзэ 2002: 121]. / Образ Галины, возникший среди беспокойных (панических) мыслей, исчезал...>.

«...йогупсысыр Галя иджыпсту и нэгу щIэкIа теплъэгъуэ дьджым» [Щамырзэ 2002: 134]. / «Галина размышляла над жуткой сценой, возникшей в ее памяти».

«Абы цужькIэ, гупсысэ дьджхэм акылыр ягъэутхъуэу...» [Щамырзэ 2002: 138]. / После этого от неприятных мыслей у нее помутнел разум.

5. Человек. Группа представлена примерами, где дается целостная характеристика человеку на основании его поведения, действий, особенностей общения с окружающими. *Дыдж* (горький) охватывает широкий спектр отрицательных черт человека.

«*Пэжыр пи́лэну ухуеймэ, мыраиц пэжыр: мы ди жылэр уэ кьып-теплэ хьуркьым, уцыхуфкьым, удыджыц, убзаджэц...*» [Кьэрмокьуэ 1988: 207]. / Если хочешь знать правду, вот она, правда: тебя наши люди ненавидят, ты плохой человек, желчный, хитрый...>.

«*КьэкIуэжырти пхьашэт, дыджт, цхIээхуэу хэлът. Арат и гьащIэ псор зэрихIэыр*» [Кьэрмокьуэ 1988: 132]. / Приходил домой, был груб, резок, язвил, спал отдельно.

6. Природные явления. В малочисленной рубрике представлено имя, называющее атмосферное явление *жьы* – ветер – горизонтальное движение воздуха. Атрибуция ветра признаком *дыдж* акцентирует его силу, интенсивность. Пронизывающий, холодный, промозглый ветер и связанные с ним неприятные физические ощущения концептуализируются вкусовым признаком.

«*Икли абы кьыхэкIкIэ губгьуэ жьы дыджымрэ гьуэгуцхьэ мафIэм и Iугьуэмрэ я мэр кьащыуат, жьыжьэу кьыпицIухьэу*» [КIэрэф 2009: 106]. / Их пронизывал сильный степной ветер, он принес запах дыма, горящего у дороги огня.

«*Сэфари и гуэбэнэчыр щитIэгьащ, а щыIэбжь дыджыр зыхимыщIами*» [КIэрэф 2009: 446]. / Сафар одел свою старую куртку, хотя и не почувствовал пронзительный ветер.

Данное значение признака *дыдж* перекликается с английским *bitter* – ‘Bitter weather is extremely cold, especially in a way that causes physical pain: bitter wind’ [Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>].

7. Запах. Смешение вкусовых и одорических ощущений является нормой, обусловленной онтологией мира, что ярко подтверждается при-

мерами из русского и английского языков (*горький запах полыни, пила; bitter smell of coffee, cigarettes etc.*) Явление не типичное для кабардино-черкесского языка, что подтверждает эмпирический материал.

«...кхэрэкхурэ Iугъуэ дьджымрэ фэтыджэн Iугъуэ фIыцIэмрэ зы хъужащ» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 108]. / <...смешался едкий дым травы и черный дым керосина>.

«Абы щекIуэкI нэр щIэзысыкI зауэм и Iугъуэ дьджыр, кIуэтэху зи-убгъуу тегъуалъхъэт» [Щамырзэ 2002: 138]. / Едкий дым войны, выжигающий глаза, медленно распространялся.

8. Локация. Признак *дыдж* (горький) при сочетании с именами, обозначающими некоторые виды ландшафта, концептуализирует признак *опасный, страшный, гибельный*.

«... а щIыпIэ дьджхэм имытын, мыщэкIуэн хузэфIэкIыртэкъым» [КIэрэф 2009: 423]. / <... он не мог не ходить в эти опасные места, не мог не охотиться там.

«НтIэ, фэ сьт гъуэдыджым физыхуар?» [КIэрэф 2009: 435]. / Ну, и что вас понесло в эту опасную нору (логово).

«...зи кхежъапIэм щымыгъуэзапэ гуэхугъуэ дьджым зыкъомрэ егупсысащ, итIанэ блыным фIэль шинелыжъыр кыфIихи...» [Щамырзэ 2002: 101]. / <...он долго думал об овраге, не знал, где он начинается, потом снял со стены свою старую шинель...>.

В целом текстовые примеры подтверждают наличие резко отрицательной оценки в признаке *дыдж* (горький) при атрибуции различных классов объектов. Это обусловлено перцептивными свойствами самого вкуса, теми крайне неприятными ощущениями, связанными со вкусом *дыдж*. В русском и английском языках есть исключения, когда данный признак проявляет положительную коннотацию. Это касается случаев наименования сорта шоколада: '*горький шоколад*', '*bitter chocolate*'. В этом случае важным оказывается, «чистота» продукта, отсутствие добавок в

виде сахара или меда. Без них шоколад (какао-бобы) действительно имеет горьковатый вкус. В кабардино-черкесском языке нет номинации этого продукта, используется заимствование из русского – ‘горький шоколад’.

В целом посредством метафоризации признак *дыдж* (горький) переносится из сферы физического перцептивного восприятия в сферу психического, эмоционального и ментального мира человека. В этой общей тенденции выделяется квалификация определённого вида местности или природного образования, или места, приспособленного животными для проживания, не имеющей аналогов в русском и английском языках.

Адъектив *дыдж* (горький) вместе с другим вкусовым признаком ‘*ІэфІ*’ (сладкий) образует ФЕ ‘*ІэфІрэ дыджрэ гъэунэхун* – букв: ‘сладкое и горькое узнать (распознать)’. Оппозиция символизирует *хорошее* (*ІэфІ*) и плохое (*дыдж*) и, как правило, соотносится с опытом человека, когда он уже познал радость, счастье и разочарование, горечь. Например:

«*ІэфІри дыджри зыгъэунэхуа мо щІалэжІэ хІээкІэ пычыжІэым фІэкІ игъуэтыркъэ?*» [Къэрмокъуэ 1988: 23] / Познавший радость и горе, неужели, кроме этого отвратительного парня, никого не мог найти?

Другой значение этой ФЕ – *узнать что-либо на вкус, попробовать*:

«*Пыхыр ІэфІрэ дыджрэ зэбгъэщІэnum, и нэгу бысымым заныцІэу щІэллэ...*» [Кыщокъуэ 2006: 27]. / Если хочешь узнать вкус еды, сразу посмотри в лицо хозяину.

Итак, адъектив ‘*дыдж*’ (горький) сообразно именуемой им перцепции, развивает векторы семантического расширения, которые восходят к общему инвариантному значению: в *высшей степени неприятный*. Использование данного признака с именами, обозначающими эпизоды речевой деятельности, фрагменты эмоциональной и психической сфер человека, отмечена высокой частотностью. Этот факт свидетельствует о значимости данного вкусового признака в концептуализации резко отрицательной составляющей речевого взаимодействия в кабардинской лингвокультуре.

2.9. Базисный признак *щыгъуэ* – солёный

Количество словоупотреблений адъектива *'шыугъэ'* является самым малочисленным в нашей выборке и составляет всего 26 примеров.

Признак *щыгъуэ* /солёный относится к категории прозрачных атрибутов в силу прозрачности его внутренней формы – *щыгъу* (соль). Так же обстоит дело и в русском – *солёный* (соль) и английском – *salty* (salt). *Щыгъу* – формирует эталон этого признака. Согласно этимологическому словарю [Шагиров 1977б: 142], лексема содержит основу *'гъуы'* – 'сохнуть', 'засохнуть'. Автор делает такой вывод на основании возможной связи с *'гъуышыгъ'* – железо, где вычленяются две морфемы *'гъуы'* – 'сохнуть' и *'щыгы'* – земля. В словаре нет объяснения первой морфеме *'щы'*, поэтому сложно сформировать целостное представление об этимологии лексемы *щыгъу* (соль). Требуется всесторонний этимологический анализ, что не предусмотрено рамками настоящего исследования.

Языковая категоризация *щыгъуэ*/солёный происходит на основании действия соленых веществ на вкусовые рецепторы языка. Для появления ощущения соленого вкуса требуется 0,1–0,2 % раствора поваренной соли [Крихели 2011: 17].

Соль жизненно необходимый продукт для всех живых существ, поскольку способствует выработке соляной кислоты, участвующей в процессах пищеварения. Она же обеспечивает передачу нервных импульсов, сокращение мышечных волокон, что поддерживает общий тонус организма человека. Переизбыток соли приводит к патологии сердечнососудистой системы.

Щыгъу (соль) в СКЧЯ [1999: 766] представлена только одним значением: 'поваренная соль'. Далее следует не толкование значения, как в русском языке, например, 'имеющий острый специфический вкус, свойственный соли' [СРЯ 1988: 192], а объяснение ее назначения: *добавляется в пищу при ее*

приготовлении. Признак *шыугъэ* представлен переводным коррелятом *соленый* [СКЧЯ 1999: 769]. В толковании акцентируется компонент: *‘шыгъу елеекIыу зыхэль’* (чрезмерное содержание соли). Получается, что необходимое содержание соли в веществе является нормой, придает особый вкус продукту и не объективируется человеком. Только превышение нормы, что является субъективным ощущением, привлекает внимание человека и получает языковую объективацию.

Перцептивный признак *имеющий вкус, свойственный соли*, актуализируется в сочетаниях с именами, называющими следующие классы объектов.

1. Вода и водные пространства, жидкости, содержащие соль. Вода (в реке, колодце, озере), пот, слезы, молочная сыворотка, рассол и др.

«КъуажэкIэм деж Бахъсэн Iуфэ «Гъуамэжъ» жары псы шыугъэ тIэкIу къыщыцIэжырти, абы къыхэпхыфыр уи Iыхъэт [Шортэн 2016: 398]. / В конце села, около реки Баксан, протекала маленькая речушка с соленой водой, все, что ты мог извлечь из этой воды, принадлежало тебе.

«Псынэм уефэ хъунуц, шыугъэц, дыджыц жумыIэ закъуэмэ» [Кыщокъуэ 2002: 400]. / Воду из колодца можно пить, если только она не покажется тебе соленой и горькой.

«Кхъуейр зэIымыхъэн цхъэкIэ шэжыпс шыугъэ халъхъэ». / Чтобы сыр не испортился, его заливают сывороткой (рассолом). Молочная сыворотка является побочным продуктом при изготовлении сыра и творога. При добавлении соли она используется как консервирующая жидкость для сохранения качества сыра.

«Тобэ, тобэ сыту нэпс шыугъэ куэд къытеткIуа а махуэм кхъужьей къудамэм» [Шортэн 2016: 426]. / Ах, сколько соленых слез пролилось на ветку груши в тот день».

Слезы по своей природе действительно имеют соленый вкус, поскольку содержат хлорид натрия. Степень его концентрации индивидуальна, поэтому солёность слез разная. Состояние организма плачущего человека сходно с

состоянием человека, выполняющего тяжелую физическую работу, так как активируется гормональная система щитовидной железы, надпочечников. В данном примере акцентируется не наличие соли в слезах, известный факт, а наличие слез вообще – свидетельство сильных душевных переживаний, волнений и расстройств.

«*Анэ псори зэцхыц, я нэпсри зэхуэдэу шыугъэц, ...*» [Клэрэф 2009: 512]. / Все матери одинаковы, и слезы у всех одинаково солены.

«*...сабий быдзышэу Iэфу, псынэм ецхIэу къабзэу, нэпсым хуэдэу шыугъэу, цIыху напэм хуэдэу лъапIэу...*» [Къэрмокъуэ 1988: 158]. / <...чтобы было сладким, как материнское молоко, чистым, как вода в колодце, соленным, как слеза, дорогим, как честь человека...>. В этом примере акцентируется соленый вкус слез.

Это же свойство слез подчёркивается и в предложении: «*Нэпс шыугъэр и нэкIум йобж*» [Шамырзэ 2002: 29]. / «Соленые слезы жгли ей лицо».

Хлорид натрия содержится и в поте человека:

«*Нэм цIэлъадэ пцIэнтIэпс шыугъэхэр иракъуэкIын напцIэ зыкъаIэтац...*» [ЩоджэнцIыкIу 1962: 155]. / Чтобы соленый пот не попал в глаза, они привстали...>.

Единичны примеры реализации соли как добавленного ингредиента к пище:

«*Джэдыжьым къыкIэрыху джэдыкIэ шыугъэ закъуэр цIыкIухэм чэзууэрэ язгъэшхырты...*» [Шамырзэ 2002: 29]. / Она по очереди давала детям есть одно соленое яйцо, снесенное курицей...>/

Примеры добавления соли в твердую и жидкую пищу не попали в нашу выборку, хотя подобное является обыденным действием в жизни. Мы добавляем соль в пищу, если ее солёность нас не устраивает. По всей вероятности, причина этого заключается в том, что это действие редко может нести какую-либо ценность в контексте художественного произведения.

2. Запах. В данной рубрике объединены объекты, содержащие соль, которую можно распознать по запаху из-за различных примесей или после растворения в воде. В этих примерах проявляется синестетические свойства перцептивных признаков.

«И дежкIэ ещэ жьбыбгъэм цIыхумэ шыугъэр Iурихъащи и щхъэр еутхыпщI» [КIэрэф 2009: 436]. / Подувший в его сторону ветер донес до него соленый запах человека.

«Ар, а уэздыгъеимэ гуащIэм хэзэрыхъа си адэм и пщIэнтIэпсымэ шыугъэрт» [КIэрэф 2009: 155]. / Это был запах пота моего отца, смешанный с резким запахом сосны.

«Мо былым гужьеяхэр бжъакъуэпэкIэ зэрыукIырт, зи мэ къащIихъэ псы шыугъэм я Iупэр нэсын папщIэ» [Къэрмокъуэ 1988: 89]. / Быки в панике начали бодать друг друга, чтобы быстрее добраться до воды, когда слышали ее соленый запах.

3. Ментальная активность.

«Пцащэр къезыхуэкIа гупсысэ шыугъэхэр нэхъ щабэ хъуащи, абыхэм я пIэм къоувэ хъыджэбзым и гум Iэ къыдэзылъэ, мурад дахэ зэмылIэужьыгъуэхэр» [Щамырзэ 2002: 79]. / Горькие (соленые) мысли, которые не давали покоя девушке, смягчились, уступив место приятным планам и намерениям.

Адъектив *шыугъэ* не используется в значении ‘приготовленный с добавлением соли’ для ферментации, как в русском языке: *соленые огурцы, помидоры* и т.д. Для этих целей в кабардино-черкесском языке есть лексема *фIэлу*: *нащэ фIэлу* (соленые огурцы), *кабыстэ фIэлу* (квашеная капуста). Исключение составляет мясо. Традиционно в кабардинской кухне перед приготовлением куски мяса уплощаются и обильно сдабриваются солью. Также поступают и при вялении мяса. Процесс именуется *лы шыун*; а его результат – *лы шыуа*. Две различные технологии использования соли при приготовлении продуктов – ферментация (естественное брожение под воздействием солевого раствора) и высушива-

ние продукта, сохраняемого консервирующими свойствами соли, получают различную языковую оболочку в языке: *фIэIу* и *шыуа* соответственно. Обращает на себя внимание отсутствие развитого семантического варьирования адъектива *шыугъэ* в кабардино-черкесском языке. Так, не выявлены корреляты русским: *солёный анекдот, солёные шутки, солёные словечки* и пр. В сочетании с продуктами речевой деятельности они генерируют значение *непристойный, грубый*, что не соответствует нормам этикета. Подобные смыслы актуализируются в кабардино-черкесском языке адъективами: *емыкIу, нэмысыниэ, къемызэгъ* (непристойный, неприличный, неподходящий).

Лексемы *шыгъу* (соль), *шыугъэ* встречаются в устойчивых и во фразеологических сочетаниях. Все они, так или иначе, связаны с едой. Например, *бжъыныху-шыгъу* – толченый чеснок с солью – распространенная приправа к мясным блюдам. Чрезвычайно популярна в обычном и гостевом застолье: «*Хъэбибэ бжъыныху – шыгъу иубт, и гуацэм джэд лыбжъ-апхъэр игъэхъзырт* [Абытэ 1991: 249]. / Хабиба толкла чеснок с солью, а ее свекровь готовила джэдлибжэ.

Шыугъэ шыпс – солёный рассол, который готовится на основании молочной сыворотки с добавлением соли. Используется для сохранения сыра. Помимо этого, сочетание по принципу метонимического переноса актуализирует пересоленную еду. «*Мыр шыугъэ шыпсц! Цыхум дауэ ищыхину ар!*» (Сильно пересолено! Человек не может это есть!).

Метафорический перенос символизирует сильное беспокойство и переживания в сочетании *шыугъэшыпсынэ* (букв. солёная постель). Например: «*Жэщым нэху щыху мыжейуэ шыугъэшыпсынэ Къэралби хэлъэц*»./ Каральби провел бессонную ночь в тревоге и беспокойстве. Внутренняя форма ФЕ достаточно экспрессивно передает мучения человека: практически невозможно выдержать контакт тела с крепким солёным раствором, а ФЕ транслирует картинку многочасового погружения в соляной раствор. Сочетание

шыугъэпастэ (букв. *соль паста*) – хлеб соль символизирует еду, угощение, хлебосольство хозяев. Приглашение к трапезе может звучать как: «*Фэдзакъэ шыугъэпастэ!*» (Отведайте угощение!). «*Сыаразыкъым си шыугъэпастэ фемыдзакъэу.* (Я расстроюсь, если вы не попробуете мое угощение).

Помимо этого сочетание символизирует длительные отношения между людьми: «...*шыгъупIастэр куэд цIауэ зыдигуэи Лъэщокъуэ бынунагъуэу зыхильхъэ щымыIэр*». / Она особо относилась к семье Лапшковых, с которыми давно делила хлеб – соль. Тесные дружеские отношения между людьми, которые предполагают частые гостевые визиты, передает ФЕ: *я шыгъупIастэ зэIурылфщ* (букв. они откусывают от одного куска пасты с солью). В примере: «*Ар плъагъурэ, си шыхъу цIыкIу, цIыхур тэрэзу узэрыцIыхун цхъэкIэ шыгъу пут зэдэпыхын хуейщ*» [АбытIэ 1991: 303]. / Видишь ли, сестренка, чтобы хорошо узнать человека, нужно пуд соли съесть с ним, – актуализируется принцип необходимости длительного общения с человеком для распознавания его истинных качеств.

Во фразеологической парадигме с компонентом *шыугъэпастэ* актуализируется и другая линия: готовность адыга собрать угощение на стол: *Адыгэ мыгъуэми шыгъу-пIастэ уигъэшхынщ* – букв. Даже бедный адыг даст поесть пасту с солью; *Адыгэм я нэхъ мыгъуэми шыгъурэ пIастэрэ къещтэ* – букв: Самый бедный из адыгов угостит тебя пастой с солью [Гутова 2016: 288]. Заслуживает внимания этноспецифика ФЕ: *шыгъушытс зэраутхыжащ* (букв: обрызгать друг друга соляным раствором) – разругаться, расстаться со скандалом. Внутренняя форма ФЕ актуализирует жгучие особенности концентрированного соляного раствора, чрезвычайно неприятные для человека. К тому же известны гербицидные свойства соли. Она способна уничтожать сорные растения, обезвоживая их. Процедура обрызгивания друг друга раствором соли символизирует безвозвратный конец дружеским отношениям.

Перейдем к рассмотрению вкусового признака *мышыу* – *шыгъу зыхэмыль*; *шыгъу ирикъуу зыхэмыдза* (пресный, недосоленный), который демонстрирует этноспецифичные векторы семантического расширения. Тривиальный дефицит соли в еде распространяется на продукты речевой деятельности, генерируя значение *бессодержательный, бессмысленный, пустой*. Например, речь, слова – *псалъэ мышыу*; шутки – *гушыIэ мышыу*. Приведем некоторые иллюстрации:

«*Ауэ абы и гушыIэр зыми зэхимыха хуэдэт – и чэзутэкъым гушыIэ мышум*». / Казалось, его шутку никто не услышал, не время было его глупым (несоленным) шуткам.

«*Си псалъэр псалъэ мышыуэ къыпфIэцIыниц, ауэ нэж фIэкла пIы жысIэнуэкъым*». / Вам мои слова могут показаться пустыми (несолеными), но я скажу только правду.

«*Псалъэ мышыу жызыIэм зыри едаIуэртэкъым*». / Никто не слушал его пустые (несоленные) слова.

Лексема также концептуализирует легкомысленного, пустого человека: *цIыху мышыу*; бессмысленные действия, поступки, совершаемые им: *Iуэху мышыу* (пустая, бессмысленная работа). Наряду с этим недостаток соли в продукте ассоциируется в кабардинском языковом сознании со скучными, лишенными какой-либо живости событиями, мероприятиями.

Итак, материал кабардино-черкесского языка выявляет дифференцированное именование соленых продуктов и использование соли в целях ферментации овощей. Признак *шыугъэ* (соленый), представленный одним словарным значением (чрезмерное содержание соли), в текстовых примерах, как показывает выборка, развивает два вектора – *запах и ментальная активность*.

Шыугъэ развивает сравнительно обширную словообразовательную и фразеологическую парадигму, в рамках которой выделяются этноспецифичные векторы, не свойственные русскому и английскому языкам.

Выводы

1. Сложный феномен перцепция вкуса является предметом исследования целого ряда наук. Физиология объективирует механизмы, обуславливающие то или иное вкусовое ощущение, устанавливая связь вкуса и зон языка и ротовой полости. Психологическое направление исследует связь типа личности и его вкусовых предпочтений, генетическую предопределенность к конкретным вкусовым ощущениям. В лингвистике исследуются языковое воплощение различных вкусов.

2. Категориальный концепт вкус, как и другие родовые понятия, является результатом умозрительных заключений, а не следствием отражения признаков объекта. Отсутствие родового понятия *вкус* в кабардино-черкесском языке не может никак повлиять на языковую историю его видовых понятий. В условиях естественного билингвизма, каковым является регион КБР, использование русского родового понятия вполне закономерно.

3. Контактность, субъективность, эталонность, культурологическая детерминированность являются отличительными признаками вкуса. Каждый язык развивает свою систему лексической объективации вкуса. Она включает оттенки, качество, степень выраженности, оценку вкусовых ощущений. Значимость вкусовых ощущений в жизни человека обуславливает приращение дополнительных смыслов (измерений), связанных с тенденциями развития общества.

4. Минимализм гастрономического меню кабардинского этноса связан с основным укладом жизни этноса. Социальные факторы также повлияли на формирование вкусовых предпочтений народа. Скромная синонимичная вариабельность вкусовых обозначений является следствием традиционно сдержанного отношения к еде, которую отличала простота, естественность и рациональность.

5. Базисный признак *ІэфІ – сладкий* является ведущим по численной репрезентации в выборке (368 текстовых фрагментов). Эпидигматика включает три значения. Адъектив отмечен широким диапазоном метафорического расширения: *чувства, эмоции, впечатления; любовь; воспоминания, мысли; время и его периодизация; жизнь; речевая деятельность; физическое со-*

стояние; работа, действие; человек, черты характера; запах; небесные светила. Общее инвариантное значение – *приятный, доставляющий наслаждение.* Признак *IэфI* – *сладкий* не имеет отрицательной коннотации (чрезмерная любезность, угодничество, лицемерие), свойственной русскому *сладкий*. Также не выявлены случаи употребления *IэфI* – *сладкий* для положительной оценки общего вида человека или объекта (*sweet look; sweet house.*)

6. Количественная репрезентация признака *гуацIэ* – *кислый* составляет 234 примера. Словарная статья адъектива включает пять значений, которые обнаруживают метафорические переносы и метонимические сдвиги. Анализ текстовых фрагментов использования признака *гуацIэ* выявляет большое разнообразие векторов семантической деривации: *эмоции, чувства, воспоминания; речевое поведение; запах; внешность человека; небесные тела; разгар деятельности, события; действие, активность; сила, энергия; природные явления.* Общее, инвариантное значение признака *гуацIэ* – *сильный.* Он является доминантой синонимического ряда *крепкий, интенсивный, энергичный.*

7. Вкусовой признак *дыдж* – *горький* по частотности употребления значительно уступает *IэфI* (сладкий) и *гуацIэ* (кислый) и составляет 138 примеров. Его словарная статья включает только два значения. Метафорическое расширение распространяется на следующие сферы: *речевое поведение; эмоции, чувства; жизнь, периоды жизни; воспоминания, мысли; человек; природные явления; запах; локация.* Общее невариантное значение, которое проявляется во всех текстовых фрагментах употребления данного признака: *в высшей степени неприятный.*

8. Самой низкой частотностью употребления отмечен признак *шыугъэ* – *соленый:* 26 примеров. Признак, представленный одним словарным значением, развивает два вектора: *запах и ментальная активность.* В кабардино-черкесском языке проявляется дифференцированное именование просто *соле-содержащих* продуктов – *кхъуей шыугъэ* (соленый сыр); соленых продуктов с целью ферментации – *нацэ фIэIу* (соленые огурцы); вяление мяса – *лы шыуа.* Данный признак имеет развитую словообразовательную и фразеологическую парадигмы, элементы которой отмечены высокой этноспецифичностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные постулаты когнитивной лингвистики: антропоцентричность, междисциплинарность, экспланаторность определяют общее направление современных языковедческих работ. Руководствуясь этими положениями, в диссертации был проведен лингвокогнитивный анализ перцептивной категории вкуса в кабардино-черкесском языке, с привлечением информации естественнонаучного и культурологического характера. Сообразно своему периферийному положению в сенсорике человека, вкусовые ощущения имеют низкую лексическую представленность, что наряду с высокой степенью субъективности и диффузности значений, их эталонности, превращают вкусовые прилагательные в сложный объект для исследования.

Результаты вкусового опыта, представленные базисными прилагательными вкуса, входят в ядро ЯКМ, которое объединяет *репрезентирующие, доконцептуальные структуры*. Базисные прилагательные развивают полисемию, представленную в виде идеализированной когнитивной модели, организованной по принципу прототипической категории. Появление новых значений в структуре адъектива является результатом расширения диапазона его сочетаемости с именами, принадлежащими к одному и тому же домену (метонимический сдвиг) или различным доменам (метафорический перенос).

Метонимия и метафора – важнейшие механизмы категоризации и концептуализации – отличаются тем, что первая нацелена на смещение фокуса внимания в пределах одного сложного объекта, а вторая – на перенос свойств и характеристик с одной группы денотатов на другую. Метафора объективно более сложный механизм образования новых значений. В работе показано, что ее идентификация и исследование значительно осложняются неавтономностью семантики признаковых имен. Признак подвижен по своей сути. Он может сочетаться с различными классами имен, совместимыми с ним по своей семантике, что приводит к метафоричному расширению. Системные метафорические переносы фиксированы в словарных статьях соответствующих адъективов.

В ходе исследования было установлено, что в кабардино-черкесском языке эталон признака *ІэфІ* (сладкий) – *мед и сахар* имеют универсальный характер в силу их абсолютной распространенности и выраженного сладкого вкуса. Включенность эталона *щыгъуэ* (соленый) в семантику самого признака, как в русском и английском языках, превращает его в универсальный эталон. Вкусовые признаки *гуащІэ* (кислый) и *дыдж* (горький) объективируют содержание через этноспецифичные эталоны – *щху* (кисломолочный продукт) для первого, и *зэз* (желчь) – для второго.

С целью выявления диапазона семантического расширения семантики вкусовых прилагательных кабардино-черкесского языка была проанализирована обширная группа текстовых фрагментов в терминах векторов метафорического переноса. Существенные расхождения количественной репрезентации и направлений семантической деривации в исследуемых базисных вкусах позволили сделать выводы об особом видении мира и возможностях его интерпретации посредством вкусовых прилагательных.

Совмещение анализа словарного представления вкусовых признаков и их речевого использования позволило объединить два подхода концептуального анализа прилагательных вкуса, что обеспечило полноту репрезентации категории вкуса в языковой картине кабардино-черкесского языка. Были выявлены возможные траектории смыслового развития адъективов на основании регулярных тенденций их смыслового развития, проявляющихся в речевом использовании. Для признаковой природы вкусовых адъективов последнее является чрезвычайно важным, поскольку их семантика реализуется только в сочетании с именной лексикой.

Отсутствие в кабардино-черкесском языке родового понятия *вкус* связано с внутриязыковыми причинами и никак не влияет на картину вкусовой перцепции, поскольку является результатом умозрительных обобщений, а не следствием отражения признаков некоторых объектов. Условия естественного билингвизма обеспечивают кабардино-черкесский язык соответствующим

родовым понятием из русского языка (вкус), что является объективной причиной, препятствующей формированию категориального понятия.

Проработка культурологического материала для достижения полноты описания категории вкуса в кабардино-черкесском языке показала выраженную детерминированность эталонов, специфики семантической деривации и семантического варьирования вкусовых прилагательных пищевыми традициями общества. Они, в свою очередь, обусловлены укладом жизни этноса, климатическими условиями его проживания и менталитетом.

Исследование показало, что гедонистическая составляющая вкусовой перцепции обуславливает ее оценочную компоненту. Она соответствует физиологическим основам вкусовых ощущений. Приятный, доставляющий наслаждение сладкий вкус предопределяет выраженную положительную коннотацию, что обусловлено выработкой гормона дофамина при потреблении сладкого. Горький вкус проявляет во всех словарных и речевых реализациях негативную коннотацию: в *высшей степени неприятный*, что предопределено непереносимостью горького вкуса человеком.

Существуют объективные ограничения исследования, связанные с отсутствием Национального корпуса кабардино-черкесского языка. Многократное увеличение практического материала позволило бы расширить исследовательские задачи и детализировать полученные результаты.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с привлечением дополнительного эмпирического материала, проведением сопоставительных исследований, изучением категоризирующего потенциала других модусов перцепции в кабардино-черкесском языке, что даст представление о видении мира и его интерпретации кабардинским этносом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: лингвокультурный и коммуникативно-прагматический аспекты: монография / под ред. З.Х. Бижевой. – Нальчик: Каб. - Балк. ун-т, 2018. – 192 с.
2. Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. – М.: Наука, 1989. – 206 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиотическое содержание понятия «Языковая картина мира» // Язык. Человек. Общество: международный сборник научных трудов (к 60-летию профессора В.Т. Малыгина). – СПб.– Владимир, 2005. – С. 36–44.
4. Аликаев Р.С., Башиева С.К. Особенности номинации лингвокультурной информации в свадебной картине мира карачаевцев и балкарцев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 63–69.
5. Аликаев Р.С. Особенности экспликации когнитивных структур в метафорических номинациях флоры (на материале карачаево-балкарского и русского языков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 3(19). – С. 86–92.
6. Аликаев Р.С., Башиева С.К. Вербальные стратегии концептуализации гендерного поведения во фразеологии // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 14. – С. 656–660.
7. Аликаев Р.С. Межкультурная коммуникация как взаимодействие культурных пространств // История и философия культуры: актуальные проблемы. Вып. XI. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2010. – С. 134–151.

8. Алимуратов О.А. Концепт и лингвистическая семантика: Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций // Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. – 316 с.
9. Алимуратов О.А. Опыт метонимического моделирования фрагментов англоязычной картины мира (на примере концепта FLOWER) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010.– № 1. – С. 64–72.
10. Алимуратов О.А. Научная картина мира: некоторые дискуссионные аспекты изучения // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 112–119.
11. Альтнер Х. Физиология вкуса // Основы сенсорной физиологии. – М.: Мир, 1984. – С. 237–246.
12. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 1. – 472 с.
13. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
14. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
15. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – 6-е изд. – М.: URSS, 2009. – 342 с.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры. – 1999. – 896 с.
17. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 346–370.
18. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 159 с.
19. Бгажноков Б.Х. Отрицание зла в адыгских тостах. – Нальчик, 2010. – 118 с.

20. Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 75–108.
21. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
22. Битокова Т.А. Перцептивная основа языковой картины мира // Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2024. – С. 188–191.
23. Битокова Т.А. К вопросу о разграничении полисемии и омонимии // Актуальные проблемы теории языка и современные технологии лингводидактики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: 2023. – С. 162–167.
24. Битокова Т.А. Категориальный концепт «вкус/taste» в английской и русской лингвокультурах // Актуальные проблемы и перспективы развития гуманитарных наук и образования в эпоху цифровизации: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2023. – С. 133–136.
25. Битокова Т.А. Особенности метафорической репрезентации конкретных и абстрактных сущностей // Казанская наука. – 2022. – № 12. – С. 114–116.
26. Битокова Т.А. Особенности полисемии прилагательных // Перспектива–2022: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Т. 1. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2022. – С. 10–13.
27. Битокова С.Х., Битокова Т.А. Семантическая деривация многозначных прилагательных // Казанская наука. – 2022. – № 4. – С. 220–222.
28. Битокова Т.А. Особенности категоризации вкусовой перцепции в английской и русской этнокультурах // Перспектива–2023: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов, и молодых ученых. – М.: Эксперт, 2023. – Т. 1. – С. 10–13 (электронное издание).

29. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
30. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – 2009. – С. 25–77.
31. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: ЯСК, 2018. – 480 с.
32. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
33. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. Вып. XXXVII. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. – С. 37–44.
34. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2014. – 236 с.
35. Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал вторичных структур // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 1(44). – С. 15–24.
36. Болдырев Н.Н. Взаимодействие первичных и вторичных структур в языковой картине мира как фактор ее динамики // Когнитивные исследования языка. Язык и мышление в эпоху глобальных перемен: материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. – М.: Флинта, 2021. – № 3(46). – С. 26–31.
37. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. М.:– 2022. – № 1(48). – С. 19–79.
38. Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. – Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2017. – С. 19–81.

39. Борисенко Т.В., Питина С.А. Некоторые особенности организации концептуальной категории (на материале русского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 7. – 2021. – № 3. – С. 26–34.
40. Борисенко Т.В. Организация структуры концептуальной категории // Казанский лингвистический журнал. – 2022. – № 5(4). – С. 523–534.
41. Боярская Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2. – 2010. – С. 19–27.
42. Булгакова О.А. Полисемантическое слово как комплексная когнитивная структура // Лингвистика как форма жизни / под ред. П.А. Катыхова, Т. В. Артёмовой. Вып. 3. – М.: Ленанд, 2015. – С. 76–88.
43. Булгакова О.А. Полисемия как результат концептуализации, категоризации и номинации. Альманах современной науки и образования. В 2-х ч. Ч. I. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 8(27). – С. 21–24.
44. Булгакова О.А. Полисемия производного слова как результат категоризации действительности в номинативной деятельности человека // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4–3(52). – С. 82–85.
45. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева / под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – Т. XII. – 776 с.
46. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
47. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 79–129.
48. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. Институт языкознания. – М.: Наука, 1978. – 200 с .

49. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное (Собрание трудов). – М.: Лабиринт, 2001. – 368 с
50. Вкусовая перцепция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 12.05.2024).
51. Гедина М.А. Феномен восприятия в контексте языковой картины мира (на материале английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 2011. – 23 с.
52. Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение. – Челябинск: Энциклопедия. 2008. – 180 с.
53. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. – М.: Наука, 2011. – 135 с.
54. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти: Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: учебное пособие. – М.: Наука, 2004. – 248 с.
55. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. / под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
56. Гутова Л.А. Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л.А. Гутова. – Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 364 с.
57. Гутова Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. – 20 с.
58. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. – Екатеринбург, 2015. – 286 с.
59. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Екатеринбург, 2018. – 280 с.

60. Жантурина Б.Н. Семантическая деривация перцептивных прилагательных (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2013. – 39 с.

61. Жантурина Б.Н. Метафоры на основе перцептивного компонента: (на материале русского и английского языков). – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2016. – 163 с.

62. Жантурина Б.Н. Перцептивные признаки в рекламном глуттоническом дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции. Т. 2. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 225–228.

63. Жантурина Б.Н. Эталонный вкус в презентационном дискурсе // Казанская наука. – 2016. – № 9. – С. 55–57.

64. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

65. Иванова Р.П., Афанасьева Е.Н., Павлова Г.Г. Когнитивно-семиотический анализ лексики вкусового восприятия (на материале якутского языка) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 7–2. – С. 127–129.

66. Ивашкевич И.Н. К вопросу о роли перцепции в процессах вторичной номинации // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 2. – С. 41–45.

67. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Ин-т. рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – 180 с.

68. Кассирер Э. Познание и действительность. – СПб.: Алетейя, 2000. – 456 с.

69. Катермина В.В. Метафора в английском неографическом дискурсе // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни. – М.: Инфра-М, 2023. – С. 55–63.

70. Катермина В.В. Лингвоаксиология гастрономического неологического дискурса // Дискурсивная природа коммуникации: понимание и интерпретация. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2023. – С. 42–63.

71. Катермина В.В. Образный потенциал английского неографического дискурса. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2024. – 169 с.

72. Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 51–77.

73. Кобякова И.А., Гарамян А.В., Филатова Н.И. Семантический синкретизм осязательных прилагательных (на материале русского, английского и испанского языков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 1. – С. 135–142.

74. Козлова Л.А. Метафора и метонимия: сходство и различия // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4(29). – С. 137–144.

75. Козлова Л.А. Динамический характер языковой картины мира и его манифестация в процессах частеречного взаимодействия // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 1(48). – С. 255–272.

76. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка. Лингво-психологический словарь. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 368 с.

77. Колесов И.Ю., Максимов В.Д. Языковая репрезентация визуальной и аудиальной модальностей восприятия. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – 198 с.

78. Кремшокалова М.Ч. Когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи (на материале кабардино-черкесского языка): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2015. – 40 с.

79. Крихели Н.И., Гаматаева Д.И., Дмитриева Н.Г. Вкусовая чувствительность и ее изменения // Российская стоматология. – 2011. – Т. 4, № 2. – С. 15–19.

80. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
81. Кубатиев Б.А. Блюда адыгской (черкесской) кухни. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2008. – 480 с.
82. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 331 с.
83. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
84. Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 325 с.
85. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
86. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М.: Прогресс, 1983. – 133–176.
87. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2005. – 39 с.
88. Лаенко Л.В. Перцептивное знание и язык: Методология лингвокогнитивного исследования: учебное пособие. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2022. – 155 с.
89. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 542 с.
90. Лакофф Д. Женщины, огонь и другие опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 632 с.
91. Лакофф Д. О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 302–349.

92. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект: сборник / пер. с англ. и нем. / сост. и вступит. ст. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143–184.
93. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
94. Левицкий А.Э. Проблема частей речи в аспекте категоризации языковых единиц // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 110–118.
95. Левицкий А.Э. ЕДА и не только: вопросы когнитивной семантики и лингвокультурологии // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3–1(54). – С. 197–201.
96. Лечицкая Ж.В. Прилагательные вкуса в современном русском языке (в аспекте номинации): автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1985. – 17 с.
97. Лещева Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 254 с.
98. Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф. Воплощенное познание (embodied cognition): основные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 343–364.
99. Логинов Н.И., Спиридонов В.Ф. Воплощенное познание как современный тренд развития когнитивной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 25–42.
100. Лукошус О.Г. Инвариантное значение: история вопроса и практическое применение при анализе структуры многозначного прилагательного true // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 12 (30). – Ч. II. – С. 113–118.
101. Лю Цзюянь. Метафоризация лексических единиц с семантикой вкусового восприятия в китайском и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 5. – С. 51–62.

102. Ма Липин. Полисемия русских прилагательных в когнитивном аспекте // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 7. – 2021. – № 3. – С. 131–139.
103. Макарова Е.А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 2. – С. 184–190.
104. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев: учебное пособие. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 349 с.
105. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – Киев: Знання, 2004. – 326 с.
106. Матвеева Т.М. Перцептивная категория вкуса и лингвистические средства ее реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 22 с.
107. Меньшикова Е.Е. Винные метафоры в рекламном туристическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 12. – С. 159–165.
108. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.
109. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Наука, 1999. – 606 с.
110. Мецлер Д. Биохимия. Т. 3. – М.: Мир, 1980. – С. 347–349.
111. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281–310.
112. Морковкин В.В. О лексической полисемии // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 4. – С. 57–67.

113. Нагорная А.В. Метафорические средства описания вкусового ощущения в современной англоязычной культуре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2023. – № 20(1). – С. 79–97.

114. Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 86 с.

115. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 61–75.

116. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 756 с.

117. Никитин М.В. Концепт и метафора // *Studia Linguistica*. Проблемы теории европейских языков. Вып. 10. – СПб., 2001. – С. 16–35.

118. Никифорова А.М. Семантические особенности перцептивных прилагательных (лексико-семантические группы «Зрение», «Слух», «Осязание», «Обоняние», «Вкус») в древнеанглийском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3567–3574.

119. Новоженев Ю.М., Сопина Л.Н. Кухня народов мира. В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Высшая школа, 1993. – 288 с.

120. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // *Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс*. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 167–201.

121. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – 286 с.

122. Падучева Е.В. Метафора и ее родственники // *Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура: сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 187–203.

123. Пауль Г. Принципы истории языка / пер. нем. / под ред. А.А. Холодовича. – М.: Иностранная литература, 1960. – 499 с.
124. Полякова А.А., Юрина Е.А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2020. – № 2(208). – С. 76–84.
125. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – 4-е изд., стер. – М.–Берлин, 2015. – 101 с.
126. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
127. Похлебкин В.В. национальные кухни наших народов. – М.: Центрполиграф, 2009. – 639 с.
128. Рахилина Е.В., Карпова О.С., Резникова Т.И. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сборник статей по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – 2009. – С. 420–426.
129. Руберт И.Б., Киселева С.В. Когнитивные механизмы метафтонимии // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 36. – С. 419–426.
130. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именованя. Модусы перцепции (зрение, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.
131. Рузин И.Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 199 с.
132. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Академия, 2005. – 639 с.

133. Сакаева Л.Р., Мефодьева М.А., Гутман Е.В. Характеристика категории вкуса в логико-понятийном пространстве языка // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2(99). – С. 560–562.
134. Сандакова М.В. Способы семантической деривации и типы соотношений между значениями в семантической структуре прилагательного // Научный диалог. – 2019. – № 3. – С. 117–131.
135. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. – М.: ЯСК, 2018. – 391 с.
136. Спиридонова, Н. Ф. Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных: дис. ... канд. филолог. наук. – М., 2000. – 157 с.
137. Степина С.С. Синестетическая ольфакторная метафора как разновидность метафоры // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей. – СПб.,– 2020. – С. 22–27.
138. Сулименко Н.Е. Современный русский язык: К изучению семантики имён прилагательных: учебное пособие. – СПб: Изд-во Политехнического университета, 2008. – 240 с.
139. Сулименко Н.Е. Модус в семантике имен прилагательных // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. – СПб.: Издательство «Лема», 2010. – С. 262–270.
140. Сулименко Н.Е. О критериях лексической категоризации в ее когнитивном истолковании // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 313–322.
141. Таов О.Х. Кухня народов Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2011. – 64 с.
142. Темиргазина З.К. Представления о вкусах как когнитивная область знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 115–121.
143. Типы категорий в языке: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова / отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – 2010. – 551 с.

144. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. В 3-х т. – М.: Прогресс, 1999. – Т. 1. – С. 58–91.
145. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
146. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5–81.
147. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. – М.: URSS, 2010. – 239 с.
148. Финикова И.В. Содержательный и функциональный потенциал понятия языковая картина мира в современных лингвистических исследованиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 342–356.
149. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
150. Хакимова Г.Ф. Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005. – 24 с.
151. Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Ленанд, 2023. – 216 с.
152. Цикуниб А.Д., Езлю Ф.Н. Традиционная система питания адыгов: культурно-гигиенические и педагогические аспекты // Наука: комплексные проблемы. – 2014. – № 1(2). – С. 40–50.
153. Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я. Из истории типологических представлений // Структурная и прикладная лингвистика. – 2007. – № 7. – С. 328–390.
154. Чеханова И.В. Концепт taste в английской языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 114–122.
155. Чилова Т.А. Когнитивный потенциал лексики чувственного восприятия // Казанская наука. – 2023. – № 12. – С. 448–450.

156. Чилова, Т.А. Семантическое варьирование вкусового признака «гуащIэ» (кислый) в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 363–368.

157. Чилова Т.А. Метафора и метонимия как основные способы семантической деривации: сходство и различия // Перспектива–2024: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. В 3-х т. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2024. – С. 108–111.

158. Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: Принцип дифференциации. – М.: Столетие, 1997. – 480 с.

159. Шарандин А.Л. Прилагательное как частеречный репрезентант концепта Признак // Когнитивные исследования языка. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. XIV. – 2013. – С. 137–143.

160. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

161. Шнякина Н.Ю. Перцептивные концепты в немецкой языковой картине мира и их метафорический потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2005. – 24 с.

162. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.

163. Юрина Е.А., Ларцина С.В. Метафорический образ «пища» в кабардино-черкесском языке в сопоставлении с русским // Гуманитарные технологии современном мире: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. – Калининград: Полиграфычъ, 2023. – С. 87–90.

164. Яровая Е.Ю. Связь когнитивного и ономасиологического подходов в изучении концепта ВКУС // Когнитивные исследования языка. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. XIV. – Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2013. – С. 931–936.

165. Aarts J., Calbert J. P. *Metaphor and Non-Metaphor. The semantics of Adjective-Noun Combinations.* – Tübingen, 1979. – 240 p.
166. Croft W. *Typology and universals.* – Cambridge, Cambridge University Press, 2003. – 314 p.
167. Cruse D.A. *Polysemy and related phenomena from a cognitive linguistic viewpoint* // P. Saint-Dizier, E. Viegas (eds.). *Computational Lexical Semantics.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1995 p.
168. Dean P. *Polysemy and cognition* // *Lingua* 75. – 1988. – P. 325–361.
169. Dennett D. *Consciousness Explained.* – New York: Back Bay Books, 1991. – 527 p.
170. Dirven R., Pörings R. (eds.) *Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation Metaphor and Metonymy in comparison and contrast.* – Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 75–111.
171. Fauconnier G., Turner M. *Conceptual Integration Networks* // *Cognitive Science.* – 1998. – № 22. – P. 133–187.
172. Gallagher S. *How the Body Shapes the Mind.* – New York: Oxford University Press, 2005. – 284 p.
173. Geldard F.F. *The human senses.* John Wiley & Sons. – New York, 1972. – 598 p.
174. Goldstein E.B. *Sensation and perception.* – Belmont, 1984. – 365 p.
175. Hoffmann V. von. *From gluttony to Enlightenment: The world of taste in Early Modern Europe.* – Chicago: University of Illinois Press, 2016. – 282 p.
176. Holmes B. *Flavor: The science of our most neglected sense.* – New York: W. W. Norton & Company, 2017. – 207 p.
177. Jackendoff R. *Conceptual Semantics and Cognitive Semantics* // *Cognitive Linguistics.* – 1996. – № 7–1. – P. 93–129.
178. Johnson A.B. *The Physiology of the Senses; or how and what we see, hear, taste, feel and smell.* – Greenwood Press, 1968. – 214 p.

179. Kiseleva S.V., Trofimova N.A., Rubert I.B. Linguistic and cognitive bases of differentiation of conceptual metaphors and metonymy // *Linguistic Perspectives on the Construction of Meaning and Knowledge* / Editors: Brian Nolan, Elke Diedrichsen. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. – P. 222–244.

180. Korsmeyer C. *Making sense of taste*. – New York: Cornell University Press, 1999. – 232 p.

181. Kovecses Z. *Metaphor in Culture. Universality and variation*. – Cambridge University Press, 2005. – 314 p.

182. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: embodied mind and its challenge to Western thought*. – New York: Basic Books, 1999. – 590 p.

183. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind*. – The University of Chicago Press, Chicago, 1987. – 631 p.

184. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image schemas? // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1, № 1. – P. 39–74.

185. Lakoff G. Johnson M. Why cognitive linguistics requires embodied realism. – 2002. – P. 245–263.

186. Langacker R.W. Rudzka-Ostyn B. (ed.) *A usage-based model* // *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – 721 p.

187. Lickliter R., Bahrick L.E. The Development of Infant Intersensory Perception: Advantages of a Comparative Convergent-Operations Approach // *Psychological Bulletin*. – 2000. – Vol. 126, № 2. – P. 260–280.

188. Norvig P., Lakoff G. A Study in Lexical Network Theory. Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting, 1987. – P. 195–206.

189. McHugh G. An investigation into taste perception [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gerardkeegan.co.uk> (дата обращения: 24.07.2024).

190. Peirsman Y., Geeraerts D. Metonymy as a Prototypical category // *Cognitive Linguistics*. – 2006. – № 17(3). – P. 269–316.
191. Rosch E. Natural categories // *Cognitive psychology*. – 1973. – Vol. 4. – P. 328–350.
192. Rosch E., Lloyd B.B. (eds.) *Principles of categorization // Cognition and Categorization*. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.
193. Rosch E. Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems // *New Trends in Conceptual Representation: Challenges to Piaget's Theory?* ed. by E.K. Scholnick. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1983. – P. 73–86.
194. Rosch E., Margolis E., Lawrence S. (eds) *Principles of Categorization // Concepts*. – Cambridge, Ma: The MIT Press, 1999.
195. Saint-Roche C.R. *Le goût et les mots du vin*. – Jean-Pierre Taillandier, 1995. – 215 p.
196. Shapiro L. *Embodied cognition*. – New York: Routledge, 2011. – 237 p.
197. Taylor J.R. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 312 p.
198. Shepherd G.M. *Neurogastronomy: How the brain creates flavor and why it matters*. – New-York: Columbia University Press, 2012.
199. Tuggy D. Ambiguity, polysemy, and vagueness // *Cognitive Linguistics*. – 1993. – Vol. 4, № 3. – P. 273–290.
200. Ungerer F., Schmid H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. – London and New York: Longman, 2006. – 293 p.
201. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1991. – 308 p.
202. Vercelloni L. *The invention of taste: A cultural account of desire, delight, and disgust in fashion, food and art*. – L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2016. – 224 p.

203. Wilson A., Golonka S. Embodied cognition is not what you think it is // *Frontiers in Psychology*. – 2013. – Vol. 58. – P. 1–13.

204. Wistoft K., Qvortrup L. Seven dimensions of taste: Taste in a sociological and educational perspective. In: *Gastronomy and food science*. Galanakis C. (ed.). – Amsterdam: Elsevier, 2020. – P. 227–251.

Словари и справочники

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 569 с.

2. Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Б., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 240 с.

3. БРКЧС 2021 – Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Б. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2021. – 794 с.

4. БТСР 2000 – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2005 – 376 с.

6. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. – СПб.: Прайм-еврознак, 2007. – 784 с.

7. КРС 1957 – Кабардино-русский словарь / под ред. Б.М. Карданова. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – 576 с.

8. КФС 2004 – Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь. – М.: Эксмо, 2004. – 480 с.

9. КРФС 1968 – Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 342 с.

10. КСКТ 1997 – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
11. Лапина И.К., Маталина Е.Н., Секачев Р.Г. и др. Большой энциклопедический словарь.- М.: АСТ Астрель, 2008. – 1248 с.
12. ЛСС 1975 – Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
13. ЛЭС – 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
14. Словарь синонимов кабардино-черкесского языка / науч. ред. Р.Х. Дзуганова. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 942 с.
15. СФТ 2005 – Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. – М.: Инфра-М, 2005. – Т. XVI, 731 с.
16. СКЧЯ 1999 – Словарь кабардино-черкесского языка // Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – М.: Дигора, 1999. – 860 с.
17. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977а. – Т. 1. – 290 с.
18. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977б. – Т. 2. – 222 с.

Список использованных литературных источников

1. Абазэ Л. Анэм и джэ макъ // Бжьыхъэ нэпсхэр. – Налшык: Эльбрус, 1994. – 280 н.
2. АбытІэ В. Къ. Индыл и зы щэху. – Черкесск: Ставрополь тхыль едзапІэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2005. – 284 н.

3. АбытIэ В. Къ. Ирамышыжа нысащIэ. – Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1991. – 264 н.
4. АбытIэ В.Къ. ЩIакIуэр зи унэ. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1986. – 256 н.
5. Дыгъужь Къу. Бжьыхъэ псыдзэ. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1983. – 216 н.
6. Дыгъужь Къу. ЩIымахуэ лэгъуыкъу. – Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ, 2011. – 174 н.
7. Елгъэр К.М. Ухеймэ – улъэщц. – Налшык: Эльбрус, 1976. – 348 н.
8. Журт Б. Мэрэмэжьей. – Налшык:Эльбрус, 1997. – 440 н.
9. Къэрмокъуэ М. Щихухэр иджыри мэкI. – Налшык: Эльбрус, 1988. – 480 н.
10. КIэрэф М. Ж. Лъэужь е лъэужь. – Налшык: Эльбрус, 2009.- 572 н.
11. КIыщокъуэ А.П. Нал къута // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Т. 4. – Налшык: Эльбрус, 2006. – 688 н.
12. КIыщокъуэ А.П. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Роман. Т. 5. – Налшык: Эльбрус, 2002. – 552 н.
13. Къашыргъэ Хь.Хь. Насыпым и хэкIыпIэ. – Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1957. – 308 н.
14. Нал 3.М. Къру закъуэ. – Налшык: Эльбрус, 1981. – 400 н.
15. ИоджэнцIыкIу А.А. Тхыгъэхэр. – Налшык: Эльбрус, 2000. – 432 н.
16. Шортэн А. Бгырысхэр // Роман-эпопея, тхыльиплI хъууэ. – Налшык: Эльбрус, 2016. – 1224 н.
17. ЩоджэнцIыкIу I. Софят и гъатхэ. – Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1962. – 232 н.
18. Щэмырзэ I. Махуэ лъапIэр къэсыпат. – Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 2002. – 276 н.

Электронные издания

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.amaltus.com](https://www.amaltus.com).
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.gufo.me](https://www.gufo.me).
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.lexicography.online](https://www.lexicography.online).
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.elementy.ru](https://www.elementy.ru).
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.dictionary.cambridge.org](https://www.dictionary.cambridge.org).
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.dic.academic.ru](https://www.dic.academic.ru).
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gerardkeegan.co.uk>.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.medaboutme.ru](https://www.medaboutme.ru).
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.monocler.ru](https://www.monocler.ru).
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.sektascience.com](https://www.sektascience.com).
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// www.psyera.ru](https://www.psyera.ru).
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com>.